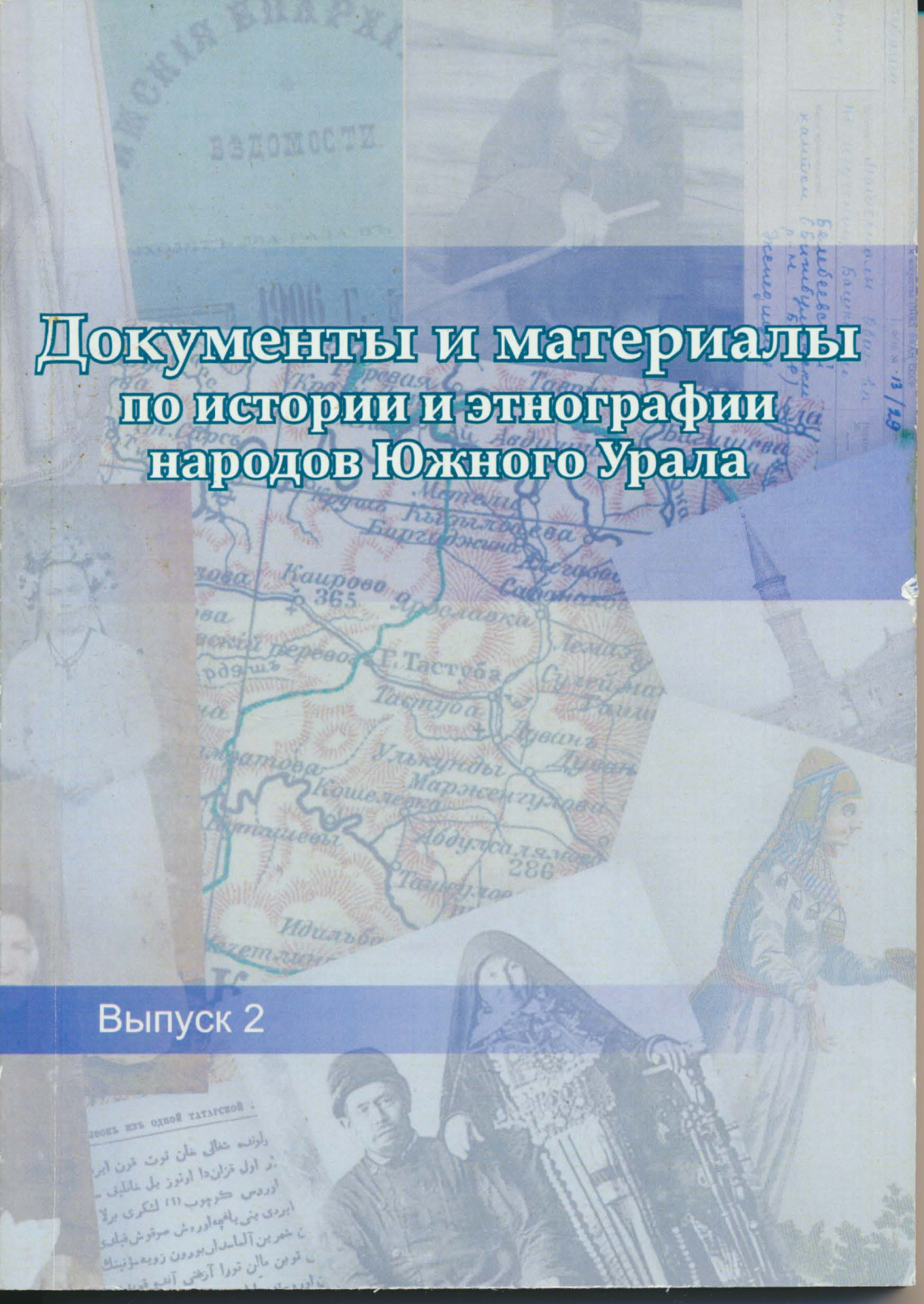

Документы и материалы по истории и этнографии народов Южного Урала

Выпуск 2

Копия из одной татарской...

رولنده شغالى خان توت قون اير
د اول قران دا اونوز بل غالبى -
اوردهس كچهوب (1) لشكرى برلا
ايردى مېن يالغجه اوردهس صوقوش قىلدى
ن شهرين آلماسدان بوردهن زويه-قونينك
ن توبن مانن توردا آرخنى آلبه قونينك

Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
– Обособленное структурное подразделение
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА

Выпуск 2

Уфа
«Первая типография»
2018

УДК 39:947(470.57)(00)
ББК 633(2Рос.Баш):63.5(2Рос.Баш)
Д63

Составитель и ответственный редактор
д-р филол. наук *Ф.Г. Галиева*

Рецензенты :
отдел этнологии ИИЯЛ УФИЦ РАН,
д-р ист. наук *Е.С. Данилко*

Д63 **Документы и материалы по истории и этнографии народов Южного Урала** / сост. и ответ. ред. Ф.Г. Галиева.
Уфа: ООО «Первая типография», 2018.

Вып. 2. 2018. 170 с.

Знак информационной продукции **16+**
ISBN 978-5-6042208-4-9

В сборнике публикуются документы и материалы по истории и этнографии народов Южного Урала XIX–начала XXI в., собранные сотрудниками Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН. Читатель найдет в книге немало нового по материальной и духовной культуре башкир, русских, чувашей, удмуртов и мордвы.

Книга предназначена для этнографов, историков, фольклористов, религиоведов, культурологов.

УДК 39: 947 (470.57)(00)
ББК 633 (2Рос.Баш): 63.5 (2Рос.Баш)

ISBN 978-5-6042208-4-9

© ИЭИ УФИЦ РАН, 2018
© Коллектив авторов, 2018

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящая книга продолжает издание серии сборников под общим названием «Документы и материалы по истории и этнографии народов Южного Урала», предпринятое Отделом этнографии Института этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН в 2017 году. В этой серии публикуются полевые материалы последних лет, малодоступные современному читателю архивные документы и газетные публикации прошлых столетий, сочинения путешественников, исследователей, краеведов, содержащие описание быта и культуры народов Южного Урала. Это первоисточники, предназначенные для использования этнографами, историками, религиоведами, фольклористами, культурологами, представителями других научных дисциплин.

Как и предыдущий, второй выпуск серии состоит из трех разделов. Первый раздел составили архивные документы по этнографии башкир, русских и удмуртов первой половины XX столетия, когда продолжали существовать относительно моноэтнические поселения и сохранялись этнические традиции народов. Вместе с тем, под влиянием социально-экономических и политических перемен активизировались урбанизационные процессы, формировалась этнически нивелированная советская культура, происходила ломка традиционных верований, утрата многих обычаев.

В публикациях канд. ист. наук З.Ф. Хасановой приводятся архивные сведения из Белорецкого краеведческого музея. Из фонда краеведа Р.А. Алферова представлены путевые записки, вероятно написанные членом Общества по изучению Башкирии М.Ф. Чурко во время пребывания в 1925 году в башкирских и русских селениях Тамьян-Катайского кантона Уфимской губернии — Ассы, Габдюково (Сысканово), Бриш, Зюяково, Александровка, Манашгы, Сафаргулово, Ново-Хасаново и Гумбино. В них читатель найдет сведения о поселениях, жилищах и постройках, хозяйственных занятиях (включая бортничество), питании, средствах передвижения, антропологических особенностях местных башкир, их религиозной жизни. В другой публикации З.Ф. Хасановой приводятся описания свадебных обрядов с текстами песен русского населения горнолесной зоны, извлеченные из рукописи Р.А. Алферова.

Тему русской свадебной обрядности продолжает публикация Д-ра филол. наук Ф.Г. Галиевой. В фондах Научного архива УФИЦ РАН ею были изучены материалы участников фольклорно-этнографических экспедиций МГУ им. М.В. Ломоносова 1948–1949 гг. под руководством Э.В. Померанцевой. Приводится два варианта обряда: г. Благовещенска, где жили выходцы из Рязанской губ., и д. Ахлыстино Покровского района, — переселенцев из Вятской губ.

Д-ром ист. наук Р.Р. Садиковым представлен документ, характери-

зующий удмуртское село Большой Гондырь Осинского уезда Пермской губернии (Сарапульского округа Уральской области, ныне Куединского р-на Пермского края) в 1910–1920-е гг., обнаруженный в местном сельском краеведческом музее. Воспоминания дочери известного удмуртского просветителя Гавриила Прокопьевича Прокопьева — Елизаветы Гавриловны Прокопьевой — содержат сведения о жизни удмуртского села, воссоздают хронологию революционных событий и советских преобразований, дают информацию о жизни и деятельности учителей-просветителей братьев Гавриила, Антона и Максима Прокопьевых.

Во второй раздел сборника вошли результаты полевых исследований 2014–2017 гг. д-ра ист. наук Р.Р. Садикова, д-ра филол. наук Ф.Г. Галиевой, канд. ист. наук И.Г. Петрова, канд. ист. наук Е.Е. Нечвалоды, аспиранта Р.А. Абдулхаликова, проведенных в русских, башкирских, чувашских, удмуртских и мордовских селениях. Они посвящены семейной обрядности башкир, типологии надмогильных памятников некрещеных чувашей, религиозным верованиям удмуртов, календарным традициям мордвы.

Третий раздел сборника подготовлен канд. ист. наук И.Г. Петровым. Он знакомит читателя с заметкой об обрядах и верованиях чувашей Белебеевского уезда, опубликованной Сарияскармом Сеидбаталовичем Девлеткильдеевым на страницах газеты «Уфимские губернские ведомости» в 1867 году. С.С. Девлеткильдеев, потомственный дворянин, владел имением (д. Кутуль Новоселовской вол. Уфимского у., ныне Благоварского р-на РБ). На момент написания своего труда он исполнял должность мирового посредника (занимался улаживанием поземельных отношений между помещиками и крестьянами и надзором за крестьянскими учреждениями) шестого участка Белебеевского уезда. Был избран действительным членом Уфимского статистического комитета. Благодаря служебной деятельности, ему удалось собрать интересный материал о религиозных верованиях чувашей, изложить его в мельчайших подробностях и со знанием этнической специфики снабдить описанием обрядов аутентичными текстами на чувашском языке.

В настоящем сборнике подготовка к публикации архивных материалов осуществлялась в соответствии с правилами издания научного типа. Документы приведены целиком или в извлечениях, оформлены согласно «Правилам издания исторических документов в СССР» (М., 1990). Каждый раздел публикации предваряется вступительной статьей и научными комментариями.

Авторы публикаций сердечно благодарят работников Национального архива Республики Башкортостан, Научного архива УФИЦ РАН, Белорецкого краеведческого музея, краеведческого музея села Большой Гондырь Куединского района Пермского края за помощь в подготовке материалов, а также всех информаторов за предоставленные во время экспедиций сведения.

Ф.Г. Галиева

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

**БАШКИРСКИЕ СЕЛЕНИЯ
ТАМЬЯН-КАТАЙСКОГО КАНТОНА в 1925 г.
по материалам архивного документа из фондов
Белорецкого краеведческого музея**

В научно-вспомогательном фонде Белорецкого историко-краеведческого музея хранится 7 томов документов (машинопись, рукопись), переданных писателем, журналистом, краеведом, знатоком местного устного народного творчества Романом Андреевичем Алферовым (1915–1997). В 4-ом томе на страницах 51–67 нами обнаружен интересный материал, касающийся этнографии Белорецкого района, скорее всего написанный другим краеведом, членом Общества по изучению Башкирии — Михаилом Фомичем Чурко. К сожалению, ссылок или других документов, подтверждающих это предположение, увы, нет. Сам Р.А. Алферов вряд ли мог путешествовать по разным селениям губернии и изучать их в десятилетнем возрасте. Вместе с тем, в музее сохранились жизнеописания М.Ф. Чурко, по стилю изложения сходные с вышеуказанными материалами в собрании Р.А. Алферова. Также имеются рисунки, сделанные карандашом и подписанные М.Ф. Чурко с указанием времени и места. На одном из рисунков, датированных 1925 годом, запечатлен процесс чтения намаза стариками в д. Ассы.

Чурко Михаил Фомич родился в 1883 г. в Белоруссии (Виленской губернии). Рано осиротел, с 12 до 18 лет жил у дяди — Кондрата Чурко — учителя железнодорожной школы. Мальчик обладал большими способностями к рисованию и мечтал о профессиональном обучении. Окончил художественную школу в г. Вильнюс, в 1918 г. приехал в г. Белорецк. В 1920-е годы работал в школе учителем черчения и рисования. Со дня основания входил в Общество по изучению Башкирии, где возглавил Тамьяно-Катайское отделение. Под его руководством был организован первый краеведческий кружок. Собранная им коллекция легла в основу первого в Белорецке естественного историко-просветительского музея, где была представлена история горнозаводской промышленности, материалы по археологии, этнографии, нумизматике и других сфер жизнедеятельности человека. Итогом его краеведческих изысканий стала книга «Исторический очерк Тамьяно-Катайского кантона БАССР», которая была издана в Уфе в 1927 г.

15 сентября 1939 г. М.Ф. Чурко был арестован, осужден и лишен свободы на 8 лет. Умер в 1941 г. в исправительно-трудовом лагере близ с. Асино Новосибирской области. Реабилитирован в 1989 г.

После ареста Михаила Фомича Чурко его архив был конфискован

работниками НКВД, большая часть утеряна, судьба многих документов неизвестна¹.

Ниже публикуются полевые записи М.Ф. Чурко за 1925 г. и описание Усмангалийской волости. Они содержат богатые географические и этнографические сведения, в том числе сведения о численности, национальном составе населенных пунктов, которые ныне не существуют. В этой публикации найдут для себя много информации историки, археологи, этнографы и краеведы.

З.Ф. Хасанова

Инзер — Габдюково (Сысканово) — Зуяк

От Инзерского завода до д. Габдюково (Сысканово²) — по туземному дорога идет через хребет Зильмердак. Это прекрасная каменная дорога, 40 верст то довольно сносно едешь, то трясешься и прыгаешь так, что предпочитаем вылезать. Когда-то это была довольно бойкая дорога, сейчас остатки этого прошлого — кое-где столбы телеграфной и телефонной линии на село Архангельское или лежащие, или пошатнувшиеся, а кое-где остатки деревянной мостовой, насланной через невылазные трясины. Снег на Зильмердаке выпадает до 1 саж., тает долго, распутица затягивается, деревья тоже страдают от этого, плохо растут.

Везде, где мало-мальски подходящие поляны, — покосы. Выпали погожие дни и народ спешит убирать, как русские, так и башкиры.

Встречающиеся люди почти все были знакомы ямщику и он с ними обязательно перекидывался парой слов. Вообще чувствовалось какая-то большая дружелюбность между горными жителями, между башкирами и русскими.

Подъезжая к д. Сысканово пришлось несколько раз переехать р. Большой Инзер. На дне его и посейчас лежит масса чугунных болванок, иногда их складывают в кучку на самой реке. Это остатки терпевших аварий грузов, так как по р. Инзеру когда-то тоже сплавливали баржи с чугуном. Дорога идет почти сплошь лесом: береза, липа, ильм, клен, осина, дуб, ель, пихта, изредка сосна, рябина, по берегам неизменная черемуха. Липа достигает двух обхватов на высоте роста, но жалко бывает видеть ободранные липы (только тут я понял, что значит «ободрал, как липку»).

В д. Сысканово через р. Инзер переправлялись на челноках, выдолбленных из цельных колод. Остановились в доме богатого башкира — сына муллы — там пили чай с медом. Я попал в самый период медосбора и всюду здесь чаепитие с медом. После завершения всех дел —

¹ <http://archive.is/gaOdF> (дата обращения: 31. 08. 2018).

² Народное название селения.

побывали у муллы, здешнего старожилы. Он помнит по преданию VII ревизию, а о прошлом кое-что сказал, но интересно, что и здесь этот же мулла, говоря о службе прародителя их деревни русским царям, опять назвал Ивана Васильевича. Других царей он не знал и не помнил, а этого — предание сохранило, как и у других башкир.

Из д. Сысканово мы верхом поехали в д. Зюяк. Дорога хотя есть колесная и вполне можно ехать, но телег нет у жителей. Все выполняют на спине лошади. Только жерди и бревна возить имеют приспособление — две оглоблины с перекладной, которые волочатся прямо по земле — волокуша. Мой багаж повесили на лошадь, я сел в седло, сзади устроился малайка¹ — проводник, и — айда! В общем этот способ мне даже понравился больше, чем в телеге.

Жители этих двух деревень сухощавые, плотных, здоровенных, вроде степняков башкир, мне не пришлось встречать. Лица худые, плотно обтянуты кожей. Женщины маленькие, истощенные, почти без грудей. Очень распространена трахома². Все очень гостеприимны, неизменный чай везде и всюду, обязательно с медом. К чаю подают ржаной хлеб, сливочное масло, картошку, иногда сметану к картошке. Чай разливают сам хозяин, хозяйка не присутствует, только подает и все время о чем-то хлопочет. Гостя сажают на подушку.

Жилище опрятные. Стены мытые и скобленные. Разумеется, неизменные нары с подушками — по средствам. Чувалы с казанами, но в то же время во дворе имеется еще печь, отдельная, иногда под навесом из липовой коры. Там же топят, летом пекут хлеб, в виде маленьких хлебцов — лепешек. У зажиточных есть и стулья, у средних — одни столы, да еще лавка около. Стол обычно при нарах, покрывается, у кого есть, обязательно цветной, преимущественно полосатой скатертью. Хлебов почти нет. У редких сараи. Скотина гуляет на полной свободе, не запирается и не выгоняется. С весны она выходит и имеет только ночевку во дворе, а вздумает и не придет. Загоны кое-как покрытые с боков и сверху липовыми лубьями, или много жердей.

Усадьба вообще производит странное впечатление. Например, огорожено пространство рядом со двором, вполне пригодное для огорода, но все заросшее крапивой и всякой дрянью. Лишь пара ульев стоит в этом пространстве. Зайдете за хлева (или их заменяющее место) — и опять буйная растительность, чуть не на $\frac{1}{4}$ дес.

В д. Зюякове есть соборная мечеть. Был ахун. Секретарь сельсовета — Дашкина.

¹ Мальчик (башк.).

² Трахома — хроническое инфекционное заболевание глаз, вызываемое хламидиями и характеризующееся поражением конъюнктивы и роговицы с исходом в рубцевание конъюнктивы, хряща век и полную слепоту.

Бриш — Ассы

Из д. Зюяк я выехал в сопровождении малайка, который пел или бегал впереди. Дорога такова, что я вполне убедился в возможности езды телегой. Если на первый взгляд это вполне возможно, то в некоторых местах положительно невозможно или очень трудно. Никаких разговоров о плате, неизбежных в русских селениях, здесь нет. Даже от д. Бриш до д. Ассов не хотел брать плату проводник — хозяин лошади. Правда, что и расходные статьи при таких оказиях, т.е. при выючных переездах, несравненно меньше для хозяина, чем при телегах.

Каменистые горные тропинки, иногда заваленные бревнами или упавшими деревьями, иногда идущие по каменистому руслу быстрых ключей, иногда пересекаемые речками, то взбираешься на горы, то спускающиеся с них, то лепящиеся по обрывистым берегам, достаточно живописны, чтобы вовсе не заметить времени. Так, что чувством сожаления увидишь крыши деревенских домов. Едешь густой чащей и воображаешь себя каким-то исследователем неизвестных мест. Дорога все время берегом Инзера, в одном месте очень хорошо обрывается к Инзеру Бирьянский хребет. Здесь недалеко хутор, из которого выехал верховой. Я начал ему кричать, чтобы он приехал завтра в д. Бриш, а он меня стал зазывать к себе — чайку попить, отдохнуть, а затем ехать в д. Бриш. Я отказался, и он решил ехать со мной. Надо полагать, день был воскресный, поэтому он решил так сделать — прогуляться и удовлетворить свои любопытства, поговорить со свежим человеком. Для сего он переехал в Инзер и сделал порядочный крюк.

Надо сказать, что в д. Зюяках я остановился у бедного, сравнительно, башкира. Но и тот старался, чем мог. Всего два улья, а для меня мед берет. Платы за постой не хотел брать. Поэтому я решил заезжать к богатым и в Бришах был у муллы, а в д. Ассах остановился тоже у богатого. Впрочем, в Ассах меня завел проводник, старый солдат, участник японской и германской войны. Всю дорогу мы с ним «вспоминали, минувшие дни». Он тоже шел пешком. Это был первый башкирский домохозяин, у которого я нашел приусадебное дерево. Он же единственный в деревне посеял рожь. В Бришах и пешком сходил на Бирьян. Было поздно, и писать мне не пришлось, но можно сказать, что по Инзерской дороге места есть лучше по красоте, особенно жалеть не приходится. Здесь я отбил несколько камней, по очертаниям заставлявших подозревать наличие окаменелостей.

Д. Бриш производит хорошее впечатление. Расположенное в узкой долине, это селение окружено веселыми горами, то с хлебами, то лесами, то с одной травой. Вообще эта небольшая деревенька, как и д. Зюяк, как-то располагает к себе. Грамотных даже по-башкирски здесь очень мало, самые грамотеи мулла, а особенно муэдзин, грамотей даже и по-русски. Впрочем, как по-русски, так, увы, и по-башкирски, читали они по складам. Подписываться умеют многие и, конечно, злоупотребляют этим, подписывая, не читая все, что им ни подадут.

В Ассах, во время чаепития пришел старик и принес тарелку сотового меда, настаивая, чтобы я пил чай с этим «свежим» медом. Пришлось удовлетворить гостеприимное чувство, перейти на «свежий мед», хотя он, по правде сказать, был хуже хозяйского. После чаепития поехали по делу к лесничему на хутор. Хотя я обратился к лесничему в самом официальном тоне, но он, очевидно, не пожелал ударить лицом в грязь с русским гостеприимством, и не успел я обернуться, как на стол поползла вареная и жаренная дичь, огурцы, молоко и проч. Так как было обеденное время, а я уже чуть не месяц не обедал по-настоящему, то и принялся уничтожать по мере своих сил.

Мой хозяин в Ассах отлично говорил по-русски, был очень вежлив и предупредителен. Мы занимались со стариками до позднего вечера, и я был свидетелем двух намазов, которые творили хозяин и еще один старик, надевший при этом белую чалму, висевшую тут же на стене. При этом они стали на нары с ногами, сняв верхнюю обувь (вот почему у мусульман так часто бывают калоши даже в сухую погоду), подстлали коврик и на нем то садились на корточки, то вставали и сгибались очень низко, то клали земные поклоны.

Я осмотрел три самые бедные жилища и везде заметил опрятность, конечно, относительно. Везде был настлан пол, даже там, где вход был прямо со двора, даже где не было обычного крыльца, где пол был наложен не из досок, а из расколотых топором бревен. Весь инвентарь состоял из расколотого и связанного проволокой чайника, двух побуревших чашек с блюдами, деревянной чашки, дырявого в середине железного подноса, в одном доме самовара, одна-две подушки, какие-то ножи и несколько тряпья, висевшего на стене. Около дверей коса и топор, в одном доме небольшой сундучек, челяк и корзина. Двор ничем не отгороженный, густо заросший травой. В одном доме слепая старуха качала ребенка, закрытого с головой в тряпье. Родители были на работе. В другом — обе хозяйки — вдова с дочерью, были дома. Дочь немедленно спряталась от моего взора. Обе они хотят наниматься и сейчас пришли с покоса, потом будут жать и такими заработками кое-как поддерживают свою жизнь, все время отыскивая какой-либо очень непостоянный и скудно оплачиваемый труд. На обоих рубахи из *тармы*¹, самосейной конопли, очень грубые и сильно изношенные, но осталось маленькое стремление поддержать опрятность. Женщины в общем не избегают мужчин, хотя бы и посторонних. Случаи, вроде мною описанных, исключительные, хозяйки дома в присутствии одного хозяина со мной садятся за один стол и пьют чай. Но по-русски — «белмей»². Милостивых, не то, что красивых, мало.

¹ Здесь и далее термины нами выделены курсивом.

² Не знаю (башк.).

По дороге из Ассов в Александровку¹ я чуть не сорвался в р. Инзер. Лошадь подо мною наткнулась на убитого орла, брошенного на дорогу и картинно лежавшего с распростертыми крыльями, раскрытым клювом. Лошадь шарахнулась с тропинки в сторону и назад, на полвершка недоступила до берегового обрыва. Я хватал ее кнутом, она рванулась вперед и благополучно отошла от роковой возможности.

Александровка — Манашты

В Александровке русские довольно обычного типа и довольно обычной житейской укладки. Двор хотя и мощный, полы хотя и моют ежедневно, хотя и скребут их ножами, а мух — неисчислимое количество. Подадут на стол и чтобы закрыть — нет: мухи облепят каждый кусок — хозяев это мало беспокоит.

Здесь вы увидите ворота поскотины, даже р. Инзер отгорожена вдоль всей реки особыми «кобылинами», чтобы скотина не переходила. В деревне почти все перероднились, девиц или парней мало, все семейные. У каждого имеется телега, и отсюда начинается колесный путь к Инзерскому заводу. От Александровки верстах в 3[x] — д. Манашты. Около этой деревни р. Инзер имеет чудные обрывистые берега, изгибающиеся складками разных цветов, с кое-где прилепившимися деревьями, живописно отражающиеся в воде. Это, пожалуй, одно из красивейших мест, красота которого еще увеличивается отражением в тихом (в этом месте) р. Инзере и полной тенью, так как высокая отвесная гора закрывает солнце чуть не половину дня.

В д. Манаштых много коношляников — самосеек (*тарма*), растущих около почти каждого дома. Здесь, как и в других деревнях, каждый мало-мальски состоятельный имеет, кроме основного дома, еще летнюю избушку в этом же дворе. Раньше я этого не замечал и лишь здесь обратил внимание на то, что наблюдалось много и раньше, но чему я не придавал значения: что вся хозяйственная жизнь протекает в каком-то амбарчике во дворе, у некоторых такие летнички совершенно новые, но крохотные — чуть не в квадрат сажень. Сказывается прижимка в отпуске леса — раньше башкиры имели свои дачи, но, по правде сказать, не очень заботились о жилищах. Теперь, когда все урезано и обрезано и каждую жердь нужно выписывать — теперь горюют — нет леса, надо покупать, где денег взять. А бревно стоит гроши, безлошадным даже даром отпускают. Но лишь некоторые пользуются этим, остальные будто и не знают о таких льготах. Меня провожал в д. Ассы бравый инвалид японской и германской войны, не могущий добиться пенсии, которую получал до революции. В нем сразу сказался человек, выдавший виды: у него одного при доме растет садик — большая редкость в башкирских

¹ Русская деревня образованная во время основания завода. После закрытия заводов жители переселялись, кто куда, многие перебрались в с. Инзер.

деревнях: он один посеял рожь, имеет понято, как и большинство, пчел, охотится (хотя верхом — нога повреждена). Одет чисто, лицо благообразное, подбородок выбрит по башкирскому обычаю, оставляя бороду расти дальше к шее. Дорожка, по которой проезжали, шла по склону горы к ручью; ее края были закреплены от осыпания бревнами и кольшками — опять же его работа: вся деревня жаловалась и горевала, что дорога скоро обвалится, но никто и не думал чинить, он сам приступил и один окончил. Такие типы попадаются, но как исключение.

Деревня Манашты — последняя крупная деревня, дальше до Инзерского завода пойдут все мелкие, не имеющие ни школ, ни мечетей. В Манаштах еще есть мечеть, но старая-престарая, так и кажется, что ее алтарь, в виде маленькой клетки выдвигающийся к югу, вот-вот сорвется и рассыплется. Начиная уже с Манаштов я пережил неприятные минуты в каждой деревне, добываясь найти кого-нибудь владеющего русским языком. Обычно в деревню являешься днем, когда все решительно «бабай»¹ и «атай»² находятся на работе — покосе и лишь случайно может попасть какой-нибудь «малайка», обычно бойко говорящий по-русски. До его появления суешься к «апайкам»³, но у них у всех одно на языке — «белмей». Правда, в Манаштах я сразу зашел к мулле и ни слова лишнего не говоря, разгрузился в его доме. Хозяйка все же понимала кое-что, и мы чудесно договорились. К вечеру появились отцы и мужья, утром уже я с ними беседовал, а к вечеру выехал в д. Сафаргулово.

Д. Сафаргулово, Ново-Хасаново, Гумбино, печи Белягуш.

Когда являешься к башкиру в дом, если хозяин дома — подает подушку сесть. Я сначала не понял, для чего подушка, отодвинул данную подушку и сел прямо на нары. Ямщик объяснил мне, что это, дескать, так полагается, и я не без удовольствия уселся, после тряской телеги, на мягкую и покойную подушку. Это было в первой деревне и я, конечно, сразу привык к этому обычаю.

Перед едой подают умывать руки, для чего служит медный кумган⁴ и у некоторых таз, у бедняков — прямо на дворе поливают на руки. Классического «бишбармака»⁵ нигде не пришлось не то, что есть, но даже видеть. Кумыса в горных деревнях не стало со времени гражданской войны и потери скота, и лишь остатки прежнего пчеловодства напоминают немного о прошлом Башкирии. Кстати сказать, у них по-

¹ Дедушка (башк.).

² Отец (башк.).

³ Сестра, женщина (башк.).

⁴ Узкогорлый сосуд, кувшин для воды с носиком, ручкой и крышкой.

⁵ Традиционное мясо-мучное блюдо тюркоязычных народов. Бешбармак готовится, как правило, по случаю праздников или приема дорогих гостей.

немногу исчезают и борти: новых никто не делает, в некоторых деревнях совсем перемерли все мастера этого дела. А дело прелюбопытное: башкир лезет на сосну по зарубкам с помощью ремня, перекидывая его все выше и выше, с невероятной ловкостью. Мед из такого бортя выбирает весь, не оставляя ничего пчелам — «бог опять даст!». И действительно — дает, прилетают новые в опустелый вымерший борть. Собственно говоря, не стоит так трудиться для бортя; забираться с таким трудом на дерево и там долбить, рискуя свалиться — право, не стоит того, чтобы предпочесть простой дуплянке — улью.

В Сафаргулово я остановился у местного богача — объездчика, недавно произведенного в пом[ощника] лесничего и посему находящегося на высоте величия. В этой деревне совершенно иные типы, иные даже дети. Здесь я только переночевал и чувствовал себя не особенно важно: особого гостеприимства ни в чем не проявлялось, а до приезда хозяина даже поесть не дали — старуха — хозяйка принесла обоими руками лепешки, да от нее $\frac{1}{4}$ отлмила мальчику, да $\frac{1}{4}$ так держала как драгоценность. Я решил здесь не задерживаться и ехать прямо в д. Ново-Хасаново, а потом передумал и направился непосредственно в с. Инзер.

В Ново-Хасанову я ходил пешком. Эта деревня стоит у слияния рек Большого и Малого Инзера. И здесь любопытное место на берегу р. Б. Инзера: виднеется скала с трещиной вверх и в середине — вот-вот свалится.

Под д. Ново-Хасаново типичное башкирское кладбище настоящего времени, забор давно разрушен, деревья многие срублены, могилы наполовину развороченные. Могилы все сверху покрыты срубками, длиной 2–3 ар., шир. 1 $\frac{1}{2}$ — 2 ар. и высотой до 1 $\frac{1}{2}$ ар. Здесь мы беседовали у богача, имевшего 2-х жен, одна моложе другой. Хозяин уезжал работать, жены провожали, и обе повисли на плечах у мужа, пока он со мной разговаривал. Помоложе хозяйничала, угощала нас в отсутствии мужа.

В д. Гумбино, последней башкирской деревне, я как раз попал в веселую минуту. Почти все мужчины в деревне были пьянешеньки и ничего с ними нельзя было поделаться. Но и пьяные башкиры были довольно сдержаны и хотя весьма разговорчивы, но не бранчивы и незадорны. У одного молодого и трезвого я хотел купить нож в старинной оправе, он ни за что не согласился продать. Другой его уговаривал, но безуспешно, наконец, послал малайку за своим ножом — тот принес обыкновенный садовый нож. Я, конечно, отказался, чем привел в недоумение, так как этот нож был лучше. Кое-как растолковал, в чем тут соль.

Под Инзерским заводом в $\frac{1}{2}$ вер. находятся углевыжигательные печи «Белягуш». Это целый поселок углежогов, вернее бывших, а теперь возчиков, дроворубов и т.п. Все это ожидает пробуждения заводской деятельности, когда задымят и углевыжигательные печи. Пока они стоят, черные, закоптелые, обсыпанные кучами мелкого угля, и ни из одной трубы не тянется дым. А раньше здесь было царство дыма:

каждая печь в 3–4 трубы, и все это дымило. Во всех избах была копать, все люди ходили в копоти.

Теперь я решил проехать на север, до границы кантона. Путь этот шел по берегам рек Ревети и Тюльмени.

Реки Реветь, Тюльмень

Очень оригинальна река Реветь (Инзер-Реветь, в отличие от Тюльменской Ревети). В некоторых местах заваленная огромными каменными глыбами, совершенно скрывающими воду, в других — наоборот, вода бежит как бы в каменном корыте, такое впечатление от ложа реки, представляющего сплошную каменную кривую плоскость, на которой ни одного камешка, ни одной песчинки, ни водорослей. В третьем месте Реветь уподобляется всем местным горным рекам, с засоренным большими камнями дном, по которому страх неудобно проходить: нога скользит, проваливается, накатывается на другие камни. К этому нужно прибавить очень крутое падение реки, заметное даже с первого взгляда.

Так же круто падает и Тюльмень, река более нормального типа, берега которой проросли густой растительностью и нигде не обнажались на нашем пути. Нужно сказать, что путь этот убийственный: мостов нет почти, в нормальном значении этого слова, в некоторых местах — одни голые камни и проч.

Леса великолепные, особенно в Бирьянском лесничестве, высокие строевые сосны, почти без сучков, таковые же бывают и березы. Но породы уже не столь разнообразные. Леса, по слухам, уже скупают.

На всем протяжении нашего пути были 4 кордона на ж.д. шпалы, единственные жилища в крае примерно на 70 квадр. верст. В каждом из них жили по 2 семьи лесной стражи, награждавшиеся 7 р. жал. 5 дес. покоса, казенным помещением и отоплением. Главным их ресурсом было скотоводство, которому немало вредят медведи и волки. Разумеется, к этому непременно надо прибавлять охоту на пушного зверя.

На востоке все время тянулся хребет Нары, вершина которого сплошная масса камней и голых каменных скал. Профиль хребта мною зарисован, как один из оригинальных на Урале.

Недалеко от устья р. Реветь имеется рудник Куш-Елга, расположенный у подножья довольно значительного горного массива г. Малый Ямантау. Рудник бездействует, и жители занимаются скотоводством и извозом. Народ сборный — отовсюду. У самого устья р. Реветь — печи Реветь. Когда-то была здесь деревня Реветь, но Инзерский завод, купив землю, вытеснил деревню вниз по р. М. Инзеру, а теперь она и вовсе исчезает — остался один домохозяин.

Еще несколько верст, в том числе довольно длительного подъема на гору — и вы увидите уютно расположенный по холмам и речным долинам Инзерский завод, окруженный нивами и покосами. При въезде вы попадаете сразу на площадь, где стоит небольшая, но аккуратно построенная деревянная церковь, окруженная совершенно ее закрыва-

ющими многолетними соснами и березами, затем заводская контора и дома главных служащих.

Жители Инзерского завода — конгломерат из разных местностей России. Но, в общем тип сухощавый, среднего или выше среднего роста. Живет тут еще около сотни татар, и все — русские, башкиры, татары — живут очень дружно. Чуть ли не вся волость знает друг друга, по крайней мере домохозяев. А так как наделение земель русских крестьян произошло за счет бывшего заводского владения, а не за счет башкирских дач, то в этом отношении, очень существенным, между прочим, нет причин ко взаимной розни и недоразумениям.

Завод живет тихой жизнью. Производство стоит, железная дорога еще не дошла, даже церковь бездействовала, лишь пред моим отъездом раздался колокольный звон — прибыл настоятель. Если руководствоваться вывесками, то можно заключить, что здесь два почтовых учреждения: «Почтово-телеграфное отделение» со «сберегательной кассой» или просто «Почта». Последнее — действительно, а первое — остаток еще дореволюционного прошлого, так и красуется на площади.

Перед ВИКом довольно обширная площадь с трибуной и памятником павшим борцам революции.

Инзер — Белорецк

Дорога из Инзера в Белорецк, по крайней мере там, где она тянется берегом р. Инзера, представляет одну из красивейших дорог в России, хотя в то же время одну из ужаснейших по своему состоянию. Самое лучшее предоставить ехать багажу, если он у вас есть, и то надежно привязав его, а самому идти пешком. Если нет багажа, поезжайте верхом.

Начиная от завода до Агырских печей вы все время то проезжаете под нависшей скалой, то лепитесь над Инзером, созерцаете скалистые берега, отдаленные скалы и горные массивы, пороги на Инзере, причудливые формы гор, срезы по скалам, на которых диковинным образом лепятся сосны и березы. Особенно им привольно с южной стороны солнце греет спереди, сзади каменная стена — теплица да и только.

Ели и пихты растут в более привольных местах, вдали на горах они возносятся к небу то готическими шпилями, то напоминая кипарисы. Сама дорога лепится над Инзером по срезу скалы, укреплена (была) особыми крепями, которые частью рухнули, увлекая и край полотна дороги.

Того и гляди ухнут и остальные крепи, рассыпается дорога, тогда спохватятся и начнут и дорогу чинить, объездной путь искать.

Самый р. Инзер здесь наиболее порожист и торопливо журчит между камнями, большими и малыми, иногда с трудом пробираясь среди густо рассыпанных каменных глыб. В некоторых местах он делает повороты и здесь становится тихим, а если нет камней, то красиво отражает в себе береговые пейзажи.

До Лапыштинского завода рассеяны по дороге углесидные печи, в

виде небольших поселков и хутора. Нужно сказать, что здесь хутором называется часто поселок более десятки дворов. Далее попадается деревушка Картали — бывшая башкирская, а теперь можно сказать, железнодорожная, т.к. населенная в подавляющем количестве железнодорожниками. В некотором отделении от дороги виднеются кочевки то Карталинские, то Серменевские, большею частью заброшенные и разрушенные.

До самого Белорецка почти нет больших подъемов, не видно и диких горных массивов, только справа длинный хребет с чахлой растительностью, да под Белорецком налево гора Кирель и гора Малиновка одиноко возвышаются на горизонте темно-сине-серой массой.

Кругом идут поля да луга, наконец покажется и Белорецк, весело раскинувшийся по берегам реки, от которой взял свое название.

Печи Ямашта

От Инзерского завода мы ездили в Ямашту IV (печи) раскапывать курган, о котором давно ходили всевозможные легенды. Дорогой попались немало дичи, выводки глухарей (на обратном пути собака поймала одну глухарку). На одном крутом повороте наш тарантас перевернулся, оглобля сломалась, и мы покатались друг через дружку под откос. Кое-как собрались, связали оглоблю лыком и доехали до кургана. Здесь немного покопали. Курган стоит вблизи р. Инзера, имеет около 150 шагов в окружности, до 5–6 саж. высоты. Со всех сторон ямы — это следы попыток кладоискателей. Мы ночевали и на утро вновь копали, но потом бросили слишком трудное дело. Но земля, по всем приметам, насыщенная: например, куски сланца, попадающиеся здесь, имеют округленный вид, как бы взятые из реки или с берега.

Усмангалинская волость Тамъяно-Катайского кантона.

Дикий край. Быстрые речки, впадающие в р. Инзер, такой же быстрый, такой же порожистый; утрюмые пихты и ели на утрюмых скалах, а рядом в долинах веселые лужайки: клен, дуб, липа — вот первое, что мы заметили объезжая Усмангалинскую волость.

Она занимает западную часть кантона, самую лесистую, самую гористую, наиболее богатую текучими водами. Красавец Инзер, одна из красивейших рек, делит волость на северную и южную части. В северной части все селения приютились на берегах р. Инзера (Большого и Малого) так, что, объезжая их, будете все время ехать берегом Инзера. Не думайте, что это можно проделать самым простым способом: сел в телегу и поехал. В телеге по Усмангалинской волости далеко не везде проедешь, колесные дороги не везде существуют, а есть тропинки, и по ним ездят только верхами. А всякий большой груз устраивают на волокуши. Не скажу, чтобы верхом ехать было хуже — напротив, гораздо лучше и веселее, чем трястись и мотаться на какой-нибудь окаянной тележенке. Правда, если лошадь чего-нибудь испугается или оступится, то можно полететь вместе с нею туда, куда совсем не годится. Зато не

будем трястись по камням или корневищам лесных дорог.

Вдоль реки Инзер идут колесные дороги, оканчивают и железную дорогу от Белорецка до Инзерского завода. К реке и дорогам лепятся хутора, печи, кордоны, деревни, а там, где р. Большой и Малый Инзер сливаются, стоит Инзерский завод, самый крупный населенный пункт волости (до 2000 чел. русских и немного татар). Здесь волостной исполнительный комитет, почта, больница, лесной инспектор, школа, одна заводская и две лесных конторы, кооператив.

Все население красиво раскинулось среди нив и лугов, только трубы завода своей молчаливостью действуют неприятно. Завод не работает, и как-то все спит вместе с заводом. Полотно рельсовой дорожки, по которой возили уголь и дрова, живописно ползущее по склону соседних гор, стало обваливаться, мосты проваливаются, сооружения, не ремонтируемые, приходят в ветхость и негодность.

Все ждет пробуждения, надеется на железную дорогу. Вот приедет и разбудит.

А верстах в 2[x] от завода — д. Усмангали, именем которой названа волость, самая обыкновенная башкирская деревушка. А южнее пошли башкирские деревни да печи, хутора, рудники. Деревушки башкирские бедные небольшие, печи и рудники большие бездействующие, жители все бедные, изредка попадаетея в деревне один богатый, зато действительно — и вдоль, и поперек богатый: и скота, и пчел, и всякого рода добра, и дом в пять комнат с коврами и ковриками. Обыкновенно он выполняет разные подряды, например, скупает мочалу и мочальные изделия или меха, передает агентам кооперативов или просто скупщику-кам, наживаясь при этом, не сходя с места, за счет упорного труда зверолова — охотника или кустаря-мочальщика.

Деревни все башкирские, а печи, рудники, хутора — русские, за исключением одного хутора — Кулмаса, населенного башкирами.

Здесь южный край волости перерезан хребтами Зильмердак и Салдысом. Через Зильмердак приходится обычно переваливать, т.к. он как раз тянется с юга на север через всю южную половину волости и через него идет несколько дорог. Подъем на него очень длительный, пологий с одной и очень кругой с другой. Осенью и весной, а в иных местах и зимой, тут нечего и думать перебираться. Почва топкая, чуть не глинистая, осадков много, долго не просыхает. Зимой снегу наваливает, не проехать, только остается на лыжах перебираться. В лесах хребта Зильмердака такая глушь, что глухари пролетают через дорогу, чуть не задевая крыльями путника. Сами леса большею частью лиственные — дуб, липа, клен, береза — разрабатываются мало, так как сплавных рек и дорог для вывозки лесных богатств почти нет. Жители живут скотоводством да выделкою лыка, мочал, рогож, мочальных веревков. Ничего не сеют, лишь садят картошку, только русские стараются не забывать своего привычного, матери всосанного дела — земледелия.

Подвигаясь к западной границе волости, мы попадаем в другое

большое селение — Лапыштинский завод. Он тоже бездействует, как и Инзерский. Даже железная дорога его обошла, пройдя верстах в 10–12. Завод окружен рудниками, печами, тоже большею частью бездействующими. Среди тех и других попадаются хутора, представляющие целые деревни и отдельные кордоны (дома лесников). Все это разбросано по горам и лесам, да по речным долинам, по которым тянутся пашни, покосы, выгоны. То же попадает и в лесах: появится полянка — на ней чудный покос, а изредка — и пашня. Иные холмы, не слишком крутые, давно очищены от леса и заняты пашнями. Как ни дождлив этот край, как ни лесист, как ни горист, а земледелец всюду старается ковырнуть сохой. Правда, не везде его труд вознаграждается, да и сеют почти один овес да просо, изредка рожь, зато русские сажают много картофеля. В голодные годы ею только и жили, ее и на хлеб меняли.

Зато, если земледелие недостаточно вознаграждало хозяина, то скотоводство прибывало. Скотине здесь привольно, пастухов почти нигде нет — ходи, где хочешь. Правда, больших скотоводов мало, но вообще скотоводство считается здесь главной основой хозяйства, остальное или дополняет его, или наравне с ним.

Когда-то большой заработок населению давали заводы. Заводы требовали рабочих на производство, на рудники, на лесные разработки. От рудников и печей тянулись непрерывные обозы с рудой и углем — опять целые семьи были заняты одним извозом. Зимой возили чугуны с заводов на пристань, откуда его отправляли рекой на большие заводы. Теперь остался отчасти извозной промысел да лесные разработки. Но край остался все еще богатым краем — недаром проложили сюда железную дорогу.

Пройдет несколько лет — и забудет здесь кипучая деятельность. Все еще по горам много лесов, а в недрах земли — руды. Работай, будущее поколение!

А пока рудники и шахты бездействуют, а сегодня при них иногда большие деревни выбрасывают жителей на отхожие и извозные промыслы, вплоть до Белорецка. Только печи по линии железной работают.

Главное богатство края — леса. Не будь лесов — край умер бы. В лесах идут разработки дров и строительных материалов, в дубовых лесах — клепки, где липа — там пчеловодство, мочально-лыковый промысел, повсюду — охота, пастьба скота, покосы на полянах — одним словом, лес — вся жизнь обитателей волости.

Леса на западе и юге — лиственные, с примесью хвойных. Кроме сосны, ели, пихты и лиственницы, кроме неизменной березы, осины, рябины, черемухи, растет липа, дуб, клен, вяз, чернотал. Башкиры безрассудно выводят липу, обдирая с нее лыку. Жалко смотреть на здоровое дерево, иногда порядочного возраста, с голым, совершенно ободраным стволом. Вспоминается поговорка: «Ободрал, как липку».

Кроме простого лыка готовят мочалу, плетут рогожи, вяют мо-

чальные веревки. Кроме того, выделывают челяки — кадочки, выдолбленные из ствола липы.

Из дуба делают клешку. Делают везде, где растет дуб, заготавливают клешки множество, сдают ее кооперативным агентам и конторам.

Липа дает еще один важный промысел: пчеловодство. Липовый цвет очень уважают пчелы и, где он есть, только с него и берут нектар для меда. Но пчеловодство имеет одну особенность: здесь сохранился еще бортевой способ. Это значит, что улей выдалбливается в самом стволе сосны, очень высоко. Чтобы туда взобраться, башкир лезет по зарубкам с помощью ремня, обвязанного вокруг себя и дерева, перекидывая его с большой ловкостью выше и выше, по мере продвижения вверх. Но к пчелам в бортях относятся бесчеловечно: мед выбирают весь, и бедные пчелы обычно погибают голоду. Владелец знает, что прилетят другие пчелы и не заботится о тех, которые ему дали мед. А в общем, все это искусство не стоит сравнивать с обыкновенным ульем, где все делается и проще и прибыльнее. Между прочим, на пчелиных колодах башкиры навешивают конские черепа от «дурного глаза».

Бортевников раньше было много, и владели они сотнями бортей, на громадном пространстве до 50 верст и больше. Теперь этот вид пчеловодства уступает место пасечному, более прибыльному.

В лесах и диких скалах привольно хищникам. Медведь, волк, лиса, рысь, горноста́й, соболь, ласка, куница — все это не попадаетея вам на глаз, но живет и охотится на всех смиренных тварей, как птиц, так и четвероногих, вплоть до самого жилья человека. Один медведь почти доехал на корове чуть не до самого кордона лесника; волки и лисы таскают всякую домашнюю живность по ночам, а в лесу дерут белок, зайцев и зазевавшихся птиц. Зато и охотники их преследуют нещадно. Капканы, отравы и ружья у каждого охотника ждут зимы и зимой бьют, травят и ловят всех: кого за вред, который он причиняет, кого за мех, кого за то и другое вместе. Только рысь попадаетея редко — она удалась в суровую глушь скалистых хребтов, покрытых дремучими лесами, малодоступными и безлюдными.

Кроме хищных здесь водятся лоси — сохатые и дикие козы. На этих охота встречена, так как за ними гонялись ради мяса и люди, и звери, сильно истребили их. Немало и другого зверя — белки, зайцы, барсуки.

Птицы тоже дают охотнику мясо: глухарь, тетерев, рябчик — наполняют леса, а утки — реки. Хищники были филины, совы, коршуны и пр., охотится за этой птицей со своей стороны также помогает ее истреблять.

Северная часть волости — суровый безлюдный край, прорезанный горными хребтами и быстротекущими мелкими, часто порожистыми реками. Здесь нет ни одного селения, и на несколько десятков верст имеется лишь три кордона лесной стражи. Тянутся длинные горные хребты, покрытые скалами или лесами — Нары (4260), Беягуш, Кара. Там часто очень высокие. Здесь царят туманы, дожди и в то же время,

благодаря высокому расположению, климат значительно холоднее, зима длинная. Лип, дуба, клена — в помине нет, а если липа, то очень чахлая. Даже ягоды не каждый год растут — только в изредка теплый год появятся, побалуют лесников (других жителей нет). Если захотите набрать цветов, получите очень дивный букет. Правда, растительность очень рослая. Земледелие здесь немыслимо — ничего не дозревает. Зато леса стоят хорошие, рослые, стройные, густые, хвойные и береза, а береза такая же рослая и стройная. К ним уже подбираются, топор уже готовится погулять по этим лесам, да пожалуй и пора погулять, а то составятся лесные жители, погниют и свалятся без пользы.

В лесах растительность буйная, часто выше человека, особенно в лесах южных и западных. Здесь она разнообразная и пышная. Папоротник разрастается такими кустами, что в них свободно можно укрыться человеку. Главной кормовой травой считается пырей, но вообще травы не могут сравниться со степными по своей питательности. Слишком много в них влаги за счет питательных веществ. На полях и выгонах очень много татарника.

Живут в Усмангалинской волости башкиры и русские. Башкиры — в деревнях и хуторах, а русские — в заводах, рудниках, по печам, кордонам, хуторам, да еще есть одна русская деревня — Александровка или Бармашта. Башкиры раньше выезжали летом на кочевки, теперь это далеко не все делают, кочевки заброшены или разрушены, да многим и выезжать не для чего — скота почти нет.

В гражданскую войну несколько раз проходили этими местами то белье, то красные, проходя забирали скот на мясо. В голодный год единственное подспорье был опять-таки скот — ну и уничтожили остатки. Только теперь понемногу оправляются.

Раньше у башкир были свои собственные леса и помногу. Но они не дорожили, ценности их не понимали, продавали за бесценок разным ловким людям. Было много лесопромышленников — Колотоны, Куликовы и др. Они рубили башкирские леса, сплавливали бревна и дрова по рекам дальше в Россию, скупали мочалу, изготавливали клепку, ободья, сани. Все это они приобретали дешево, а продавали с большой прибылью и богатели.

Теперь все леса государственные, а жителям нарезали определенные участки для полей, покосов и для пользования лесом. Это давно следовало сделать, а то леса истребились без всякого порядка, беспощадно и бестолково. Эту богатую лесом волость могла постичь участь соседней Катайской волости, где целые горные края совсем очищены от лесов.

Башкиры здесь коренные обитатели края, а русские выходцы из разных губерний и соседних заводов. С устройством заводов башкир заставляли переселяться, и целые деревни были вынуждены переходить на другие места.

Русские, живущие на хуторах, до невозможности грязные. В избах

их бездна клопов, тараканов, а мухи летают тучами. Ребенок ест, а мухи облипают каждый кусок и норовят забраться в рот. Клопы накидываются на приезжего даже днем. В деревне Александровке гораздо чище, хотя жители там такие же пришельцы из разных мест, как и жители хуторов. Что касается башкир, то у них даже в бедных избышках замечается относительная чистота, чем они выгодно отличаются от своих соседей-башкир других волостей.

Все управление волостью сосредоточено в Волостном Исполнительном Комитете (ВИК), находящемся в самом центре волости — Инзерском заводе. Работы в ВИКе много, он заботится и о землепользовании, и безопасности, и о просвещении, и о здравии, и о военных делах волости. По деревням управляют подчиненные ВИКу — сельские советы.

ВИК подчинен Кантонному Исполнительному Комитету (КИК) в г. Белорецке. С Белорецком связывает наполовину хорошая, наполовину плохая колесная дорога (91 верста) и заканчивается постройкой железная дорога. Кроме того, в заводской конторе имеется телефон, которым можно говорить с Белорецком. Весной и осенью, в распутицу, телефон остается единственной связью Инзерского завода с остальным миром. Реки разливаются, дороги затопляются, и с Белорецком сообщение прерывается больше, чем на полмесяца, а в другую сторону — в с. Архангельское — на месяц и больше. Связь с Белорецком жителям нужна, как для управления, так и для торговли, для заработков, с Архангельским же селом преимущественно для торговли, так как здесь ближайший к ним базар (70 верста).

В близком будущем этот забытый край закипит новой жизнью. Уже сейчас ремонтируют некоторые печи и начинают работу. Дойдет очередь и до остальных.

Список селений

Усмангалинской волости Тамъян-Катайского кантона, с указанием количества жителей и национальности за 1925 г.

п/н	Наименование населенного пункта	Численность	Национальность
1.	Печи Агьр	32	Русские
2.	Д. Аисово	145	Башкиры
3.	Печи Аллаяк	8	Русские
4.	Д. Александровка	191	Русские
5.	Д. Арышпарово	175	Башкиры
6.	Д. Ассы	538	Башкиры
7.	Хутор Ассинский	40	Русские
8.	Печи Актуба	23	Русские
9.	Хутор Багриштинский	89	Русские
10.	Кордон Байгазинский	10	Русские

11.	Печи Белягуш	74	Русские
12.	Печи Беркуг-Елга	11	Русские
13.	Д. Бриш	271	Башкиры
14.	Печи Сухой-лог (Быстрачай)	17	Русские
15.	Рудники Верх. Лапыштинский	15	Русские
16.	Хутор Верх. Маняу	106	Русские
17.	Д. Габдуково	233	Башкиры
18.	Печи Гадельшинские	22	Русские
19.	Хутор Горбатовский	47	Русские
20.	Д. Гумбино	79	Башкиры
21.	Хутор Дубинино	140	Русские
22.	Д. Зуяк	281	Башкиры
23.	Печи Ильмяшевские	22	Русские
24.	Инзерский завод	1586	Русские
25.	Хутор Казмаш	23	Русские
26.	Печи Каменный ключ	10	Русские
27.	Печи Кара-Елга	10	Русские
28.	Печи Катаскин	85	Русские
29.	Рудник Верх. Кальшта	35	Русские
30.	Рудник Ниж. Кальшта	63	Русские
31.	Сред. Кальшта	33	Русские
32.	Д. Кальшта (Калашлина)	52	Башкиры
33.	Печи Козмола	40	Русские
34.	Печи Куб Кишлау	10	Русские
35.	Хутор Кулмас	79	Башкиры
	Рудник Куш-Елга	174	Русские
36.	Лапыштинский завод	1136	Русские
37.	Д. Маньшты	247	Башкиры
38.	Хутор Миньяк	79	Русские
39.	Рудник Митези	76	Русские
40.	Печи Мегизинские	29	Русские
41.	Печи Мокрая поляна	6	Русские
42.	Печи Мягкий ключ	12	Русские
43.	Печи Нижн. Лапышта	10	Русские
44.	Печи Нижн. Маняу	61	Русские
45.	Д. Ново-Хасаново	127	Башкиры
46.	Д. Нукатово	119	Башкиры
47.	Печи Нукатовские	11	Русские
48.	Д. Реветь	5	Башкиры
49.	Хутор Реветь	21	Башкиры
50.	Печь Реветь	71	Русские
51.	Хутор Ремашта	86	Русские
52.	Кордон Сарна-Юрта	14	Русские
53.	Д. Сафаргулово	83	Башкиры
54.	Хутор Сирайкин	67	Русские

55.	Д. Субхангулово	117	Башкиры
56.	Д. Суир-Аисово	83	Башкиры
57.	Сухой Миньяк	8	Русские
58.	Печь Теплый ключ	29	Русские
59.	Печь Тихий ключ	40	Русские
60.	Кордон Тюльменский	10	Русские
61.	Д. Усмангали	233	Башкиры
62.	Кордон Усмангалинский	10	Русские
63.	Хутор Усть-Бриш	14	Русские
64.	Кордон Усть-Тюльма	24	Русские
65.	Кордон Холодный родник	16	Русские
66.	Печи Чумуская поляна	14	Русские
67.	Печи Шура	11	Русские
68.	Печи Юша 1-я	50	Русские
69.	Печи Юша 3-я	31	Русские
70.	Печи Юша 4-я	11	Русские
71.	Печи Ямашта 1-я	41	Русские
72.	Печи Ямашта 2-я	13	Русские
73.	Печи Ямашта 3-я	7	Русские
74.	Печи Ямашта 4-я	51	Русские
75.	Мельница Бахтинова	5	Русские

(Публикация З.Ф. Хасановой)

МАТЕРИАЛЫ ПО РУССКОМУ ГОРНОЗАВОДСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ БАШКИРИИ В РУКОПИСИ Р.А. АЛФЕРОВА «СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ ПРОШЛОГО»

В Белорецком историко-культурном музее в научно-вспомогательном фонде, хранится фольклорная запись «Свадебные обряды прошлого», состоящая из 12 страниц (машинопись), автором которой является краевед, писатель, журналист Роман Андреевич Алферов (1915–1997).

Роман Андреевич родился в Казани, в семье служащего. После окончания в 1933 г. Московского автодорожного техникума был направлен на работу в г. Белорецк. В 1933–1936 гг. работал автоинспектором, в 1936–1942 гг. — в органах НКВД, в 1943 г. был выдвинут на партийную работу, в 1943–1947 гг. трудился инструктором, затем заведующим отделом пропаганды и агитации горкома КПСС. В 1947–1951 гг. работает редактором газеты «Белорецкий рабочий». Роман Андреевич являлся литературным консультантом русской секции Союза писателей Башкортостана в г. Уфе.

Он является автором книги «Прочнее стали», изданной в 1954 г. в г. Уфе. Во время полевых поездок по селам и деревням Белоречья Роман Андреевич собрал фольклорный материал, который лег в основу его пьесы «Марюткин камень», посвящённой жизни и быту южно-уральских горно-заводских рабочих XVIII–XIX вв. Коллектив народного русского театра Дворца культуры металлургов г. Белорецка ставил эту пьесу на протяжении нескольких сезонов. На основе множества документов Р.А. Алферов написал книгу о башкирском деятеле Шагите Худайбердине, первая часть которой увидела свет в республиканском книжном издательстве. Первые главы романа были опубликованы в газете «Белорецкий рабочий» под названием «Шумят водопады» еще в 1958 г. Последняя большая краеведческая работа Романа Андреевича Алферова — энциклопедия «Литературное Белоречье» (1993). В ней он собрал имена тех, кто на протяжении двух столетий писал о г. Белорецке и районе. Новые страницы истории края открыл Роман Андреевич и в материалах литературно-краеведческого сборника «Хумай — птица счастья» (1993)¹.

Его главным увлечением всегда оставалось краеведение. Уже в 30-е гг. Р.А. Алферов увлеченно собирал в Белорецком районе материал по русскому и башкирскому фольклору. В фондах Белорецкого историко-культурного музея хранится написанная на основе башкирских легенд и сказок рукопись книги «Каменный пояс» 1950 г., которая так и осталась неизданной.

¹ <http://blog.cbs-beloretsk.com/novosti/item/107-pisatel-zhurnalist-kraeved> (дата обращения: 21. 10.2018).

В публикуемой в настоящем сборнике рукописи Алферова обобщены материалы о свадебной обрядности горнозаводского русского населения, которые были собраны краеведом в 1936–1940 гг. Его информаторы рассказывали о проведении свадебного обряда в середине XIX в.¹ Иных столь ранних источников по этой теме для территории РБ, к сожалению, нет. Текст Р.А. Алферова — уникальный материал для исследователей этнографии и фольклора русских РБ.

З.Ф. Хасанова

Алферов Р.А.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ ПРОШЛОГО

Обряды — явление социально-историческое, часть культуры народов, в которых проявляется коллективное и индивидуальное творчество.

С давних времен обряды играют видную роль в формировании этнических и эстетических взглядов людей.

Слово «обряд» несет в себе понятие «обряжать», «наряжать». Оформенный в образное действие, обряд способствует восприятию новому поколению идей и нравственных норм. Во время исполнения обрядов людей объединяют совместные чувства и переживания.

Народы нашей страны создали немало содержательных и интересных обрядов, исходящих из своеобразия исторического развития, трудовой деятельности, образа жизни.

Обряды можно разделить на несколько групп, к ним относятся общественно-политические праздники и семейно-бытовые, в частности бракосочетание, рождение, похороны. В свою очередь они бывают религиозными и гражданскими.

В этом отношении своеобразными и небезинтересными являются свадебные обряды прошлого.

Меня, краеведа, увлеченного сбором местного фольклора, эти обряды интересовали с давних пор. Материалом для сегодняшнего описания их послужили личные беседы в свое время со старожилами города Белорецка — 102-х летней Марфой Лукьяновой Зиминной, бывшей крепостной дворян Пашковых, 104-х летней Лукерьей Ивановой Корневой, воспитавшей пять сыновей и семь дочерей, которых сумела и поженить и выдать замуж. Многое о прошлых свадебных обрядах узнал я и от старожилов Антона Павловича Антонова и Иннокентия Евгение-

¹ Алферов Р.А. Белорецкие старожилы// Белорецкий рабочий. 1993. 11 июня. С. 2.

вича Кудрина. Использован и рукописный материал белоречанина Егора Тимофеевича Фесктистова. К тому ж, мне, краеведу довелось в конце 1930-х гг. присутствовать на некоторых свадьбах в поселках Белоречного района — Ломовке, Узяне и Авзяне.

Итак — о бракосочетании относительно далекого прошлого среди русского населения Белоречья...

Свадебный обряд включал в себя: сватовство, смотрины невесты, «запlachку», прощение, «девишник», одаривание невесты, венчание, переезд в дом жениха и «отгостки».

Сватовство. Жених и невеста не всегда знали, что судьба сведет их. Не всегда знали об этом и их родители.

В сватовстве главная роль принадлежала свахе. Принаряженная, она являлась в дом к родителям избранной невесты. Перекрестившись у порога и низко поклонившись хозяевам, сваха сперва заводила разговор «о том — о сем»:

— Как живете-можете? Слыхал, у Петра Семеновича волки корову задрали? Не везет им... У Точилиных — прибыль, дочка родилась...

После этого она брала первый попавшийся стул, садилась под «матку» — перекладину в потолке, и переходила к основному:

— Прослышала я, что у вас есть ярочка. А у нас — барашек. Нельзя ли их свести в один хлевушек?

Родители «ярочки», конечно, сразу догадывались, о чем идет речь. Они угощали сваху и пытались окольным путем вызнать, кто жених, хороши ли родители, какое имеют состояние.

Если жених оказывался неподходящим, выставляли свои доводы: «молода еще» или «нет приданого» и т.п.

В лучшем случае — устраивались смотрины невесты. Приглашались родители жениха. Для порядка вызывали невесту и спрашивали ее согласие выйти замуж за такого-то. Если та давала согласие — вели торг о «кладке» - выдаче женихом платы за невесту.

Договорившись о так называемой «запlachке» — стелили на столе шубу, вывернутую шерсть наружу. На нее обе стороны клали руки ладонями вниз. Это для того, чтобы «ярочка не заглядывалась на других барашков, а барашек — не бегал к чужим ярочкам». Такова была вера в силу этого обычая!

Тут же договаривались о дне «пропоя» невесты. День этот еще назывался «запоєм».

В запойный день родители жениха доставляли в дом невесты вино и закуску. Собиралась с той и другой стороны вся родня. Садились за празднично накрытый стол и вдоволь угощались.

До этого подружки невесты расчесывали ей волосы, в косу вплетали ленту и цветок — в знак того, что она просватана. Такой она должна выходить и на улицу, чтобы все видели и знали.

Плетение косы невесты сопровождала песней:

Ты, любимая моя подруженька,
(Имя и отчество подруги)¹.

При всех собравшихся невеста «продает» ее косу крестной жениха. Та вынимает из косы ленту, кладет на тарелку и вместе с подарками передает подругам. В это время поется печальная песня:

Что это были за купцы,
Купцы торговые,
Чем они торговались –
Или широким двором,
Или новой горенкой.
А торговались они
Моей буйной головушкой.
Не бросался бы ты, тятенька,
На злату казну,
Золота казна – обманчива.
Или ты на меня прогневался,
Обносила я тебя
Своим цветным платищем,
А ты, что, моя милая,
Родная маменька,
Его не разговорила.
Теперь повянут
Цветы мои лазоревы.
У родных-то подруженек
Цветы цветут веселехоньки,
А мой-то цветок –
Посох, повял.

Гости приглашаются выпить и закусить. Они усаживаются за стол рядом с невестой. Гости угощаются. Жених поет:

По саду, саду зеленому,
Под зеленой большой грушею,
Тут ходил-гулял, выгуливал
Разудальный добрый молодец-
(Имя и отчество).
Он чесал кудри русые,
И сам приговаривал:
Уж вы кудри мои русые,
Применайте вы кудерушки.
Ко моей буйной головушке.
А тебе ли, красная девица –
(имя и отчество) –

¹ Вероятно, следующая страница утрачена.

Привыкай моя лебедушка
Ко моему-то уму-разуму,
Ко моему-то молодецкому,
И к моим отцу с матерью,
К моему роду-племени.

Отвечает невеста:

Ты удалой добрый молодец,
Привыкать мне не хотелось
Ко твоему уму-разуму,
К твоему-то отцу, матери,
К твоему-то роду-племени.
Ты приди-ка во светлу горенку,
Да сядь на белу лавочку,
Заплети мне руссу косыньку,
Заплети мне туго — на туго,
В середине мелко — на мелко,
А в конце косы — ленту алую,
Ленту алую, двух полтинную,
Двухполтинную, трехаршинную.
В таком виде невеста появляется с подружками перед родней.

¹Крестная невесты приступает к «продаже» косы. Крестная жениха вынимает из косы ленту, кладет на тарелку и вместе с приготовленными различными подарками передает подругам невесты. В это время поется невестой же печальная песня:

Что это были за кушцы,
Кушцы торговые?
Чем они торговались —
Или широким горенкой?
А торговались они
Моей буйной головушкой.
Не бросался бы ты, тятенька,
На злату казну,
Золота казна — обманчива.
А ты, что, моя маменька,
Его не отговорила?
Теперь повянут
Мои цветы лазоревы.
У моих родных подруженек
Цветы цветут веселехоньки,
А мой-то цветок —
Посохнет, повянет!

¹ Далее до слов «Независимо от столь мрачного ответа» приводится повтор выше опубликованного материала с небольшими изменениями.

А сидящие за столом — слушают и упиваются вином. Кроме подружек невесты. У них будет свой «девишник». Они стоят чуть в стороне с удрученным видом, обеспокоенные предстоящей разлукой с обреченной на замужество. Их всего-то три, самых близких, словно тоже родных. Они подпевают невесте.

Появляется жених. От его имени слышится песня, исполняемая теми же девушками:

По саду, саду зеленому,
Ходил, гулял-погуливал,
Разудальный добрый молодец,
(имя и отчество жениха).
Он ходил и проговаривал:
— Привыкай, моя лебедушка,
(имя и отчество невесты),
Ко моему-то уму-разуму,
Ко моему-то молодецкому,
И к моим отцу с матерью,
К моему роду-племени.

Взоры гостей обращены на невесту. Все ждут, что она ответит. Она обращается к жениху со словами песни:

Ты удалый, добрый молодец,
(имя и отчество жениха),
Привыкать мне не хотелось
Ко твоему уму-разуму,
К твоему-то отцу с матерью,
К твоему-то роду-племени!..

Независимо от столь мрачного ответа невесты, настроение у подвыпивших гостей не унывающее. Продолжается обильное угощение, после которого сватья пускаются в пляс...

И так — до позднего вечера.

До самой свадьбы сватья посещают друг друга со щедрыми угощениями, чтобы не осрамиться скупостью.

Перво-наперво родители невесты со своей родней идут в дом жениха за так называемой «рубашкой». Пришедшие снимают мерки с родственников жениха для пошива подарков. Одновременно снимается мерки и на полог для кровати будущих молодоженов.

Все это время между сватовством и свадьбой, после «запоя», жених встречается со своей нареченной и ночует с ней. Родителями такое не запрещается, но они предупреждают свою дочь о соблюдении «до поры до времени» невинности — иначе ждет позор «на весь мир!»

Период до свадьбы иногда тянется до 2–3 недель. За это время будущие супруги привыкают друг к другу. За день до венчания ночевать им вместе не позволяется.

Накануне венчания в доме жениха устраивается «девишник».

Приглашаются только подруги невесты, во главе с ней. Всех усаживают за стол. На столе — вино, «курник» — пирог с мясом и различные угощения, принесенные родителями невесты. Но никто ни к чему не прикладывается — требуют появление жениха.

А его — нет, как нет!.. Высказываются шутливые предложения: «не убежал ли барашок к чужим ярочкам?!».

Вдруг в комнате появляются несколько парней. Один из них выступает вперед и заявляет:

— Я жених!

Но «самозванца» девушки отстраняют и требуют настоящего жениха.

Наконец тот появляется и начинает угощать девчат. Они от выпивки категорически отказываются и просят только чай. На столе появляется шипящий самовар. Его приносят невеста с видом полновластной хозяйки в новом доме жениха. А он — исчезает со своими друзьями.

Подруги пьют только чай и лакомятся сладостями. Берут свой — девичий разговор, делятся мнением о женихе, восхваляя ее перед невестой, рассказывают о любовных курьезах, чаще всего забавных и выдуманных. Слышится смех...

Вновь появляется жених, одаривает каждую девушку мылом, конфетами.

В сенцах слышится гармошка. Внезапно в комнату вваливаются друзья жениха — по числу девушек и — каждую увлекают в танец. Во время небольших пауз парни прикладываются к вину, но без излишеств. Снова — танцы...

Невеста в это время исчезает, уходя незаметно домой. Она в преддверии свадьбы переживает расставание с родительским домом.

Отсутствие невесты замечает жених. Его успокаивают девушки-подружки. Шутят:

— Ушла твоя ярочка, чтобы не заглядываться на чужих барашков. Вот этих! — показала рукой одна из них на веселых молодых парней.

— Верная из верных она у тебя, — заверила другая обеспокоенного понарошку жениха.

С песнями под гармошку парни и девушки направляются к невесте, еще засветло завершая «девишник», и временно расходясь по своим домам.

Невеста в это время прячется. Она в преддверии свадьбы переживает расставание с родительским домом. Ее находят — успокаивают, увлекают танцами.

В доме жениха родители обеих сторон участвуют в выборе «дружки» — распорядителя свадебных дел. Избирается самый близкий человек, знакомый со всеми свадебными обычаями, желательно шутник и прибауточник.

Кандидата в «дружки» сажают на стул, перед ним стелят кошму или дерюгу. Жених кланяется ему в ноги, просит дать согласие стать

«дружкой». Кто-нибудь из родственников подносит ему стакан вина... Выбираемый упрямится. Но, в конце концов, выпивает вино и дает свое согласие стать распорядителем свадебных мероприятий. Таким же путем дружка выбирает и своих помощников.

После этого все идут к невесте и несут $\frac{1}{4}$ ведра и бутылку водки. Но родители невесты обижаются и говорят:

— Она у нас — не хромя!

Родители невесты уходят вперед и встречают жениха в сенцах с хлебом-солью. Родителей жениха вводят в дом, усаживают за стол, а сами садятся, где придется. На самое лучшее место с гостями усаживают рядом жениха и невесту.

Являются подружки невесты и поют величественные песни жениху, невесте и их родителям. Особое внимание уделяют девушки парням в частности — жениху:

Как у сокола голова болит,
Как у ясного лентой связана,
Голубой лентой объяриною,
Трехаршинною трехполтинною.
Свет (называется имя и отчество жениха),
У него кудри русые,
Кудри русые по плечам лежат,
По его плечам молодецким.
Вот пошел сокол по заутрени,
У заутрени люди добрые,
Люди добрыя загляделися,
Князья-бояре сдивовалися:
— Чье это мило дидятко
Хорошее уродилося?
Звать, породило его солнышко,
Воспитал вскормил его светлый месяц,
Возлелеяли чисты звездочки.
Неразумны ваши головы —
Породила его маменька.
Воспоил-вокормил родной батюшка,
Возлелеяли няньки-мамушки,
Завила кудри красна девица!

Поющих щедро угощают, одаривают кто чем может. Все гости пьют вино, принесенное от жениха, закусывают приготовленным невестой мясным пирогом. Изрядно «наугощавшись», они выскакивают из-за стола, пускаются в танцы и пляс под гармошку. Пир продолжается допоздна. Расходятся по домам часа в 3–4 утра.

На другой день, часов в 12 родственники невесты везут ее приданое в дом жениха. Везут так, чтобы все посторонние его видели. Для этого нарочно проезжают по нескольким улицам и только потом въезжают во двор жениха.

Доставившие приданное специально задевают: неся вещи, за косяки и двери, жалуются:

– Не лезет! Надо подмазать!

«Подмазывают» стаканчиками вина.

Приданое размещают по местам — над кроватью вешают полог, на окна — занавески, устанавливают зеркало. Особое внимание уделяется постели для новобрачных. Делают это с подчёркнутым участием подруги невесты. За ними с завистью наблюдают товарищи жениха.

И на этот раз опять не обходится без угощения вином явившихся с приданым. После их отъезда родственники жениха собираются в поездку к невесте — рядят лошадей: украшают их лентами, на дугу крепят колокольчики.

Пока «поезжане» собираются, дружка с помощниками едет в дом невесты. Едут с «отвесью» — везут для нее цветы, вуаль, шаль, ботинки с калошами, «чтобы невеста была собрана во все новое».

Невеста встречает их угощением вином. Ее родители вручают жениху костюм, носки и носовой платок. По возвращению к жениху, дружка одевает его в привезенные вещи. Когда он надевает носки, под пятку ему кладут серебряную монету — чтобы он был богатым.

После этого родители благословляют жениха. Благословляют иконой и хлебом-солью. Сперва икону берет отец, а хлеб и соль — мать. Затем икона передается матери, которая тоже благословляет сына. При этом жених молится на икону три раза, делает земные поклоны и только после этого подставляет под благословление свою голову. Процедура благословления руководит дружка. Он говорит:

– Родимый батюшка и родимая матушка, благословите своего дитя милого в церковь божию ехать, злат венец принять, закон божий совершить.

С таким же словами он обращается к крестному и крестной жениха.

После благословения жениха усаживают за стол. Присаживаются и все остальные. Затем — встают, выходят во двор и садятся на подводы. Дружка с иконой в руках обходит поезд три раза вокруг, благословляет первую подводу. Он же командует:

– Поезжане, поезжане, садитесь по местам, чин чина почитать, матерного слова не выпускать!

Открывается ворота и поезд трогается.

В поезде поезжане размещаются по такому порядку: на передней повозке, запряженной лошадью, едет сам дружка с помощниками, на второй — жених с крестным отцом. Третья подвода, запряженная парой или тройкой — предназначена для невесты. На этой подводе едет крестная мать жениха, на остальных — все поезжане.

При выезде со двора один за помощников дружки делает выстрел из ружья — «чтобы разбить чары колдуний». Выезжая из ворот, поезд обязательно поворачивает только в правую сторону, хотя для этого и пришлось бы сделать лишний путь. На каждом перекрестке крестный и

жених делают крестное знамение. При встрече любого даже незнакомого, дружка приглашает его словами:

– Милости прошу к нашему князю новобрачному хлеба-соли откушать.

Въехав во двор дома невесты все ждут у крыльца приглашения невесты.

Еще до приезда жениха дружка успевает побывать у нее. Родители невесты, празднично одетую, благословляют к венцу. Участвуют в этом и ее крестные. Невесту усаживают за стол и поют:

Что не верба богу молится,
Не зелена низко кланяется,
Свет (имя и отчество невесты),
Со удалым добрым молодцем,
Свет (имя и отчество жениха),
Они просят благословения
У родного у батюшки,
У лебедушки у матушки,
У крестного у батюшки,
У лебедушки у крестнушки.

В комнату входит жених. Дружка подходит к столу, за которым расселись все присутствующие, и обращается к брату или сестре невесты с просьбой освободить место для жениха. За это они требуют плату. Дружка рассчитывается с ними деньгами, и те уступают место.

Тут же крестная жениха покупает у крестной невесты косу невесты, заплатив не деньгами, а каким-нибудь лакомством. Купив косу, она расплетает ее, а ленту передает крестной невесты.

На сей раз никакого угощения присутствующим не предлагается. Посидев молча за столом, все поднимаются и направляются на выход. Вперед пропускают жениха и невесту, идущих державшимися за руки.

Подвода для невесты подается к самому крыльцу. Помощники дружки усаживают ее на подводу. Жених и невеста сидят рядом. По своим местам рассаживаются и остальные поезжане. Дружка так же, как у жениха во дворе, дает команду:

– Поезжане, поезжане, садитесь по местам, как ясны соколы по гнездам.

И так же — три раза обходит вокруг поезда с иконой, после чего раздается ружейный выстрел, и поезд направляется в церковь.

Перед венчанием жених и невеста встают на посланный на полу на платок или что-либо подобное ему. Бытовало поверье: кто первый ступит на него, тот и будет главой семьи, станет повелевать.

После обряда венчания, здесь же, в церкви невесте расплетают волосы, расчесывают их, заплетают две косы, а голову покрывают чепчиком.

Из церкви новобрачные едут вместе на одной подводе в дом жениха. За ними — все остальные.

В доме жениха начинается «пир на весь мир». Угощение сначала

подают родителям жениха. Невеста с женихом наклоняются к столу чтобы не видеть, кто сколько выпил. Подняв рюмки или стопки, те провозносят заздравный тост, желают новобрачным счастья. Затем подают молодым. Они скромно выпивают вино.

Дружка входит в свою роль, спрашивает жениха:

— Кто с кем пил?

Жених отвечает: такой-то: называет свое имя и отчество (такой-то) называет имя и отчество невесты. Теперь они уже муж и жена. Во время ответа мужа на поставленный вопрос дружкой, начинается преднамеренный разговор и шум всех сидящих за столом, чтобы заглушить ответ. Делается это для того, чтобы молодой муж повторил несколько раз имена и отчество — и свое, и молодой жены. Цель — приучить с самого первоначалу молодоженов уважать друг друга.

Начинается угощение всех присутствующих. Они выпивают, кто сколько хочет и может. Выпивка чередуется с венчанием новобрачных песнями:

Во вишени, во зеленому саду,
Летал голубь со голубкою.
У голубя золотая голова,
У голубки — подзолоченая.
Свет (имя и отчество молодой) —
Хороша жена, жenuшка.
Свет (имя и отчество молодого) —
Не хуже муж, муженек.
Пришел братец, позавидовал:
— Хороша, брат, твоя жена.
Кабы мне эту жenuшку —
Возил бы я ее летом во колясочке,
А зимой во решетчатых санях.

С особым вниманием относятся к молодой жене. Не восхваляют песней:

Как по сеням было, сеничкам,
По новым сеням было решетчатым,
Тут гуляла-выгуливала
Молода душа боярыня —
Свет (имя и отчество ее),
Она будила-побукивала
Своего друга милейшего —
Свет (имя и отчество его):
— Уж ты, вставай — проснись, дружок,
Пробудись, душа приветливая...

После величания молодоженов гости заставляют их поцеловаться. С большим интересом наблюдают за поцелуем. Дружка спрашивает молодуху:

— Кто с кем целовался?

Она отвечает:

– Я (называет свое имя и отчество) — с любимым — (называет имя и отчество молодого мужа).

Ее несколько раз заставляют повторить, будто бы не расслышав ответа. Опять же для того, что приучить друг друга к уважительности. В это время жарко создается шум. Выпивающие гости кричат во всеуслышание:

– Горько!

Молодожены «подслащивают» многими поцелуями.

Напировавшись и натешавшись, гости собираются к уходу — (кто как!). Но перед этим они приступают к обряду поклонения. Поклоняются молодые. Они кланяются в ноги, а гости одаривают молодоженов деньгами, мануфактурой, вещами. Кто чем может. Иные да — овцу, а то и «буренку». Все это — для обзаведения молодых своим хозяйством. При этом дружка говорит:

– Кланяются вам новобрачные ковшом-медом, брагой хмельной. Просят соизволить выпить, и блюдо позолотить. У них дела-то на нови, деньги надобны на шильце да мыльце, на банное корытце и на прочую необходимость.

Молодые кланяются перед каждой парой гостей до тех пор, пока те не откажутся принять угощение — стаканчик вина, и пожелают чем угодно одарить новобрачных. Подарки принимаются с искренней благодарностью и поцелуями гостей. Принимают подарки крестные новобрачной, передают их молодожену, а он вручает их жене, которая всякий раз кланяется мужу.

На этом заканчивается свадебный пир. Гости уводят новобрачных в приготовленную для них спальню, и — разъезжаются и расходятся по домам.

На другой день крестная молодушки приходит к ней с двумя-тремя родственниками, будит молодоженов, и устанавливает добропорядочность выданницы замуж. В зависимости от результата освидетельствования устанавливается порядок дальнейшего торжества.

При положительном результате — рубашка молодоженки увозится к родителям выданницы и служит примером гордости отца и матери.

Все съезжаются в дом молодых, снова начинается пиршество. Угощение начинается с молодожена. Он выпивает водку или пиво, и разбивает об пол стеклянную посуду, подтверждая этим, что молодушка действительно была до него невинной. Закусывая блинами, он разрезает их крест — на крест, а тарелку, которой была накрыта сковородка с блинами, тоже разбивает об пол — в уверение присутствующих о порядочности жены до замужества. Раздаются крики «Ура-а!». Родители торжествуют.

Выпив по чарке и поблагодарив родителей за хорошее воспитание дочери, гости едут кататься, заезжают для продолжения торжества то к одному, то к другому.

В иных случаях, хотя и редких, когда добрачное состояние молодухи оказывалось порочным, муж при желании отомстить жене — после выпивки не разбивал стакан или рюмку, а блинами закусывал, предварительно сняв тарелку и поставив ее в сторону, в самих же блинах вырезает посредине круг. В это время родители молодухи, за ее прошлые грехи — подносят вино в худой посуде, и вино течет из отверстия. Родители испытывают большой конфуз. Порой дело заканчивается семейным скандалом. Однако разум чаще всего берет верх и свадебный обряд заканчивается, «как ни в чем, ни бывало».

При положительном же исходе пиршество продолжается еще целую неделю и дольше. И здесь за главная роль опять принадлежит дружке с его помощниками. Тут и там организуются веселые вечеринки, на которых особенно отличается молодежь в танцах и пении. Дружка — шутник и прибауточник вовлекает в веселье не только молодежь, пускаются в пляс под гармошку даже немощные подвыпившие старики и старухи. Слышатся голоса:

Эх, ты, милочка моя,
Кралечка червонная,
Как я вспомню про тебя —
Не спится ночка темная.
Не ходи на растопашку,
Золотиночка моя,
Не носи белу рубашку —
Я и так люблю тебя!

Или:

Я по улице иду,
Реденько шагаю,
Я на милкин дом глужу —
Тяжело вздыхаю.
Что это за реченка —
Голуби купаются,
Что это за девченка —
Все в нее влюбляются!

Или еще:

У кого какая баня —
У меня осинова,
У кого какая милка —
У меня красивая.
Скоро-скоро троица,
Скоро лес покроится,
Скоро миленький придет —
Сердечко успокоится.

Обращает на себя внимание придумщик и прибаутошник дружка:

Я по этой тропочки
Износил подметочки,
Только новые подбил –
Товарищ милую отбил.
У меня калоши есть,
Берегу их к лету.
Почему их не ношу? –
Потому–что нету!
Милый мой,
Мартын кривой –
Дай те выбью
Глаз другой.
Ты, прощай мой Белорецк,
С крутыми горами,
Ты, прощай милка моя,
С черными бровями...

Такие вечерки обычно бывают в четверг на масляной неделе. В четверг, пятницу, субботу и воскресенье гости собираются «масловать».

В воскресенье, после угощения в доме родителей молодухки блинами — новобрачных купают в снегу.

Этим и заканчивается свадебный обряд.

(Публикация З.Ф. Хасановой)

**СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД РУССКИХ БАШКОРТОСТАНА
В МАТЕРИАЛАХ ЭКСПЕДИЦИЙ
МГУ ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА
ПОД РУКОВОДСТВОМ Э.В. ПОМЕРАНЦЕВОЙ
(1948–1949 гг.)**

Ниже приведенные сведения по свадебному фольклору русских Башкортостана выявлены в рукописном фонде Научного архива УФИЦ РАН. Они извлечены из материалов научных экспедиций кафедры фольклора МГУ им. М.В. Ломоносова в русских селениях республики в 1948–1949 гг. Работа велась под руководством выдающегося фольклориста и этнографа, доктора исторических наук, профессора Эрны Васильевны Померанцевой (1899–1980)¹. В состав экспедиции входили студенты университета, в дальнейшем известные фольклористы В.П. Аникин², Н.С. Полищук³, Н.И. Савушкина⁴, а также Т.Н. Ляшко, Л.Д. Калякина,

¹ Эрна Васильевна Померанцева (Гофман) — крупнейший советский фольклорист и этнограф, видный представитель фольклорной школы братьев Юрия и Бориса Соколовых, игравшей важную роль в становлении и развитии советской фольклористики. Доктор исторических наук. Фольклорной собирательской деятельностью занималась с середины 1920-х до 1970-х гг., была руководителем многих экспедиций, в том числе студентов МИФЛИ и МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1960–1980 гг. — старший научный сотрудник, профессор-консультант Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Опубликовала около 200 книг и статей. Главной темой ее исследований являлась устная проза, прежде всего, сказка.

² Владимир Прокопьевич Аникин (1924–2018) — советский и российский филолог-фольклорист. Доктор филологических наук, заслуженный профессор. С 1954 г. работал на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, с 1979 г. — зав. кафедрой русского устного народного творчества указанного вуза. Занимался изучением истории и теории фольклора, своеобразием жанров русского фольклора, вопросами фольклоризма русских писателей XIX–XX вв. Автор многих учебников, учебных пособий, монографий и составитель фольклорных сборников («Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре»). Вып.1. М., 1991; вып.2. М., 1994 и др.).

³ Нинель Савишна Полищук (р. 1929) — советский и российский филолог-фольклорист, кандидат филологических наук, зав. этнографии русского народа Института этнографии АН СССР, специалист по этнографии и фольклору русских и украинцев, один из ответственных редакторов томов «Русские» и «Украинцы» серии «Народы и культуры», зам. главного редактора журнала «Советская этнография» (1973–1991).

⁴ Нина Ивановна Савушкина (1929–1993) — советский и российский фольклорист, педагог, собиратель и популяризатор народной русской культуры. Доктор филологических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова.

Л.К. Ляпкало, С.Н. Матвеев, Н.Д. Каляев и другие. Музыкальные записи производила научный сотрудник Московской государственной консерватории Н.М. Бачинская. Объектом исследования стало население севера, северо-востока и центральной части Башкортостана: Благовещенский, Дуванский, Караидельский, Кизинский, Покровский¹, Салаватский районы. Было собрано несколько тысяч образцов фольклора². Часть материала впоследствии опубликована в сборнике «Русское народное творчество в Башкирии»³, куда вошли сказки, рассказы, песни, частушки, пословицы, поговорки, дразнилки, загадки и другие афористические жанры. Составителями сборника выступили Э.В. Померанцева, ее коллега и соратница С.И. Минц⁴ и Н.С. Полищук.

Э.В. Померанцева, выдающийся фольклорист, входила в ту плеяду ученых, которые разработали теорию глубокой связи фольклора с общей концепцией культуры. Экспедиция по рассказам очевидцев реконструировала историю ряда поселений (время основания, особенности возникновения), показала взаимосвязь этнического состава с исполнительским репертуаром, языковые особенности, специфику быта, нравов, традиций. Например, по материалам экспедиции, село Леузы Кизинского района вначале основали русские из Пермской губернии, затем сюда приехали украинцы. И русские, и украинцы стали петь песни своих иноэтничных соседей, но говорить на русском языке, причем с примесью тюркизмов, что является влиянием соседних башкирских и татарских селений. В репертуаре значительное место занимал традиционный песенный фольклор (сиротская «Там, в саду при долине», лирическая песня «Ой, золотом вышит мой белый платок»). Но значительное место занимали современные песни («Сулико», «Прощай, любимый город», «Хас-Булат удалой», «Прощай, Одесса дорогая»)⁵.

В русских селах старшее поколение берегло «старинную песню», причисляя к ней протяжную крестьянскую песню, романсы, песни литературного происхождения («Узник», «Под вечер осенью ненастной» А. Пушкина, песни А. Дельвига, И. Сурикова, А. Плещеева и др.). Как «очень старинные» в народе воспринимались песня Д. Садовникова о Степане Разине и песня Н. Соколова «Шумел, горел пожар московский»⁶. Колядки и весенние обрядовые песни вспоминались пожилым населением лишь «в

¹ Покровский район Башкирии был образован 20 марта 1937 г. и расформирован 12 декабря 1962 г.

² Русский фольклор Башкирии // Архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. 1948 г.: Д. 181–183, 1949 г.: Д. 192–197.

³ Русское народное творчество в Башкирии / под общей ред. Э.В. Померанцевой; сост. С.И. Минц, Н.С. Полищук, Э.В. Померанцева. Уфа, 1957.

⁴ Софья Исааковна Минц (1899–1964) — крупный советский фольклорист, соавтор учебников, учебных пособий и хрестоматий по русскому фольклору, подготовленных с Э.В. Померанцевой.

⁵ Русский фольклор Башкирии. Д. 325. Л. 93, 77.

⁶ Там же. Д. 332. Л. 7.

уюду науке», преподносились как «старинная диковинка»¹. Молодое поколение отдавало предпочтение частушке, отчасти знало лирические песни любовной, свадебной тематики, а также сказки². Если в репертуаре русских крестьян были в основном бытовые и любовные песни, то рабочих заводских поселков — рекрутские, солдатские, песни каторжи и ссылки, исторические песни о Суворове, Платове, войне 1812 г., о событиях Гражданской и Великой Отечественной войн. Есть песни, отражающие местную тематику («За Уралом за рекой да там казак гулял»³), а также «своей выдумки», то есть собственного сочинения («Не брани меня, родная, что я так тебя люблю»⁴, «Близ города Славянска»⁵).

Проанализировав фольклорный материал русских Башкортостана — переселенцев из разных губерний России — Э.В. Померанцева сделала вывод о сохранении традиций выходцев из Вятской губернии, а также Владимирской (с. Владимирское Покровского р-на), Нижегородской (д. Старое Надеждино Покровского р-на) и Рязанской губерний (с. Благовещенск). Это проявлялось в фольклорном репертуаре, фонетических и стилистических особенностях. Наряду с этим, в результате взаимодействия нескольких песенных стилей повсеместно стала складываться среднерусская песенная традиция⁶.

В настоящем сборнике представлено два варианта свадебного обряда в записях экспедиции под руководством Э.В. Померанцевой: 1) с. Благовещенска (выходцы из Рязанской губ.); 2) д. Ахлыштино Покровского района⁷ (выходцы из Вятской губ.). Значимость этих материалов заключается в том, что они характеризуют этап развития этнической культуры, оказавшейся в условиях укрепления социалистических методов хозяйствования и социалистической собственности, и, как следствие, — формирования этнически нивелированной советской культуры. По материалам экспедиции, еще сохранялась целостность комплекса русских традиционных свадебных обрядов, но происходили существенные изменения, приведшие в начале 1960-х гг. к разрушению традиционного ритуала.

Свадебный ритуал представлял собой своеобразную народную пьесу, в которой были свои «зрители» и «артисты», режиссер и актеры, имела место зрелищность и драматургия. Не случайно в экспедиционных записях говорилось: «свадьбу играть»⁸. Присутствовала цепь диалогов и монологов, чередующихся с песенными эпизодами шутиwego, величального, драматического, игрового содержания. Система действующих лиц — сложная и многочисленная. Это жених и невеста, коренные сват и сваха (родители невесты и жениха), сват и сваха (крестные с обеих сторон),

¹ Там же. Л. 12.

² Там же. Л. 6–7, 321.

³ Там же. Д. 182. Л. 28.

⁴ Там же. Л. 30.

⁵ Там же. Л. 31.

⁶ Там же. Л. 6.

⁷ Ныне территория Благовещенского р-на РБ.

⁸ Там же. Д. 183. Л. 108.

друзжка (главный организатор свадьбы со стороны жениха) и полдрузжка (помощник дружки). Со стороны жениха назначали постельных для перевозки в новый дом постели девушки, а также повозчиков, которые везли поезжан. Подруги поддерживали невесту, помогали готовить приданое, участвовали в обрядовой бане. Важную роль выполняли большой боярин, малый боярин, кучер.

Материалы экспедиции показывают, что сохранялись многие свадебные обычаи, в частности, традиция сватовство проводить не менее двух раз, сватам вести разговор в доме под матицей. Но вместо иносказательных формул типа «У вас — товар, у нас — купец» стали напрямую говорить: «Мы за матницу не подем. Мы пришли невесту сватать»¹. Новым стало и то, что «раньше знакомились тихонько, а ведь теперь открыто у всех на глазу»².

Относительно смотрин невесты и знакомства с хозяйством жениха экспедиционных сведений нет. Вероятно, этот обычай утратился. Сразу говорится о запое или пропое (сговор, рукобיתье), который организуется в доме невесты и нацелен на решение организационных вопросов, касающихся свадьбы. Девушки пели пропойные песни, адресованные отцу, матери и брату невесты, с просьбой ее «не пропивать», потому что не удастся вернуть назад. Эти песни — воспоминания о временах, когда брачный союз заключался как хозяйственно-экономическая сделка представителей двух семей, а не добровольный выбор любящих людей. Впрочем, по этнографическим материалам, до сих пор говорят: «Лучше поплакать за свадебным столом, чем потом всю жизнь»³.

В материалах экспедиции описывается одежда молодых. В д. Ахлыстино Покровского района невеста наряжалась в розовое или голубое платье. Жених надевал розовую рубашку и черные брюки. На груди обоих крепились бумажные цветы. На дружке через плечо висело полотенце, а у полдрузжки была плетъ изо льна; оба они также были украшены бумажными цветами на груди.

Очевидно, что значительное место занимала свадебная символика. Так, жениховы свахи выносили репей, наряженный разноцветными бумажками, — символ принадлежности невесты к брачной группе девушек. Ритуал битья горшков являлся демонстрацией целомудренности невесты. Обычай качания молодых, положенных в кусок холста, с бросанием в снег расценивался как способ стимулирования плодородных сил (аналогично пасхальным качелям) и пробуждения природы от зимнего сна. Обычай мазать молодых сажеей должен был приобщить к бережному символу благодатного огня. Заведение в дом домашнего скота, включая лошадей, имело целью перенести природное пространство в человеческое, пе-

¹ Там же. Д. 183. Л. 108.

² Там же.

³ ПМА 2009–2013 гг. Республика Башкортостан, Дуванский, Мечетлинский, Белокатайский и др. р-ны.

редать плодородные силы от животного мира к людскому роду. Обычай подметания денег с пола молодой женой, с одной стороны, показывало ее хозяйственные навыки, с другой — было призвано обеспечить собирание молодой хозяйкой в доме своего мужа материальных благ. Как известно, с середины XX в. этот обычай был перенят от русскоязычного населения башкирами, татарами и другими народами, и сейчас является неотъемлемой частью их обряда¹.

Анализ песенного репертуара ниже приведенных записей свадебного обряда показывает, что в нем преобладали варианты общерусских свадебных песен, известных по сборникам М.Д. Чулкова², П.В. Киреевского³, П.В. Шейна⁴. По исследованиям автора⁵, одни и те же свадебные песни фиксировались в разных селениях Башкортостана («Молодка моя, молоденькая», «Виноград во саду цветет», «Чарочка моя серебряная», «Сват-господин» и др.). В то же время наблюдалось региональное своеобразие. Так, песня «Виноград по горам растет» в материалах экспедиции под руководством Э.В. Померанцевой по сравнению с записью в Челябинской области⁶ более развернутая, включает важнейший для свадебных песен момент — благопожелание молодым («Дай им, Господи, совет да любовь // Во совете, во любви хорошо бы им пожить»). Изменился традиционный для лирических песен мотив «чужой стороны». Для невесты ранее «чужая» сторона в Башкирии становится «родной» («у тятеньки хлеб польнью пахнет, горчицей отдает, а у милого хлеб сахаром пахнет»)⁷.

¹ Галиева Ф.Г. Семейные обряды башкир в поликультурном пространстве. Уфа, 2017. С. 265.

² Чулков М.Д. Сочинения. СПб.: Изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. АН, 1913. Т. 1: Собрание разных песен. Ч. 1–4 с прибавлением. СПб., 1770–1774. (Переизд.: СПб, 1913),

³ Киреевский П.В. Песни, собранные П.В. Киреевским: Ч. 1–3. М., 1860–1874. Вып. 1–10; Киреевский П.В. Песни, собранные П.В. Киреевским: Новая серия. Вып. 1: Песни обрядовые. М., 1911; Вып. 2: Песни необрядовые. Ч. 1. М., 1918; Ч. 2. М., 1929; Киреевский П.В. Песни, собранные П.В. Киреевским. Л., 1977; Киреевский П.В. Песни, собранные П.В. Киреевским. Л., 1977–. Т. 1: Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. 1977; Киреевский П.В. Собрание народных песен П.В. Киреевского. Записи П.И. Якушкина: В 2 т. Л., 1983. Т. 1. 1983; Т. 2. 1986; Киреевский П.В. Песни, собранные П.В. Киреевским. Тула, 1986.

⁴ Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Материалы, собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном. СПб., 1898; М., 1989; Шейн П.В. Русское народное творчество. М., 1859.

⁵ Ахатова Ф.Г. Восточнославянские песни в Башкортостане (фольклорные процессы в полиэтничном регионе). М., 2006; Ахатова Ф.Г. Традиционный музыкальный фольклор восточнославянских народов Башкортостана: К проблеме взаимодействия культур в многоэтнической среде. Уфа, 2004.

⁶ Глинкин А.В., Лазарев А.И. Песни оренбургских казаков. Старые и новые записи. Челябинск, 1996. С. 102–103.

⁷ Как и в восточнославянском календарно-обрядовом фольклоре, — прием опережения времени, где желаемое выдается за действительное.

К новым смысловым акцентам в песнях привела также замена мотива грусти невесты из-за того, что она не по своей воле замуж идет, на мотив женской самостоятельности («Да уж пойду я, расподумаю пойду»). Развивается мотив женитьбы не по расчету (на будущей работнице), а по любви. В отдельных записях песни «Недолго веночку на стеночке висеть» (записанной И.Е. Карпухиным более чем в 60 вариантах!) упоминается «ненавистная сваха», которая покушается на «русую косоньку» невесты (старый вариант), либо невеста сама идет замуж (новый вариант). Глаголы «плачет», «расплакалась» заменяются словами «всплакнула», «взгрустнула». Оценочные эпитеты «ненавистная», «шельма» исключаются из фольклорного текста¹.

Под влиянием литературных традиций изменилась не только лексика («Вдоль по речушке по Уралу»), но даже форма стиха русских свадебных песен в Башкирии. Один из вариантов песни «Недолго веночку на стеночке висеть» записан в строго строфической форме, где каждая строфа представляет ступеньку в раскрытии чувств невесты от упоминания о недолгом девичестве в начале до победы жениха в финале. Очевидно влияние силлабической и силлабо-тонической систем стихосложения на народных стих (тонический, безрифменный)².

Существенные изменения в свадебном фольклоре обусловлены разнообразными этническими контактами, когда стало обычным явлением заимствование песен из репертуара других народов. Так, И.Е. Карпухин в украинской деревне Булаж Стерлибашевского района записал, помимо украинских, русские свадебные песни, в свое время зафиксированные экспедицией Э.В. Померанцевой: «Недолго веночку на стеночке висеть», «Розан мой, розан», «Как на церкви перепелочка», «Мы думали, дружки богаты», плач невесты «Разбудите родню мамочку». Эти песни, перейдя в новую этническую среду, в одних случаях сохранили образную систему, особенности поэтики, в других — создали новые варианты³.

Башкиры, татары, удмурты, чувашы, марийцы не восприняли русских свадебных песен в связи с тем, что их типы свадеб коренным образом отличаются⁴. Кроме того, интенсивное усвоение этими народами русского языка и русского фольклора проходило в конце 1950-х — начале 1960-х гг., когда старинный свадебный ритуал у русских практически разрушился.

Таким образом, полевые записи экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством Э.В. Померанцевой в русских селениях Башкирии показывают поздний этап развития традиции, когда ритуалы упрощались, нивелировались этнокультурные особенности выходцев из разных губерний России, формировался общий репертуар, усиливались веселье, игро-

¹ Карпухин И.Е. Свадьба русских Башкортостана в межэтнических взаимодействиях. Стерлитамак, 1997. С. 53–54.

² Там же. С. 57.

³ Карпухин И.Е. Русская свадьба в Башкортостане (состояние, поэтика, межэтнические взаимосвязи). Стерлитамак, 1999. С. 196, 209.

⁴ Там же. С. 295.

вые мотивы при сохранении некоторых обычаев, стереотипных формул, словесных, поведенческих и предметных метафор.

Ф.Г. Галиева

**Свадебный обряд, бытующий в г. Благовещенске.
Записан [Л.Д.] Калякиной от Пестовой Александры
Федоровны 46-ти лет¹**

Как засватают свахи и родители, руки дадут, богу помолятся — уж все. Уж кто после этого откажется — богоизменник. Потом устраивают пропой. Первый вечер у невесты, ее пропивают. Жених с невестой и сватами сидят за столом, девушки поют. Пропойные песни поют всем родным невесты. Песня, поющая отцу невесты, когда он берет первую рюмку:

Уж ты тятенька пей,
Ты меня не пропей,
Ты коня пропьешь —
Коня выкупишь,
А меня пропьешь —
Да и не выкупишь.

Матери поют ту же песню, изменив только обращение (мамынька) и слова: «Ты коня пропьешь» на «Ты шубу пропьешь».

Брату:

Уж ты, братец, пей,
Ты меня не пропей,
Ты гармонь пропьешь, —
Гармонь выкупишь.
А сестру пропьешь —
Сестру не выкупишь.

Во время подготовки к свадьбе (недели 3–4) жених ходит к невесте с подарками.

Свадьбишный день. Свадьбишный день празднуют у невесты накануне свадьбы. Как к венцу идти, соберут невесту, посадят за стол, она плачет, а девушки поют:

Недолго тебе, веночку,
На стенишке висеть.
Недолго тебе, свет Марьюшка,
В красных девках сидеть.
Прислал тебе милый свахиныку,
Разнемилосливую.

¹ Русский фольклор Башкирии. Д. 182. Л. 142–151.

Пройди, пройди, мила свахынька,
Вдоль по новой горенке,
Сядь ты, сядь ты, мила свахынька
На любое местечко (2)
Под красно окошечко.
Эх, вечер-то мою русу косыньку
Красны девушки плели //
Утром встала я ранешенько,
Свахи косыньку плели,
Стали мои русы косыньки
Рвати-порывати.
Рвали мою русу косыньку
Её на две стороны.
Положили русу косыньку
Вокруг буйно головы.
Век бы тебе, коса русая,
Век бы здесь вековать,
Век бы тебе, душа Марьюшка,
В девушках не побывать¹.

Причитание².

В первый женский день свахи укладывают косы вокруг головы, обвязывают их женской повязкой. А после первой ночи белье молодых свахи передавали родителям. Александра Федоровна сама выходила замуж по этому обряду. Сама плакала, что «песня жалостливая очень». Затем поезжане едут забрать невесту к венцу. Они входят во двор и стоят у крыльца, пока девушки не пропоют:

Что без ветру-то, без вихерю
Воротички растворилися,
А буйным ветром затворилися,
Что бояре на двор въехали,
Молодые на крыльцо взошли.
Что бояре богу молятся, //
А молодые низко кланяются.
Увидела свет и Марьюшка,
Закидалась-забросалась,
Красным девкам за занавесочку:
– Схороните меня, девушки,
Схороните, меня, красные,
От чужих людей, незнакомых,

¹ Песня опубликована в сборнике «Русское народное творчество в Башкирии...»: № 77, с. 162.

² Текст причитания отсутствует.

Что незнакомых, незнакомых,
От чужих людей-разлушников,
Разлучают с отцом, с матерью,
Со любезными подружками!¹

Поезжане идут к столу. Дружка идет к сестре или брату невесты, сидящему со скалкой и продающему косу невесты. Жениховы свахи выкупают место у свахов. Дружка выкупает место для жениха и женихова отца-крестного. Жених садится с дружкой и крестным. Дружка говорит: «Вон из стола». Ему отвечают: «Нет, у моей сестрицы по рублю косица, по гривеннику волосок».

Дружка платит откуп, они садятся. Им подают по стакану вина, они берут невесту и едут в церковь. После венца едут к жениху. Вечер гуляют у жениха. Молодым поют «виноград».

Виноград по горам растет,
А ягода, а малина
По садам цветет,
Виноград — свет Иванушка душа,
Зеленый — свет Васильич господин. //
А ягода, а малина — свет и Марьюшка душа,
Им-то люди сдивовались,
Что хороши да пригожи уродилися.
Дай им, господи, совет и любовь,
Во совете, во любви
Хорошо бы им пожить.
Рыбушка-плачушка,
Уж и я ли, молода-молодешенька,
Мне ли, молодой, мало можется?
Уж мне тятенькин хлеб
Есть не хочется,
Уж мне папенькин хлеб
Польньей пахнет.
Уж он горькою горчицей
Отзывается.
Уж мне милого хлеб
Поесть хочется:
Милого хлеб сахаром пахнет,
Уж он сладкою слашицей отзывается².

Коренной свахе — жениховой матери — поют:

Что приезжая свахынька,
Что приехала свахынька
К Арине-ти Абрамовне.

¹ Опувл. в указ. сб.: № 83, с. 166.

² Опувл. в указ. сб.: № 86, с. 167–168.

Что садилася мила свахынька
За столы, столы дубовыи
И за скатерти шиты бранныи,
А за ёства-то все сахáрный,
А за пойло-то медяное. //

Сватьям-гостьям поезжанам поют «гули».

Гули, гули, а ты голубок,
Сизы крыльи.
А ты воркуйшь
С поля летишь.
А ты воркуйшь,
Припадёшь-ка
К окну послушать,
Что в терёме люди говорят.
Говорили: Иван-то со жаною,
Говорили: а ты, светик мой,
Роди сына,
А ты во меня
Лицом белым,
А ты во себя
Умом-разумом.
А я услужу за то тебе,
Сошью шубу, а я новую
И обложу ли я лисицию.

Холостым пели «рóзан»:

Кто у нас хороший,
Кто у нас пригожий?
Розан, мой розан,
Виноград зеленый.
Шурочка хороший,
Иванович пригожий.
Розан!... //

Хорош уродился,
Пригож снарядился.
Розан...
Создай ему, боже,
Невесту хорошу.
Розан...
Невесту хорошу —
Купеческу дочку.
Розан...

¹ Здесь и далее, вероятно, повторяются слова: «Розан, мой розан, // Виноград зеленый».

Купеческа дочка
Во двор выходила.
Розан...
На двор выходила,
Коня выводила.
Розан...
Коня выводила,
Шурочку садила.
Розан...
Шурочка садилси,
Под нём конь бодрилси.
Розан...
Шура плёткой машет,
Под нём конь-от пляшет.
Розан...
Со двора съезжали,
Пташки распявают.
Розан...
Лугами едет –
Луги зеленеют.
Розан...¹

Вдовцам и вдовам пели:

При долинушке калинушка стоит,
На калине соловей-птица сидит.
Горьку ягоду калинушку клюет,
И он малиною закусывает.
Приезжали к соловью два соколá,
Звали-брали соловейку с собою:
Пойдем-пойдем соловушка с нами,
Мы посадим тебя в клеточку,
На серебряную веточку.
Уж ты пой, мой воспявай мой соловей,
При радости звесели-ка молодца,
А при кручине красну девицу².

¹ Вариант песни в указ. сб.: № 63, с. 154–155.

² Вариант песни в указ. сб.: № 56, с. 150–151.

**Свадебный обряд, записанный в 1948 г. в д. Ахлыстино
Покровского района БАССР от Татьяны Петровны Ильиной,
42 года, колхозницы, неграмотной¹**

Татьяна Петровна с 33-го года живет в Ахлыстино. Сама она из Старого Надеждино. В Старое Надеждино свадебный обряд называется «боярским обрядом», в отличие от обряда в Ахлыстино, который называют «вятским обрядом». Татьяна Петровна знает «боярский обряд». Он исполняется до сих пор, также как в Ахлыстино до сих пор // исполняется «вятский обряд».

Как раньше женились? Да так же, как и теперь, только знакомились тихонько, а ведь теперь открыто у всех на глазу. Познакомятся он и она, да и встречаются года два-три. Потом приходят от жениха три бабки сватать невесту. Заходят в дом, садятся под матницу² (балка, поддерживающая потолок) и говорят: «Мы за матницу не подем. Мы пришли невесту сватать. У вас невеста, у вас жених». Отвечает невестина крёсна: «Так спросим невесту, подет или нет. У ней ведь есть и отец, и мать. Сoberемься, поговорим. Завтра придите».

На другой день снова приходят жениховы сваты. Садятся под матницу и говорят: «Мы за матницу не подем. Мы пришли невесту сватать». Отвечает невестина крёсна: «Теперча мы подумаем — будем собирать свадьбу через месяц».

После етова начинается запой. Запивают невесту. Теперча будем свадьбу играти: Ванька-дружкой, Санька-полдружкой. Запрягли кони, поехали за невестой. Вот значит тысячна, вот полтысячна (т.е. дружка и полдружка). Заезжают во двор. Дружка и полдружка стучат в дверь и говорят: «Свахонька, сватушка, боже наш, помилуй нас».

Стучат в двери и говорят: «Боже наш, помилуй нас. Свахонька и сватушка, дружка, полдружка ехали вашим // полем, на наших конях, на одном полозу — вашу невесту увезут. Свахонька и сватушка, дружка, полдружка, подайте мне и товарищу две». Заходят в дом и садятся на стол. На этом поезд кончается.

Начинается большой стол у невесты в доме. Жениха сажают вместе с невестой в переднем углу. На невесте надето или розовое, или голубое платье. Жених в розовой рубашке и в черных брюках. На груди у жениха и невесты бумажные цветы. Сидят они в переднем углу на ковре изо льна или просто на одеяле. Это для того, чтобы молодые жили богато, на голу лавку их не сажают. На дружке через плечо висит полотенце. У полдружки плетъ в руках. Плетъ плетется из соломы или изо льна длиною в один аршин, а шириною в два пальца. На груди тож цвяты. Гу-

¹ Русский фольклор Башкирии. Д. 183. Л. 108–121.

² Матица.

ляют вся родня женихова и матерна. Идет большой стол у невесте в доме. Пьют и едят. Потом начинаются песни. Невеста плачет:

Заплети-ка ты мне, подруженька
Косу русую.
Ты плети-ка ленту алую.
Завяжи на узелок туго-натуго,
Чтобы злые-то боярушки
Не пришли, не приехали,
Мою косу русую не расплели,
Узелочек не развязали. //
Ступеньюшка старублевая,
Али меня, красну девицу
(Бросается отцу на шею.)
Ниспокинъ-ка меня, тятенька,
В чужих людях жить.
(Подходит мать, бросается ей на шею.)
Ниспокинъ-ка, кормилица маменька,
В чужих людях жить.
Чужи люди больно умны,
А я-то, кормилица маменька,
Больно глупая.

Потом подходит крестный, братья, сестры, и всем невеста поет этот припевок. Самую первую песню поют подруги невесты. Она называется «Реченька». Во время этой песни они заплетают невесте косу. Делают одну большую косу.

Ты река ли, наша реченька...
Течет речка, не разольется,
На крутой берег не зальется,
Песком, грязью не возмутится...
Ты, умна ли, красна девица,
Анастасия Федоровна?
Сидит она — не улыбнется.
Говорит речи — не рассмехнется.
— Перед чем же мне смеяться-то?
Просватал же меня тятенька,
Продумали родные сроднички, //
Не за князя, не за боярина,
За удалого доброго молодца.
За Михаила, за Ивановича¹.

Девушки поют невесте:

а) Стой-ка, стой, бела березонька.
Ходила та девица по край бережку,

¹ Опувл. в указ. сб.: № 51, с. 147.

Срубил та девица белу березу,
Завалила путь-дороженьку,
Чтобы злые-то боярушки
Не прошли да не проехали.
Мою-то косу русую не расплётели,
Узелок-то не развя'зали.
Да стой-ко, стой-ко, бела березонька,
Да вик без верху.
Да живи-ка, кормилец тятинька,
Да вик без меня.
Без меня, без милой дитятки,
Без Настасьи Федоровны.

б) Ты сокол соколович,
Михаил Иванович.
Со своею со боярыней,
С Настасией Федоровной.
Слышишь ли — тебе песни поем:
Хороши кудри завивались,
Все добры люди дивовались:
Что за дитятко, что за милое,
Воспорожено (т.е. было рождено)?
Не заря его воспоробжела,
Не светел месяц воспоил, вскормил, //
Воспородила родна маменька,
Воспоил-вскормил родной папенька,
Возлелеяли няньки-мамушки,
Няньки, матушки, красны девушки¹.

Девушки поют трем сватъям (бабкам):

Уж ты сваха хорошая, хорошая,
На меду сваха замешана, замешана,
Сьгой² сваха поливана, поливана,
Фагой³ сваха покрывана, покрывана.
Слышь-ко ли, свaxonька, тебе песни поем.
Слышь-ко ли, Арина Васильевна.

Девушки поют песню крестному (к):

Как у голубя у сизого седая голова,
У голубушки голоушка серебристая.
Тут и голубь, тут и сизый,
Михаил да господин

¹ Вариант песни в указ. сб.: № 60, с. 153.

² Сьга — вода, подслащенная медом, медовый взвар (диалект).

³ Фага — курево (диалект).

Со своею со молодой
Со боярыней Настасей Федоровной.

Девушки поют женихову брату:

Что у голубя у сизого сизая голова,
У голубушки голоушка серебристая,
У голубушки голоушка серебристая.
Тут и голубь, тут и сизый,
Свет Михаила государь.
Тут и голубь, тут и сизый,
Свет Михаила государь.
Что со своею со молодой
С боярынюю,
Что со своею со молодой
С боярынюю,
Меньший братец старшу братцу
Позавидовал жене.
Меньший братец старшу братцу
Позавидовал жене.
— Кабы этака жену меня, братец, была (2),
Я умел бы разумел за женою как ходить (2),
Я бы лесом, я бы лесом на коляске прокатил (2),
А зимой холодной словно петерских санях (2),
На ямских да лошадах со извозчиками.
На извозчике кафтанчик тонко синего сукна,
Тонко синего сукна,
Петербуржского шитья¹.

Теперь пошли плясовые песни.

1. Чернброва ты моя,
Вечер бы я у тебя (2),
Не узнала ты меня (2),
Не узнала, отслала:
— Поди, парень, поди прочь,
Люби, парень, ково хошь.
Я тобою *воленою*²
Играть с тобою *полным*
Полным полно не хочу.
С кем играю, не скажу!
От деревни до деревни
Два подарочка висят (2),
Играть с вами не хотят.

¹ Вариант песни в указ. сб.: № 65, с. 156.

² Выделенные курсивом слова в рукописи написаны от руки.

2. Никогда девка-хмелинка
Не разоймовала,
А сегодня меня хмелинка
Розняла. //
Розняла девка хмалинка,
Полюбил баской¹ детинка (2),
Михалушка-сиротинка.
У Михайлы-сиротины
Завсегда сердце ретиво.
Он зажег, запалил,
Челночками задарил (2),
Коты² новые купил.
Вы носитесь, коты,
Подпоритесь, каблукы.
— Не сами коты купила,
Не свои деньги платила.
Мне купил их Михаил,
Заплатил он семь алтын³,
Еще бросил гривен восемь
На бумажные чулки,
На парчевы рукавицы.

3. Молодка, молодка,
Молоденькая головка твоя спобедненькая.
Спопить, спогулять, ночку ночевать.
Ноченьку ночую, лягу спать одна,
Лягу спать одна, без милова дружка,
Без Михайлушки.
Берет грусть-тоска,
Грусть-тоска берет,
Даль-то милый живет,
Далеким-далеко, эх, на той стороне,
Эх, на той стороне, не близко ко мне.
Ходит мой милой, эх, да тою стороной, //
Машет мой милой, эх, да правою рукой,
Ручкой правою, шляпой черною:
— Сударыня, сударыня, переди сюда.
— Я бы рада перешла, переходу нет.
Переход нашла, да жердочка тонка,
Жердочка тонка, речка глубока.
Во этой во речке, во этой быстрой,

¹ Красивый (диалект.).

² Кожаная обувь.

³ Алтын – народно-обиходное название монеты достоинством 3 коп.

Во этой быстрой купался бобер.
Купался, купался, не выкупался,
На берег взошел, отряхивался,
Отряхивался, оглядывался, не идет ли кто,
Не идет ли кто, не несет ли что.
Охотники свищут, черна бобра свищут,
Хочут бобра бить, Насте шубу шить,
Шуба-то нова, Насастья-то черноброва¹.

4. По сеням (плясовая)
По сеням, сеням новым,
По новым решетчатым,
Тут ходила, прогуливала
Молода жена-боярыня,
Свет Настасья Федоровна.
Своего ли друга милова,
Михаила Иванович:
Что будила, пробудила
Своего ли друга милова:
— Уж ты встань, проснись,
Милый друг,
Пробудись душа, отецкий сын,
Отвязался твой воронный конь, //
От столба, столба дубого (2),
От кольца, кольца серебряного (2),
От свитого, спозолоченного,
Он ворвался во зелен сад,
Спотоптал весь зелен сад,
Со калиной и малиной,
И со черной и смородиной.
— Не тужи, жена-боярыня,
Наживем мы с тобой зелен сад,
Со калиной, со малиной,
Со черной со смородиной².

5. Чарочка моя
Чарочка моя серебряная,
На золотом блюдечке поставлена.
Кому чару пить — тому здраву быть.
Пить-то чару, выпивать-то чару,
Что Михаилу-то Ивановичу,
Что на добро-то здоровье
На здоровице его,

¹ Опубл. в указ. сб.: № 88, с. 169–169.

² Вариант песни в указ. сб.: № 87, с. 168.

Что ура, ура, ура, ее выпить пора.

Так гуляют первый вечер, часов до двенадцати. Потом жених со своей родней уезжает или, по теперешним временам, уходит домой. Утром второго дня к невесте приходят подруги. Невеста плачет:

Спалось ли вам, девушки,
Темная ноченька?
А мне-то, злорадке¹, горькой не уснулось. //
Приснился мне нехороший сон:
Стояла я под златым венцом,
Держала-то я воскову свечу в руках,
Не сдержали-то мои белы рученьки.
Спалось ли, братец миленький,
Тебе темная ноченька?
А мне-то, злодарке,
Горькой, не уснулося.
Приснился мне нехороший сон:
Стояла я под златым венцом,
Держала-то я воскову свечу в руках,
Не сдержали-то, братец, милые
Мои белы рученьки.
Поезжай-ко, братец миленький,
Во темный лес,
Сруби-ка, братец миленький,
Белу березоньку,
Завали-ка путь-дороженьку.
Чтобы злые-то боярушки
Не прошли, не проехали,
Мою косу русую не расплетели,
Узелочек-то не развязали.

Приезжает жених, с ним дружки и полдружки. Дружки и полдружки стучат в дверь и говорят: «Боже наш, помилуй нас» (Дверь закрыта на крючок.) Свахонька и сватушка, дружка, полдружка, подайте мне да товарищу две. Заходят в дом все, садятся. Отца и матери, жениха нет. Нет, не приезжают. Все сидят, пьют, едят. Жених с невестой не пьют, не едят. Брат невесты держит в руках скалку. Дружка кричит: «Боже нас, помилуй нас, опростайте стол-то». А брат отвечает, стукнув скалкой: // «Вы кушайте». Ему подают стакан водки (подает сваха) и курник (это пирог с мясом, круглый, испеченный на сковородке). Из-за стола все выходят. Молодые садятся в передний угол. Когда молодую

¹ Злорадка — оказавшаяся чужой.

ведут за стол, девушки поют:

Солнышко шло, солнышко шло,
Шло по-за лесу, шло по-за лесу.
Настасья шла, Настасья шла,
Шла по-за столику, шла по-за столику,
Упиралась ручками, упиралась ручками
За дубовы столы, за дубовы столы,
Бросила ключи, бросила ключи
Вдоль по лавочке, вдоль по широкой.
Тягенька мой, тягенька мой,
Подбери ключи, подбери золоты,
Я теперь, я теперь,
Я не ключница-позамочница,
Я теперь, я теперь
Чужему отцу, чужой матери¹.

Молодые опять сидят на войлоке. Из-за стола едут венчаться. Теперь же чаще круг столба, да и в баню². Невеста едет в белой вуали, а в вуаль вплетены цветы. В церкви их ставят перед налоем³. Надевают на них венцы. Дают в руки по свечке, украшенной цветами. Поп, конечно, поет. Обводит он три раза круг налоя и там прочая. Потом венцы снимают и айда домой. А венцы-то оставляют в церкви. Теперь невесту привозят к жениху. А едет она из церкви, света божьего не видит, потому покрыта шалью. Заводят эту невесту в чулан, так прежде называли у нас, у барских⁴, куфню. Жениховы мать и отец раскрывают⁵ ее и целуют обеих молодых. Потом крёсна // женихова и невестина расплетает косу и заплетает по косе. Та себе плетет косу, другая себе. Зашлепи этак две косы, переплели их на голове и голову повязывают шелковым платком. Потом подносят обоим зеркала — нате, де, глядитесь — и тому, и другому. Тогда закрывают молодущку шалью и ведут вперед в большой зал. Садят в передний угол. Отец с матерью жениха подносят хлеб с солью. Молодую раскрывают и оба молодые целуют хлеб-соль. Теперь уж молодые едят. Потом они отдыхают на подклете — это пристройка к дому, как вроде теперь чулан называют. Женихова крёсна уже заранее приготовила им постель. Так до вечера молодые остаются сами с собой в подклете.

К вечеру приходит невестина родня. Молодые уже на ногах и встречают невестину родню с водкой. Женихова крёсна хмелем в невестиных сватов.

Так молодые садятся за стол и с ними обе родни. Потом бабки же-

¹ Опубл. в указ. сб.: № 81, с. 165.

² Так в тексте.

³ Налой — столик с наклонной плоскостью для подставки икон.

⁴ Барские — принадлежавшие барину крепостные.

⁵ Раскрывать — обнимать.

ниховы — это свахоньки-то, идут с куфни, а по-старинному-то из чулана, несут с собой цветок. Цветок это репей наряженный разноцветными бумажками, и поют песни. В это время девушек уже нету в комнате, одни пожилые девушки. Поют «Во лузя»:

И ой, во лузя (2),
И а еще во лузя, зеленые лузя (2),
И и ой вырастала, вырастала трава шелковая (2),
И ой, понесли, понесли духи малиновые (2),
И что малиновы малиновые (2),
Ой, уж в этой траве (2)
Я выкормила коня (2).
Уж я выкормила (2),
Я вывожу его (2).
Поведу я коня (2),
Ой-да к батюшке (2),
Да уж ты батюшка (2),
Прими моего коня (2)¹.

Теперь начинают бить гореньки (горшки)². Бьют, поют и пляшут чуть не до утра. На следующий день снова гуляют и начинают молодых класть в полог возовой, и в этом пологе их качают и бросают в снег (полог возовой — большой кусок холста). Топят печку, затыкают трубу. В избе дым. Молодых сажай мажут. Потом свиней в избу приносят, заводят коров. Санки втаскивают, корыта там разные. Даже заводят лошадей³. Потом молодуха начинает в избе мести. Она в избе метет, а ей деньги бросают. Она метет, а гости обратно сор разбрасывают по комнате и за это деньги бросают⁴. Денег невеста набирает и с сотню, и с две. Бросают и куски материала. Потом снова гуляют, пьют и дерутся по русскому обычаю. Прежде гуляли по неделе. Вот и свадьбе конец. Молодые живут-поживают и детей нагоняют.

(Публикация Ф.Г. Галиевой)

¹ Вариант песни в указ. сб.: № 107, с. 181–182.

² Обычай демонстрации целомудренности невесты.

³ С целью обеспечения приплода, как у животных.

⁴ Обычай, перенятый от русского населения башкирами и татарами.

**СЕЛО БОЛЬШОЙ ГОНДЫРЬ
В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX ВЕКА:
НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ
ЗАКАМСКИХ УДМУРТОВ¹**

Публикуемый документ представляет собой воспоминания дочери известного удмуртского педагога Г.П. Прокопьева, Елизаветы Гавриловны Прокопьевой, о ее жизни в удмуртском селе Большой Гондырь Осинского уезда Пермской губернии (Сарапульского округа Уральской области) в 1910–1920-е гг. Ныне населенный пункт относится к Куединскому району Пермского края.

Поселение удмуртов-припущенников Большой Гондырь было основано во второй половине XVII столетия на земле башкир-вотчинников. К концу XIX — началу XX в. старинное селение превратилось в один из крупных административных, экономических (торговых), культурных и культовых центров закамских удмуртов. Коренными жителями Большого Гондыря являлись удмурты-«язычники», придерживавшиеся традиционной религии. В священных рощах в окрестностях села проводили многолюдные общественные моления-жертвоприношения, куда стекались жители из многих соседних деревень. В конце XIX — начале XX в. часть удмуртов приняла ислам, и стала считать себя башкирами и разговаривать на татарском языке. Местные мусульмане в 1898 г. открыли здесь мечеть. В целях противодействия исламизации, Пермским епархиальным комитетом Православного миссионерского общества в Большом Гондыре в 1897 г. была построена и освящена церковь, основными прихожанами которой являлись местные русские купцы и немногочисленная группа крестившихся удмуртов². Стараниями этого же комитета в конце 1872 г. была открыта миссионерская школа. С 1898 г. здесь действовало также мусульманское медресе³. В начале XX в. в Большом Гондыре функционировало двухклассное училище, помещавшееся с 1914 г. в

¹ Выражаю свою признательность доктору филологических наук Р.Ш. Насибуллину за ценные предложения и замечания, высказанные в ходе подготовки документа к публикации.

² Садиков Р.Р. На перекрестке трех религий: керемет, мечеть и церковь в этноконфессиональном пространстве удмуртского селения // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016, № 4. С. 109–121.

³ Садиков Р.Р. Из истории просвещения закамских удмуртов (открытие первых школ) // Финно-угроведение. 2016, № 1. С. 71–83.

просторном кирпичном здании¹. В 1911–1928 гг. в этой школе учительствовал Гавриил Прокопьевич Прокопьев — удмуртский просветитель, поэт, автор книги «Муш утъяны дьшетісь книга. О пчеловодстве на вотском языке» (Казань, 1908)². По воспоминаниям старожилов, местные жители называли его Бадзын укытійсь — Старший учитель³. Его дочь, Елизавета Гавриловна, — автор исследуемого документа.

Машинописный текст с небольшими рукописными вставками⁴, имеет заглавие — «Село Большой Гондырь Куединского района, Пермской области в 10-е и 20-е годы» и датирован 8 января 1966 г. В конце приведен адрес составителя: п. Пычас Можгинского района Удмуртской АССР⁵. Документ разделен автором на тематические подпункты, имеющие свои названия.

Воспоминания Е.Г. Прокопьевой представляют собой важный исторический источник, освещающий историю и этнографию закамских удмуртов в первые десятилетия XX в. Автор повествует о жизни удмуртского села в предреволюционные годы и первое послеоктябрьское десятилетие. Документ дает яркое представление о жизни удмуртов тех лет, воссоздает хронологию революционных событий и советских преобразований. Помимо ценных сведений по истории местного края и этнографии удмуртского народа, он содержит уникальные свидетельства о жизни и деятельности удмуртских учителей-просветителей, братьев Гавриила, Антона и Максима Прокопьевых. Из них, М.П. Прокопьев — известный удмуртский революционер-большевик, общественный и политический деятель, первый председатель Вотского отдела Наркомнаца РСФСР. В 1902–1914 гг. он работал учителем в удмуртских школах Уфимской и Пермской губерний⁶.

Рукопись воспоминаний учительницы Е.Г. Прокопьевой на 13 листах подшита в папку с материалами по истории села Большой Гондырь, которая хранится в местном сельском краеведческом музее⁷. Скорее всего,

¹ Здание школы сохранилось до наших дней. На ее стене установлена мемориальная доска в память об удмуртском просветителе и революционере М.П. Прокопьеве.

² Шкляев А.Г. Прокопьев Гавриил Прокопьевич // Удмуртская Республика. Энциклопедия. Ижевск, 2008. С. 569.

³ Кипчакская основная общеобразовательная школа [Электронный ресурс] // URL: <http://59209s021.edusite.ru/p18aa1.html> (дата обращения: 03.10.2018 г.).

⁴ Вероятно, принадлежащими В.К. Никитину (о нем см. ниже).

⁵ Ныне с. Пычас Можгинского района Удмуртской Республики.

⁶ Павлов Н.П. Максим Прокопьев. Документальный очерк. Ижевск, 1993. С. 28–45.

⁷ Обнаружена автором публикации в 2010 г. во время полевых этнографических исследований в селе.

воспоминания были написаны по просьбе руководителя школьного краеведческого кружка В.К. Никитина. По другим документам, имеющимся в этом деле, видно, что кружок учащихся во главе со своим руководителем проводил активную изыскательскую работу по изучению истории местного края. В ответ на письма-запросы в 1964–1968 гг. кружок получил архивные справки, касающиеся истории села, из Центрального государственного архива древних актов (Москва), Центрального государственного архива Башкирской АССР (Уфа), Государственного архива Пермской области (Пермь), Удмуртского научно-исследовательского института истории, экономики, литературы и языка при Совете министров Удмуртской АССР. В.К. Никитиным, на основе собранных материалов, в 1987 г. составлена рукописная «История села Большой Гондырь Куединского района Пермской области». Известно, что учитель истории и географии Больше-Гондырской средней школы, создатель краеведческого музея Владимир Кузьмич Никитин был уроженцем д. Байсар Шарканского района УАССР, с 1936 г. проживал в Куединском районе¹.

Орфография текста сохранена, исправлены некоторые ошибки и опечатки. Предложения и слова, написанные от руки, переданы курсивом. В качестве иллюстрации воспроизводится документ с автографом М.П. Прокопьева² 1908 г., обнаруженный в Национальном архиве Республики Башкортостан.

Р.Р. Садиков

Село Большой Гондырь Куединского района, Пермской области в 10-е и 20-е годы³

Мой отец и его братья Антон и Максим. Отец мой, Прокопьев Гаврил Прокопьевич работал в с. Б-Гондырь с 1911 по 1928 год. Окончил он Казанскую учительскую семинарию, где учились его младшие братья Антон и Максим. Последний учился в семинарии в более позд-

¹ Научно-отраслевой архив УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Рукописный фонд. Оп. 2-Н. Д. 436. Л. 4.

² Расписка учителя Каймашабашевского двухклассного училища Бирского уезда М. Прокопьева в получении жалования за январь 1908 г.: «Деньги сто пятьдесят шесть рублей шестьдесят коп. по доверенностям Гайнитдинова и Прокопьевой получил и за себя росписался [М. Прокопьев] (НА РБ. Ф. И-223. Оп. 1. Д. 15. Л. 2).

³ Прокопьева Е. Село Большой Гондырь Куединского района, Пермской области в 10-е и 20-е годы. 1966. Рукопись / Большегондырский сельский краеведческий музей Куединского района Пермского края.

нее время, когда в Казани были распространены подпольные революционные кружки. Членом этого кружка был и Максим Прокопьев.

После семинарии Антон Прокопьевич, по словам жены Максима Прокоп[ьевича], работал в удмуртской школе близ Кыргов¹ б²/Осинского уезда. Максим Прокопьевич с женой учительствовали в двухклассном училище в удмуртской деревне Каймашабаш³ б/Бирского уезда, Уфимской губернии. Некоторые учителя тех мест (б/Осинского и соседнего Бирского уездов) собирались в подпольном революционном кружке. Деятельное участие в нем принимал Максим Прок[опьевич]. Его брат Антон лишь присутствовал в нем. В противоположность брату, он был вялый, болезненный, пассивный. Рукописи своих произведений Максим хранил у него потому, что Антона полиция не беспокоила обысками. Спиртных напитков, как и брат Максим, он не употреблял.

В 1912 году после женитьбы Антон Прокопьевич перевелся работать в Барабановскую школу⁴ тоже Осинского уезда, Перм[ской] губер[нии].

Отца моего по окончании учительской семинарии назначили учителем в захолустное удмуртское село Карлыган⁵ б/Вятской губернии. Работал он там в двухклассном училище, где готовились кадры учителей для нерусских народов⁶. Из Большегондырской б/волости Осинского уезда в Карлыгане учились Сайранов Гарибзян и Зайнидинов Ахмат. По окончании Карлыгановского училища они работали учителями Б-Гондырской волости. *Их уже живых нет.*

После революции 1905 г. в семи километрах от Карлыгана появились политические ссыльные (поляки и грузины). Отец с ними общался: у крестьянина, где жили политические ссыльные, отец держал пчел. Он очень увлекался пчеловодством, охотой, рыболовством, пением. В Карлыгане пел в церковном хоре. В Гондыре редко ходил в церковь. В церковном хоре не участвовал. //

В 1908 году отец с семьей уехал из Карлыгана в русское село Ошью⁷

¹ Ныне д. Кирга Куединского района Пермского края.

² Здесь и далее — «бывшего».

³ Ныне с. Каймашабаш Янаульского района Республики Башкортостан.

⁴ Ныне в д. Барабан Куединского района Пермского края.

⁵ Ныне д. Большой Карлыган Мари-Турекского района Республики Марий Эл.

⁶ Карлыганская центральная вотская школа Министерства народного просвещения.

⁷ Ныне с. Ошья Куединского района Пермского края.

б/Пермской губерн[ии]. Свободных мест [в] Ошпинской школе не оказалось. Отец устроился работать в двухклассном училище в русском селе Верх-Буй¹ б/Осинского уезда, Пермской губерн[ии].

В 1910 г. к нам приезжал Максим Прокопьевич.

В 1911 году отец переехал в село Б-Гондырь того [же] уезда и губернии. С его приездом в этом селе открыли двухклассное училище, где учились подростки и из дальних деревень (удмурты, русские, татары и марийцы).

Село Б-Гондырь до Советской власти. Коренное население села состояло из удмуртов, в основном крестьян-середняков. Кроме них в Гондыре проживали русские, татары, занимавшиеся ремеслами и торговлей.

Базары там были большие. Гондырские ярмарки далеко славились в округности. Село и тогда состояло из двух параллельных улиц и третьей перпендикулярной к базарной улице. В конце ее к Малому Гондырю² была церковь. *А на противоположной стороне мечеть.*

По соседству с поповским огромным домом — земская школа. В одной половине школьного здания помещались 1, 2, 3 отделения школы (так прежде назывались в начальной школе и в общеобразовательном двухклассном училище классы). В другой половине его жил учитель Савельев А.С., выполнявший так же обязанности псаломщика в церкви и руководителя церковного хора. Закон божий преподавал Белов, отец Михаил (поп). Во втором полугодии 1912 г. появился в этой школе второй учитель Яковлев С. (удм[урт] б/Казанск[ой] губ[ернии]).

В центре базарной улицы села, по обеим сторонам дороги, тянулись лавки торговцев и большой магазин Мухамедзянова Айникая. К северу от базарного ряда в 1912-м году в частном доме Галякбарова помещалось двухклассное училище (5-е и 6-е отделения). Общежитие учащихся из дальних деревень находилось во 2-м этаже [дома] плотника Пчелина (в проулке).

На соседней базарной улице стояла мечеть. Неподалеку от нее религиозная мусульманская школа (медресе) и дома двух мулл.

Удмурты-язычники находились в то время под большим влиянием мусульманской религии. Некоторые удмурты переходили в магометанство и считали себя татарами (Мухамедзянов Айникай, лавочник *Фазлиев* Нурий и др.). Каждая национальность жила своей обособленной жизнью. //

¹ Ныне д. Верх-Буй Куединского района Пермского края.

² Ныне д. Малый Гондырь Куединского района Пермского края.

Забиты, отстали были в то время удмурты Б-Гондырской волости. Многие из них болели чесоткой, трахомой, встречались и венерические болезни. Накануне праздников молодежь удмуртов собиралась на посиделки в бани, построенных по-черному. Культурных развлечений тогда не было в селах и деревнях. Большинство удмуртов к учебе не стремились. Девочки удмурты совсем не учились. Лишь Туктамышева Гыльния в 1912 г. пошла в школу, где учился ее брат Тэмырша. Их младшая сестра Менкамал и Шагиева Тайфа учились в 30-х годах в Красноуфимском сельхозтехникуме. Работают учителями.

В 1913-м году к нам внезапно явился Максим Прокопьевич. Оказалось, что по доносу учителя-предателя его сняли с учительской работы. В поисках ее он был в семи городах. В школу М.П. не назначали. В момент приезда его в Гондырь, в школе проводили весенние экзамены, на которых присутствовал уездный инспектор. Отец поговорил с ним о брате Максиме. Его с женой Евгенией Вас[ильевной] назначили учителями в Верхне-Гондырскую школу¹. С появлением их к нам зачастил урядник Мокеров.

В 1914 году по соседству с зданием волостного правления появилось большое кирпичное здание для школы. В ней помещались 1–4 отделения начальной школы и 5–6-е отделения двухклассного училища. В кухне школы жили учащиеся дальних деревень (Гильманов, Романов Кайдар, Муратов К., Явгельдин, Усыннин и др.). Из удмуртских, русских, татарских и марийских деревень.

Попечителем школы назначили Жаринова Андрея Ивановича. Он чувствовал себя хозяином села. Богатый, властный, жил на широкую ногу. Гордый, высокомерный. Отец мой до 1916 года жил с ним дружно. Дочь его Е.А. работала учительницей в Б-Гондырской школе ([в] 1914 году). В 1916-м году отец мой на общем собрании членов пайщиков кредитного товарищества разоблачил Жаринова за жульничество. Из разговоров моих родителей я узнала, что он в кредитном товариществе присвоил много казенного овса.

Отец, когда не пьянствовал, был неплохой общественный работник. С ж.д. техником Беляковым организовали кредитное тов-во.

В 1914-м году проводили с населением села беседы с «волшебным фонарем» на медицинские, географические, лит[ературные] темы. //

Состоял в пожарной дружине. Для сельской и школьной библиотек приобрел много книг, занимался в читальне. Организовал вечернюю школу для взрослых. Посещали ее только русские. Просуществовала

¹ Ныне в д. Верхний Гондырь Куединского района Пермского края.

она недолго.

С 1914-го года стали убывать в школе учителя-мужчины, не стало Яковлева С.В., братьев Антона и Максима Прокопьевых и др. Романов Кайдара взяли на фронт из III-го класса Аряжского Высшего Начального училища¹, где он учился.

Весной 1917 года приезжал в Б-Гондырь Максим Прокопьевич. Привозил с собой революционную, антирелигиозную литературу для распространения среди населения. В августе 1917 года он проводил в волостном правлении какое-то собрание. Я была в школьном дворе (мы квартировали при школе). Вдруг слышу на собрании злобные крики. Из волостного правления к школе бежал М.П. За ним неслась с воем разъяренная толпа богачей. М[аксим] Прокоп[ьевич] успел забежать в школу и выскочить в окно в поле. Его не нашли. Что было дальше я не знаю, мы с братом ушли на учебу в Аряж.

Антонов. С осени 1917 года в нашем 4-м кл. В.Н.У. появился новый ученик. Вернулся с фронта Романов Кайдар. Он был единственный удмурт из крестьян Б-Гондырской вол. в нашем классе.

Все в нем резко изменилось, включая фамилию и имя: писался он теперь Антоновым Владимиром. Смелый, подтянутый, аккуратный во всем, волевой, энергичный, он взбудоражил весь класс новыми взглядами на жизнь.

Учился по всем предметам на пятерки. Остальные Б-Гондырские ученики Мурсалимов Т., Усынин и я, не выделялись в нашем классе ни хорошей учебой, ни активностью. Вообще, таких учеников как Антонов, не было во всем 4 кл. В.Н.У.

С преподавателем истории Пономаревым (с монархическими взглядами) он спорил о народной власти. Иной раз увлекались спорами, они не замечали звонка и перемену. //

С учащимися соклассниками Антонов затевал споры о божестве. Времени на антирелигиозные споры на переменах не хватало. Законоучителя о. Ивана учащиеся засыпали такими вопросами, что он отвечать на них не мог. В наш класс поп не стал ходить: «болел». Вскоре закон божий у нас отменили.

События в Б-Гондыре в 1918 году. Зимой 1918 года мать звала нас с братом домой. «Учиться вам больше не придется: отца избили, наверное убьют», — сообщила она нам через хозяина квартиры, ездившего в тот день на базар в Гондырь. Взяв у инспектора В.Н.У. справку о нашей учебе там, мы пошли с братом домой. Дома узнали

¹ Ныне в с. Аряж Куединского района Пермского края.

следующее.

Максим Прокопьевич организовал при волости ревком. Из Осы выслал для охраны его немного винтовок. Узнав об этом, разъяренные богачи винтовки у ревкомовцев отобрали. Увидев на базаре Антона Прокопьевича и друзей моего отца Яманаева Мадзека и других 5 удмуртов, набросились на них с криками: «Бей большевиков» (друзья отца и понятия не имели о большевизме). Избили их, истоптали, привели в волостное правление и бросили в каталажку. Отец в это время был дома. Один ученик предупредил ему, что на базаре избили Антона Прок[опьевича] и друзей отца, что собираются в школу для расправы с ним. Отец быстро пошел на разъезд Рабак¹. В Барабане увидел его знакомый Куснияр.

Узнав от отца о событиях на базаре, он успокоил его, завел к себе, угостил самогоном. Отец настолько опьянел, что дальше идти не мог. Пошел в школу. Перепуганные жены Антона и Максима Прок[опьевича] (жена М.П. убежала с детьми из В-Гондыря от преследования кулачества в Барабан) спрятали пьяного отца в подполье. Вскоре за ним прибыла погоня. Не найдя его там, кулаки поехали его искать в Барабан. Его нашли в подполье, избили, истоптали, бросили в сани и повезли с песнями в Гондырь. Когда его вытаскивали из саней, один из кулаков ударил прикладом винтовки по голове отца. Окровавленного его бросили в каталажку. Фельдшерница Белякова — жена друга отца, узнав об этом, быстро пришла на помощь к нему. //

На третий день богачи провели собрание по поводу избитых. Решили их убить. Семьи их, по слухам, отправить в д. Бураево² *Бирского уезда* на расправу.

В этот момент на собрание явились преподаватели из Аряжского В.Н.У. Михайлов Е.Н. и Копылова П.А. Узнав, что избитых хотят убить, они сказали, что власть уже везде в руках большевиков, что ожидают в Гондырь отряд красногвардейцев. Арестованных не тронули, но из каталажки не выпустили. На другой день вооруженное кулачество ожидало красногвардейский поезд, намереваясь из окон школы обстрелять его. Что было дальше — мы не видели, пошли с братом на учебу в Аряж.

Нам потом мать рассказала: услышав, что красногвардейцев едет много, кулаки арестованных из каталажки выпустили, стали перед ни-

¹ Ныне п. Рабак при железнодорожной станции в Куединском районе Пермского края.

² Ныне с. Бураево Бураевского района Республики Башкортостан. В 1918 г. населенный пункт был центром антисоветского выступления населения.

ми заискивать. Прибыл красногвардейский карательный отряд. Выяснили, что организаторами избиения «большевиков» был Жаринов А.И., *Бактиев* Гаптий (кипчакский удм[урт]), мулла из В-Гондыря. Их арестовали и расстреляли. Прибыл из Осы и Максим Прокоп[ьевич].

После избиения отец стал другим: рассеянным, ослабели память и сообразительность. Появились странности в его поведении. Еще больше пристрастился к спиртным напиткам. Мать переживала, что у него будет помешательство.

По окончании Аряжского В.Н.У. в 1918 году я хотела устроиться на работу табельщицей на раз[езд] Рабак. Родители запротестовали. «Будешь учительницей в удмуртской школе. Учительский труд хотя не благодарный, но благородный, интересный», — сказал отец. Мать возмущалась: «Испугалась трудностей. Если все побегут от удмуртов, они вечно будут отсталыми».

В июне месяце 1918 года отец повез меня на инородческие педагогические курсы в г. Елабугу. Летом этого года в Елабуге был Всероссийский съезд удмуртских работников просвещения. Присутствовали на этом съезде и мы, курсанты. Председательствовал на нем при нас Максим Прокопьевич. По словам жены его, на данном съезде М.П. избрали уполномоченным по удмуртским делам в Москву, где он работал до 1919 года¹. //

Курсы наши длились до 31 июля 1918 г. Елабуга в это время была на военном положении: ждали чехо-словаков.

Гражданская война. Осенью 1918 г. в Гондырях были красноармейцы. После небольших боев, пришли белые. Отец, Антон, судья Митряев и др. эвакуировались с Красной армией. Председатель волисполкома Туктаров и секретарь Шарига (оба удмурты) остались. «Мы беспартийные, нам ничего не будет», — говорили они. Белые арестовали Туктарова Гарафетдина и Шаригу, посадили в каталажку. Вскоре их там не стало. Обезображенные группы их нашли потом в поле.

К нам пришел офицер в сопровождении сына В-Гондырского торговца Варзановцева К. Провели обыск. Забрали фотокарточки отца и Максима. Белые хозяйничали недолго. В ноябре они затревожились: приближалась Красная армия. Вновь бои. Белые бежали.

Прибыли эвакуировавшиеся актив волисполкома и другие. Вместо убитого белыми Гарафетдинова председателем волисполкома избрали Гиляурова (Б-Гонд[ырский] удм[урт]). *Гиляуров Гази.*

¹ Речь идет о Первом Всероссийском съезде удмуртов, проходившем в Елабуге 26–30 июня 1918 г.

В школе начались преобразования. По всему Аряжскому тогда району остались только школы I-й ступени. Школы II-й ступени (б/гимназия и другие общеобразовательные средние учебные заведения) были в Осе.

По Б-Гондырской волости школы I-й ступени укомплектовали следующими учителями: в Б-Гондырской школе — мой отец, Покровский (пасынок Антона Прок[опьевича]) и я, в В-Гондырской — Прокопьева Д.И. и Петров Гурий Степанович (оба коммунисты), в Кипчакской¹ — Сайранов, в Кыргинской — Савельев А.И. и Зайнетдинов Ахмат, в Шагиртской² — Яковлев Н.В., в Гожанской³ — Петров С.В.

После учительской конференции состав учителей в Гондырях изменился, поменялись местами работы и я с Петровым Г.С., Покровский с Курочкиной, работавшей в Савинской школе⁴.

Бойкий, энергичный Петров Г.С. с увлечением принялся за общественную работу: организовал спектакли, концерты на удм[уртском] языке и т.д. Увлекались спектаклями русские и татары. Кино тогда по деревням и селам не было.

Недолго длилась наша спокойная жизнь: по селу пошли тревожные слухи — идет из Сибири Колчак, его поддерживает Антанта. //

Снова в Гондырях красноармейцы. Заезжал в Б-Гондырь приезжавший на фронт Максим Прокопьевич. Учителя, за исключением Зайнетдинова, Савельева, Петрова С.В. и меня, эвакуировались вместе с активом волости с Красной армией. Сын сторожа при волостном правлении Шилов И.А. ушел добровольцем на фронт.

Снова бои. Пришли колчаковцы. Туго нам пришлось при них. Поговаривали о расправе над семьями Прокопьевых. Защищал нас хозяин квартиры Шафеев Шагий. «Дети не виноваты», — говорил он. По словам моей матери, он в молодости, до женитьбы, батрачил.

Летом 1919 г. колчаковцы забеспокоились. Началось отступление их. После этого бои. Наконец в село вошла Красная армия. Радость наша омрачилась печальными вестями: Максим Прокопьевич погиб во время разведки под Кунгуром в 1919 году.

Антонова белые поймали в Осе, арестовали, бросили в баржу. Его, с сидевшими там арестованными, облили керосином и сожгли.

Погиб на фронте энергичный председатель волисполкома Гиля-

¹ Ныне в с. Кипчак Куединского района Пермского края.

² Ныне в с. Старый Шагирт Куединского района Пермского края.

³ Ныне в д. Гожан Куединского района Пермского края.

⁴ Ныне в с. Верхняя Сава Куединского района Пермского края.

уров Гази. Его заменил Андриюков А.А.

Большой Гондырь в годы разрухи. В Гондыре ожила культурная жизнь. Снова спектакли, ликбез и т.д. Вся клубная работа до 1922 года проводилась в школе. В 1921 году национализировали большие дома торговцев. Магазин Айникая оборудовали под клуб. Зав[едующим] клубом назначили Сайранова (б/учителя Кипчакской школы). В доме Айникая — партячейка и т.д. Организаторов партячейки и первых коммунистов в Гондыре не знаю. Сельсовет — в нижнем этаже б/Лотковского кирпичного дома. В верхнем этаже в 1921 г. была библиотека. Библиотекарем — Жаринова Н.А. Ее сестра Е.А. и Петрова А.Н. работали учительницами в русской школе. Русская и татарская школа в то время были в отдельных зданиях.

Две старшие дочери Жаринова — Нина и Евфалия — не отступили с белыми, возможно, потому, что Жаринов Андрей Ив[анович] в 1916 г. вместе с матерью выгнал их из дому. Любимая дочь его, Манефа, отступила с белыми.

Оттремели пушки, но другое бедствие постигло страну: засуха, болезни. В гондырской местности в 1920 году не выросла даже картошка. // В полях одна лебеда. Начались болезни (тифы, дизентерия и т.д.).

Посещаемость школьных занятий была очень плохая. В то время в Б-Гондырской удм[уртской] школе работали учителями мой отец, Муратов К. и я. Летом для голодающих детей в Б-Гондыре организовали столовую для голодающих детей (А.Р.А.¹).

Несмотря на трудности, культурная жизнь в селе не замирала: железкомцы увлекались спектаклями. Последних на удмуртском и татарском языке, за неимением пьес, почти не было.

В 1922-м году удмуртскую, русскую, татарскую школы объединили в одном здании. Зав[едующим] школой был мой отец. В удмуртских классах занимались мой отец, Муратов и я. В татарских — Мурсалимова А., после нее Айдаров. В русских — Петрова А.Н., после ее отъезда — мой отец. Петрова Г.С. перевели в 1922 г. в Осу, кажется на партийную работу.

Буторин. По-настоящему новой жизнью село Б-Гондырь зажило в конце 1922 г. В этом году появился в Гондыре новый секретарь партячейки Буторин. Смелый, волевой, настойчивый, энергичный, развитый Буторин растормошил все село. По словам его мачехи, его еще до Гондыря посылали на какой-то съезд в Москву. Мачеху свою он устроил

¹ Американская администрация помощи, негосударственная организация в США, наиболее известна своим участием в оказании помощи Советской России в ликвидации голода 1921–1923 гг.

техничкой в школе. Изучив население села, приступил к работе. Шинкарям¹ запретил торговать спиртными напитками. Всем предложил заниматься честным трудом. В читальную часто собирал молодежь: проводил с нею беседы, читки художеств[енных] произведен[ий]. Работал много над собой: он учился в школе всего четыре года — организовал комсомол. Первыми комсомольцами были: Юшков Никифор (сын гон[дырско]го начальн[ика] почты), Буторина Н. (сестра Буторина), Пальков Иван (ж.д. рабочий), Газиулла *Гайзолло* (гондырский удмурт, фамилию его не помню), Русин Иван. Последний был первым хулиганом среди подростков Гондыря. Круглый сирота, воспитывался у шинкарки-тетки с нехорошей репутацией. Буторин взял Русина под свое шефство. «Хочешь быть моим другом — брось свои дурные замашки», — предложил он ему. Через полгода Русин стал неузнаваем. //

Потом в комсомол вступили: Савельева С. (библиотекарь), Юшкова (сестра Юшкова Н.), Седов Дмитрий (сын гон[ырско]го мельника), Конькова, Пчелина А. (дочери плотников), Вахрушев А., Айдаров (тат[арский] учит[ель]), Аскатов (тат[арин]), Туктамышев Т. (Б-Гонд[ырский] удмурт, Сакриев (Барабан[овский] удм[урт]), Валикаев (Кипч[акский] удм[урт]) и я.

За секретаря комсомольской яч[ейки] работал Буторин. Ему в то время пошел всего 22-й год. Секретарем партячейки избрали Кунакбаева Ш. (М-Гонд[ырский] удм[урт]). Политически развитый, энергичный Буторин организовал кружки драматический, политический. В читальне ежедневно был народ: то беседы проводились, то репетиции, то политкружок и т.д. Увлекались спорами на антирелигиозную тему. Кроме комсомольцев читальню посещали домохозяйки (русские), внесоюзная молодежь. Пьяных в учреждения не допускали. Комсомольцы в то время в Гондыре пьянство считали за позор (кроме одного).

Взялся Буторин и за детский коллектив. Начал сначала с самоуправления учащихся, потом организовал пионерский отряд. Первые пионеры: Шиловы Т. и Ф., Коньковы М. и Л., Юшковы Ю. и М., Андрюковы Л. и А., Прокопьев П. (мой брат), Пчелина Т., Гадиятов Галяскар (удм[урт]), Закиров А. (тат[арин]), Камкин (тат[арин]). Остальных не помню. Октябрята — Прокопьева Т. (моя сестра), Шилова А. и др. Остальных не знаю.

Работу с пионерами и октябрятами Буторин поручил мне, а я поня-

¹ Шинкарь — лицо, занимавшееся незаконным хранением и торговлей спиртными напитками.

тия не имела о ней. Потребовали из Бикбарды¹ (центр р[айо]на) пионер[ского] работника. Вновь прибывший вожатый Эйсымонт В. тоже плохо разбирался в своей специальности да еще не имел педагогических знаний, с учителями не советовался.

Буторин жил при школе. Интересовался школьной жизнью. Был в русском классе особенный ученик Камкин. Поступил в русский класс по окончании тат[арской] школы. Переросток. Ни с кем не общался, вел себя гордо, грубил с соклассниками, доходил до пинков. К русским и удмуртам относился с пренебрежением. Во II-ом полугодии с ним произошла резкая перемена: стал приветливым, вежливым. В переменах русских, удмуртов, татар объединял в совместные игры. Чуть помню, что эта метаморфоза в поведении Камкина произошла не без участия Буторина. Учащиеся на собрании выбрали Камкина в учком, в редколлегияу стен-газеты «Медвежонок»². Он оправдал доверие их. //

Следил Буторин за детьми и вне школы. Узнав, что в Гондыре есть беспризорный мальчик-сирота тат[арин] (имени его не помню), Буторин устроил его в школу, поместил в кухне его, где жил сам со своей сестрой и мачехой. Тут же жил Сайранов с племянником, учен[иком] 4 класса. Новый житель (беспризорник) Азяк (настоящее имя Нурлыгаян), бросил воровство, вступил в пионеры, стал мальчиком неплохим.

С весны 1923 года клубная работа в Гондыре послабела: сторел клуб. На место его перевезли здание мечети. Когда отстроили клуб, культурная жизнь села вновь ожила.

Принялся Буторин и за удмуртскую молодежь. Запретил им собираться на посиделки в банях. Удмуртская молодежь перед праздниками, перед выходными собиралась в клуб, когда он был свободен.

Одно упустил Буторин: не вел работу с удмуртским активом, с удм[уртской] интеллигенцией. Не хватало в нас смелости, инициативы, поэтому не сумели развернуть воспитательную работу среди удмуртской молодежи.

Осенью 1923 года Буторин уехал учиться в Пермский рабфак. Во время учебы в Перми он продолжал руководить партийной и комсомольской работой в Гондыре (через письма, в каникулы приезжал в Гондырь). По-прежнему интересовался жизнью села. Освежил его сво-

¹ Ныне с. Бикбарда в Куединском районе Пермского края. С февраля 1924 г. и по июнь 1931 г. Бикбарда являлась административным центром Бикбардинского района (с декабря 1925 г. — Куединского).

² Вероятно, название стенгазеты имеет отношение к наименованию села: «гондыр» по-удмуртски — медведь.

ими нововведениями. Приучал к творческой работе.

Жизнь в Гондыре после отъезда Буторина. Секретарем комсомольской ячейки после отъезда Буторина выбрали меня как учительницу-удмуртку и, возможно, как племянницу Максима Прокопьевича. Комсомольцы ошиблись во мне: слишком робкая я была, нелюдимка, считала себя хуже всех. Но огонь, зажженный Буториным, не потухал. Дружный коллектив комсомола работал с увлечением и после отъезда Буторина. Активными, энергичными оказались члены бюро комсомола Польков И. и в особенности инициативным Юшков Н. В читальне, в клубе по-прежнему с увлечением продолжалась культурная, политическая работа.

В летнее время по выходным (воскр[есенье]) в 1924 г. комсомольцы коллективно ходили на экскурсию в лес, где проводились беседы на естественные темы. //

После базаров комсомольцы проводили субботники по очистке базарной площадки от мусора. Уборку клуба, читальни к праздникам комсомольцы тоже проводили субботниками. Работали дружно, с желанием. Очень подтягивала, сплачивала здоровая самокритика.

К красным сабантуям пионеры и комсомольцы готовили физкультурные номера, хор, стихотворения и т.д.

И при встрече Нового года Буторин ввел новые [правила]: инсценировка — 12 месяцев отчитывались о своей работе перед наступающим новым годом.

В организации от комсомола выделяли представителей, которые на комсомольском собрании сообщали о своей работе там и состоянии работы организации. В школу была выделена Конькова О. В остальные организации не помню кто был прикреплен.

Летом комсомольцы ходили с постановками: в Кипчак [в] 1923 г., в Киргу в 1925 году.

В 1923–25 гг. мы с Пчелиной А., хорошо владевшей удмуртским языком, по поручению женотдела проводили по удмуртским деревням нашего сельсовета женские собрания, 8 марта в Гондыре, женские конференции.

Не отставал от жизни и мой отец: был членом ревизионной комиссии в кооперациях, председателем Союза охотников и рыболовов, членом пожарной дружины, руководил хором в клубе.

В 1925–26 годах в школе произошли изменения в составе учителей. Вместо заболевшего неврастением и злоупотреблявшего спиртными напитками моего отца, назначили зав[едующим] школой М.И. Иванова (удм[урт] б/Казанск[ой] губерн[ии]). Из-за пьянки и плохого поведения

Иванов проработал в Гондыре только зиму: сняли с работы.

Б-Гондырский педколлектив в 1925–26 гг. состоял из шести человек: Иванов, мой отец, Широбокова И.М., Князев, Айдаров и я. Пять учителей удмурты и один татарин.

Изменения были и в комсомоле: некоторые уехали на учебу, Савельева, Пчелина, Русин.

Юшкова Н. избрали председателем сельсовета. До этого он работал на раз[ъезде] Рабак. Кунакбаев Ш. с 1926 г. работал в Сарапуле. Кто был секретарем партиячейки после него не помню. //

Вместо меня избрали нового секретаря комсомольской яч[ейки] Шевнина А. (приезжий).

Я заболела ангиной, ревматизмом, плохо было с сердцем, с нервами. Видимо на здоровье отразилась работа и суфлирование в холодных помещениях, тяжелая домашняя обстановка.

Просила Муратова поменяться местом работы (в Кипчак), не согласился. Сарапульский Окр[ужной]¹ О.Н.О². перевел меня в Черноключевскую школу³, Воткинского района, тогда Уральской обл[асти].

В августе 1927 года я уехала из Гондыря.

В 1928 году уехал из Гондыря и мой отец. Узнав от малогондырских удмуртов, уехавших в Свердловскую обл[асть], о хороших пчеловодных там местах, отец переехал туда. С 1930 года отец работал в Свердловской обл[асти] заведующим колхозной пасекой.

Отец мой и брат его Антон были беспартийные. Революционной работы не вели. Революционеры должны быть смелыми, самоотверженными, волевыми, чуткими к людям, людьми. Этого всего у отца не было. Революционером-большевиком был лишь Максим. Из-за него и пострадали от кулачества мой отец и Антон. Жили три брата — отец, Антон, Максим, между собою дружно. Часто ходили друг к другу.

(Е. Прокопьева).

8–1–1966 г.

Адрес: Пос. Пичас, Удм. АССР, Можгинского района, ул. Парковская, дом № 6.

¹ Сарапульский округ — административно-территориальная единица Уральской области, существовавшая в 1923–1930 гг. Бикбардинский (Куединский) район входил в этот округ.

² Отдел народного образования.

³ Ныне в д. Черный Ключ Воткинского района Удмуртской Республики.

В Ъ Д О М О С Т Ъ

По содержаніи Иородческихъ училищъ по Ново-Киргинской волости,
 въ *Автограф* мѣсяцѣ 1908 года.

Наименованіе училищъ и учителей.	СУММА		Росписка въ полученіи
	Р.	К.	
<u>Каймашибашевское 2-хъ классное:</u>			
Завѣдующій Гайнитдиновъ	36.	70.	<i>Велики али келме деятелъ шайхъ уррем мешитъ деяръ кой по Овалурино шират Тайши шидикова Примочетелъ кобу шилъ и за себелъ росши самелъ Султановъ</i>
Учитель Прокопьевъ	36.	20.	
Помощница Прокопьева	28.	50.	
Ново-Киргинское:			

Автограф М.П. Прокопьева. НА РБ. Ф. И-223. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.

(Публикация Р.Р. Садикова)

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

**СЕМЕЙНАЯ ОБРЯДНОСТЬ БАШКИР
АРХАНГЕЛЬСКОГО РАЙОНА БАШКОРТОСТАНА
(материалы экспедиционного выезда 21-26 июня 2017 г.)**

Экспедиционное этнографическое исследование по семейной обрядности башкир проводилось 21–28 июня 2017 г. в башкирских селениях Абзаново, Азово, Узунларово и Тереклы Архангельского района. Основной целью являлось изучение локального своеобразия и динамики семейно-обрядовых традиций — от наиболее давнего времени, которое помнят старейшие жители селений, до наших дней. Главными методами сбора материала были беседы с информаторами, включенное наблюдение, фото-фиксация кладбищ. Ниже показан ход работы и наиболее важные результаты, представленные в переводе с башкирского на русский язык. Другой участник экспедиционного выезда канд. ист. наук З.Ф. Хасанова занималась сбором материала по хозяйственной деятельности башкир и изучала музейные коллекции в школьных музеях.

21 июня 2017 г. — прибытие на электропоезде «Уфа — Инзер» до ст. «44 км», далее — вместе с попутчиками на легковом автомобиле до **д. Узунларово (Озондар)**, на правом берегу р. Инзер. До Уфы 110 км, до р.ц. Архангельское 25 км. В 2010 г. числилось 415 чел. (в 2009 г. — 524 чел.). Этнографическая работа началась с сельсовета и средней школы. Оказалось, что школа новая большая двухэтажная, с историко-этнографическим музеем. В момент приезда проходило закрытие летнего лагеря, продолжавшегося 21 день, для учащихся школы, проживающих в с. Азово, Узунларово и Айтмембетово, и ежедневно доставляемых на школьном автобусе. После Уфы непривычным было слышать детей, говорящих на чисто башкирском языке, без примеси русских слов и выражений. На построении прозвучали речевки отдельных отрядов — представителей разных селений и соответственно родовых подразделений башкир. На стенах плакаты этих родов — *табын, юрматы и катай*. Еще было удивительным видеть огромную радость в глазах детей, получивших в небольшом кулечке сладкие гостинцы, по-видимому, не избалованных вкусностями.

Директор школы *Сулейманова Райля Шакировна* работает здесь только год, местное население хорошо не знает. Библиотекарь школы *Давлетова Гульсум Аюповна* (1963 г.р.) показала деревню и познакомилась с некоторыми ее жителями. Она родом из Субхангулово Бурзянского района, живет здесь более 30 лет, переехав после замужества.

Г.А. Давлетова:

— В деревне несколько кладбищ, основных — два. Старое — по пути следования в деревню из железнодорожной станции — весной и в начале лета затапливается в связи с тем, что там низина. Новое кладбище устроено ближе к селению на возвышенности. Но некоторых людей по их завещанию продолжают хоронить на старом кладбище исходя из поверья, сохранившегося до наших дней, что люди, захороненные рядом, встретятся в мире мертвых. На этом кладбище встречаются надмогильные сооружения — срубы в три венца и бревном-перекладиной сверху. Материалом служит дуб.

Файзуллина Вакиля Шарифулловна (1939 г.р.), уроженка с. Узунларово. Отвечала на наши вопросы, не прекращая прядение шерсти:

— Роды проходили дома. Повитуха *кендек эби* после родов мыла роженицу и ребенка дома (а не в бане) теплой водой. Повитуху впоследствии называли мамой, она в селе пользовалась большим уважением. Подросшие дети в благодарность ей с первой зарплаты преподносили ценный подарок, например, отрез на платье. Так сделала и сама В.Ш. Файзуллина. Сейчас в живых повитух уже нет. Родившегося ребенка заворачивали в рубаху отца, это было призвано дать малышу силу. Пуговину клали в марлю, сушили и прятали в укромное место, некоторые вешали не шею и носили как оберег. Плаценту повитуха зарывала в укромное место. После открытия роддомов в 1960-х гг. эти традиции утратились. Колыбель *сэңгелдэк* делали после появления на свет ребенка молодые отцы в виде рамы с перетянутой тканью и деревянными бортиками; заранее делать было нельзя. Здесь ребенок мог находиться до года, потом его место занимал новорожденный. Колыбели используются и в наши дни, передаваясь из поколения в поколение. Однако многие родители для своих новорожденных детей чаще покупают кровати-качалки и другие фабричные изделия.

Кыз урлау (кража невесты) в селе практиковалось нередко, по желанию жениха и невесты, по причине несогласия на брак родителей. Обычай исполнять *сеңләу* во время прощания невесты с родным домом перед переездом к жениху связан с тем, что раньше в некоторых селах девушек насильно выдавали замуж; «в Узунларово этого не было, отсутствовали и причитания».

Умерших вдали с давних времен непременно привозят в родное село, даже если проходит несколько дней. Считается, что *хайер* (подавание) в дом покойника лучше нести не деньгами, а вещами, например, платок умершей женщине, что означает: в будущей жизни они останутся подругами. Современные муллы за чтение молитв берут деньги, а не вещи, из-за необходимости платить налоги, делать другие финансовые вложения, связанные с деятельностью мечети в селении. Хайер, собранный во время прощания с покойным, раздают на поминках, оставлять нельзя. Мунажатов мертвым в селе не исполняли.

До наших дней многие погребальные традиции сохранились. В комнате, где готовится тело к погребению, никого не пускают. Воду, которой

будут мыть покойника, берут из реки или ручья (вода должна быть «живой») поперек течения. За водой идут два человека с двумя ведрами, их набирают неполными, чтобы, возвращаясь, не расплескать, ни одна капля не должна упасть на землю. Сверху ведра завязывают платками во избежание попадания лучей солнца. Возвращаясь, нельзя разговаривать между собой. Запрещенного времени для забора воды нет, но обычно это утро. Если нет возможности набрать воду из реки (зимой она замерзает), то используют колодцы, иногда растопленный снег. Капают могилу и моют покойного примерно одновременно. Моет тело нечетное количество людей, в зависимости от размеров, 3 или 5, или 7, мужчин — мужчины, женщин — женщины, детей — обычно женщины.

Сруб (бура) — дом для души — перестали делать лет 30 назад, сейчас всем ставят надмогильный камень. На памяти В.Ш. Файзуллиной пример, как пожилой односельчанин подготовил себе сруб и дал наказ на его могиле поставить сруб, а не камень, потому что «камень будет давить на грудь».

Школьный автобус развез детей по селам, а нас — до с. Азово.

22 июня 2017 г., д. Азово (Азау). Расположено на правом берегу р. Инзер. До р.ц. Архангельское 26 км. В 2010 г. 461 чел. (в 2009 г. 526 чел.). Работа в селе началась в начальной школе.

Библиотекарь *Галина Альфинур Савифовна* (1979 г.р.):

— Деревня основана в 1711 г. Сведения о ней имеются в книге «Башкирские предания и легенды / сост. Ф.А. Надршина. Уфа: Китап, 2015. С. 403». О знаменитых земляках написано в книге Н.А. Йосопова «Арзаклы якташгар. Уфа, 2014», но, к сожалению, о многих известных личностях информации там нет. В деревне были мастера ткачества (Накия Мулукова) и декоративно-прикладного искусства. А.С. Галина назвала имена возможных информаторов по семейным обрядам башкир.

Лилия Азатовна Давлетгалина (1993 г.р.), работник школьного музея. Родилась в Азово:

— Замуж вышла три года назад. Проводили только никах (так бывает нередко), а у сестренки — и никах, и свадьбу. Подарки невесте с женихом дарят на никах, а на свадьбе молодым уже не дарят, стороны жениха и невесты обмениваются между собой подарками. На свадебный стол заказывают торт, как в городе, делают салаты, используя модные рецепты из интернета, пытаясь удивить гостей оригинальностью и разнообразием. Зимний салат (оливье) перестал быть популярным. На свадьбу также готовят голубцы, плов, манты, на стол ставят куски мяса с картофелем. Пьют шампанское, водку, иногда кумыс. Регистрацию проводят в районе (раньше в деревне), свадьбу — в деревне. Тамаду приглашают из города. В последние годы молодые организуют флэш-моб. Под музыку проводят танец невесты на подносе, в ноги кидают деньги, друзья собирают. Аналогично танцует жених, уже ему кидают деньги. Вечером салют. После брачной ночи сноха готовит баню, где жених оставляет 1–2 тыс. руб., иногда прячет в каменке или крепит к венику, чтобы найти

было сложно. Потом приходят дети, и невеста раздает подаки: мальчикам складные ножички, девочкам — резинки и разнообразные украшения для волос. Вначале гуляния на стороне невесты (3–4 дня), потом у жениха (столько же). В селе жениха невесте показывают источник, обычно это колодец соседа. Во главе процессии — сестренка жениха. Перед ней идет ряженный, метлой очищая дорогу. В шествии непременно участвует гармонист, поются веселые песни. Расписанные ведра и коромысло с собой привозит невеста. У колодца делают выкуп воды соседа. На имянаречение ребенка собирают родственников и соседей, иногда их число достигает 20. Дают два имени: современное (Эльмира, Руслан) и исламское. Если у молодых до брака не было исламского имени, перед никахом проводят ритуал имянаречения.

Гумеров Манжур Давлетишинович (1928 г.р.), родился в Азово, в селе проводит обряды имянаречения, никаха, покойному читает *яназа*, молитвы от сглаза. К нему дважды приезжал известный фольклорист А.М. Сулейманов, записывал местный фольклор. У М.Д. Гумерова большой хороший дом, построенный его сыном, с окнами в виде арки. По периметру установлены видеокамеры. Интерьер дома современный. Прежде чем отвечать на вопросы о семейной обрядности, долго читал проповедь о необходимости соблюдения норм ислама. Сказал, что держит ураза. (Позднее жена и соседи сообщили, что днем он держит ураза, а ночью иногда употребляет алкоголь.) В свое время был в партии, затем учился в Уфе в медресе.

— Раньше на кладбище умершим ставили срубы по двум причинам: чтобы туда больше никого не захоронили, иначе духи схватятся. Другая причина — защита от скота. Мыть покойного надо водой из реки, набранной против течения в два ведра не до краев, сверху перевязав платком. Дома воду подогревают до температуры тела. Наливают в кумган, если его нет — в ковш. Моют с душистым мылом, женщин — женщины, мужчин — мужчины, обязательно нечетное количество, обычно 5 чел., если тело очень большое — 7 чел. Используют тряпичные варежки, сшитые специально, или резиновые перчатки. Обсушивают тело. Саван некоторые шьют заранее. Ткань для савана вначале нужно постирать, а лишь потом шить. (Мало ли где она лежала?) Остатки мыла и ниток с иглками после пошива савана следует отдать. Воду сливают в укромное место. Копают могилу и моют покойника примерно в одно время. Во время похорон женщинам ходить на кладбище нельзя ради их здоровья: у них слабая нервная система. Потом можно. Поминки проводят на 3, 7, 40 дней и год. Если у приехавших родственников нет времени, проводят 3 и 7 дней одновременно. Говорит, что кладбище было огорожено по его инициативе.

Шайбаков Нуриддин Ахмадиевич (1930 г.р.). Работал в местной школе учителем истории и башкирского языка. Закончил Башкирский госпедуниверситет в Уфе и пединститут в Челябинске. Был секретарем партийной организации леспромхоза Архангельского района, объеди-

нявшей несколько селений. Дочь *Айсылу Нуритдиновна Шайбакова* (1967 г.р.) работает учителем башкирского языка в одной из школ г. Уфы. По ее словам, с мужем живет гражданским браком.

Н.А. Шайбаков:

—В советское время приходилось религиозные обряды проводить узким кругом людей. Он сам в родной деревне Азово организовывал и никах, и имянаречение своих детей, и погребальные обряды по шарияту. Совместная жизнь пары без никаха в сельской местности была невозможной даже для комсомольцев и партийцев. Для них никах устраивали скромно, при участии родителей и других близких людей. В вышестоящие органы башкиры никогда не жаловались на то, что их соседи совершили тот или иной религиозный обряд. В соседних русских селениях это было часто. Приходилось сглаживать ситуацию, объяснять, что народ без религиозных обрядов жить не может.

Шагабутдинова Залифа Сайфуллиновна (1932 г.р.). В девичестве — Сулейманова. Двор ее дома залит грунтовой водой, зайти без резиновых сапог невозможно. К нашему приходу она только что вернулась с кладбища, где похоронен ее муж, умерший пять лет назад. Говорит, что рыдала на его могиле. В селе газа нет, печь топит дровами. Привозит не колотые дрова, потом колет сама. За зиму уходит две машины, каждая стоимостью 6–7 тыс. руб. Показывала фотографии.

На ночлег остановились в небольшом доме *Исхаковой Насимы Рашитовны* (1958 г.р.) и ее мужа *Мулюкова Вагиза Шарафетдиновича* (1958 г.р.). У обоих это второй брак. Познакомились, работая в электричке. (Практически вся молодежь работает там.) Ныне оба — активные участники фольклорного ансамбля деревни «Аманат» (баянист и певица). Насима Рашитовна родила 9 детей, из них 6 умерло в раннем возрасте. Всю жизнь трудилась на тяжелой работе, в том числе работала с цементом при строительстве тоннеля. Ныне занимается рукоделием и производством козьего кумыса на продажу для туристов. Вагиз Шарафетдинович дом (с русской печью) построил по соседству со своим ослепшим отцом, нуждающимся в помощи. Фронтон дома украсил композицией, включающей мусульманский полумесяц, цветок курая и красную звезду.

Н.Р. Исхакова:

— Раньше не женились на представителях ближе 7-го поколения. Сейчас этого нет. Сын Насимы женился на двоюродной сестре, не смотря на протест отца невесты. Такие примеры есть и в других семьях.

23 июня 2017 г. Посещение кладбища д. Азово. Расположено вдоль дороги и параллельно р. Инзер, протекающей по другую сторону дороги, относительно деревни — в северо-западной части. С недавних пор (не более десяти лет) кладбище огорожено с центрального входа сайдингом, с других сторон — металлической сеткой. Традиционно с разных сторон имеется несколько входов. Центральная часть подтоплена. Выделяется часть кладбища, где хоронят в наши дни, там могилы

огорожены металлическими оградками, в изголовье — каменные памятники. Старое место — с разрушенными (полусгнившими) срубам из дуба в три венца, прямоугольной формы. У некоторых срубов отсутствует верхняя перекладина, внутрь поставлена металлическая оградка и(или) памятник-камень. Таким образом, очевидно наслоение традиций при оформлении надгробных построек. Высота оградок и используемый материал разнообразны (деревянный штакетник, металлическая крашенная чаще всего в черный цвет оградка высотой около 1 метра, каменная кладка высотой около 20 см). Судя по деревьям, их сажали на свежие могилы, они разрастались, превращая кладбище в лес, сейчас этого обычая нет. Могилы в ряде случаев украшены искусственными цветами. Как говорит провожатый В.Ш. Мулюков, священнослужители не рекомендуют это делать, но население поступает по-своему. Недавно на кладбище проводили субботник, но в старой части ходить очень сложно из-за поваленных деревьев, разросшихся кустарников, болотистой местности и неровного ландшафта, по колено стоит вода, много комаров. Смертность в селе большая, за месяц похоронили пятерых. Местами очевидна клановость: рядом расположены могилы родственников, но бывает и хаотичное расположение могил

Садыков Фанияз Шакирович (1936 г.р.). Работал в местной школе учителем географии. Мастер-самоучка по деревообработке, раньше в селе на заказ ставил «русские ворота», но сейчас их убирают, так как «мода прошла». При входе, на почтовом ящике и на воротах — изображения Салавата Юлаева, сделанные им. Во дворе — колодец «журавль». Дом с легкой кухней имеет одну крышу. Перед домом разбит палисадник, в огороде пчелиные улья.

Ф.Ш. Садыков:

— Красная свадьба — это свадьба комсомольских и партийных работников в 1960-х гг., иногда проводилась на селе, но чаще в городе. Примеров проведения красной свадьбы в д. Азово и близлежащих селах Ф.Ш. Садыков привести не смог. Религиозные обряды проводились тайком. При встрече молодой жены раньше стреляли из ружья, свистели, кричали, чтобы прогнать нечисть, которая могла увязаться вместе с невестой. На невестку *килен* собиралось посмотреть все село. Кража невесты практиковалась, как правило, с согласия невесты. В годы войны и послевоенные годы проводился только никах.

При выборе места под строительство нового дома ни в коем случае нельзя использовать «грязное» место, куда сливали воду после мытья покойника, место должно быть «чистое».

Жена Ф.Ш. Садыкова — *Акмила Насибуллина Садыкова* (1942 г.р.), в девичестве Гильфатуллина, родом из Иглинского района. Сетовала на дочь 44 лет, которая живет в Уфе в своем общежитии с молодым человеком 30 лет после прочтения никаха по инициативе А.Н. Садыковой. Он против свадьбы и рождения детей. А.Н. Садыкова угостила на легкой кухне, где стоит сделанный ее мужем кухонный

шкаф, чаем с молоком и сладостями, дала гостинец мед в сотах. Сказала, что из этого меда в сотах получается хорошая медовуха. Ф.Ш. Садыкова урза не держит (не позволяет здоровье), но не пропускает намаз.

Хисамова Закия Шаймухаметовна (1959 г.р.). Родом из Аскинского района. Сейчас на пенсии, раньше работала клубным работником. Ее свадьба состоялась в 1957 г. в Аскинском районе.

— И в Аскинском, и в Архангельском районе (с. Азово) раньше было принято, что, когда килен приезжала в село мужа, стреляли из ружья. Показательная красная свадьба комсомольских работников была в каком-то селе (название не вспомнила) Мелеузовского района в 1970-х гг. Красная свадьба была на ее памяти единственной. Если по какой-нибудь причине свадьба не состоится, сундук нельзя передать (подарить) другой невесте, к новой свадьбе надо готовить новый сундук.

24 июня 2017 г., с. Абзаново (Абзан). В 2010 г. здесь проживало 836 чел. (в 2009 г. — 964 чел.), в том числе 96% — башкиры. До р.д. Архангельское — 14 км. До Уфы 90 км, прямой автобус не ходит. Остановка ж.д. «22-й км». Далее 1,5 км пешком.

Попутчица рассказала, что она родилась в Абзаново, замужем за узбеком; в селе в последние десятилетия живет немало узбеков, которые женятся на местных башкирках, потому что за них не надо платить калым, как на их родине; обряды проводят на местный манер. Дети в результате таких браков называют себя башкирами. Девушки, выходящие замуж за узбеков, говорят не только на башкирском и русском, но и на узбекском языке, их дети — на башкирском.

Школа современная, много компьютеров, видеопроектор и экран. Территория благоустроена, в том числе силами детей посажены растения. Во дворе школы — обелиск героям ВОВ. По словам директора *Кинзягуловой Ханисы Нугумановны*, в школе учится 136 чел., работает 16 учителей. В 2017 г. 11 класс закончили 4 чел., учиться поступают в Уфу. В две смены работает летний лагерь.

Юсупова (Алимгулова) Рауфия Рахматулловна (1965 г.р.), местная. Посетили ее дом, посмотрели, как она работает на ткацком станке, сделанным ее покойным отцом, вещи, изготовленные на станке. В их числе флаг республики.

— Раньше в селе работала пилорама и пожарная, сейчас люди работают на ферме и в школе. У многих в огороде картошка, не успев вырасти, сгнила. (В момент работы в селе некоторые огороды продолжали быть под водой.) Вдоль трассы ведется продажа ягод и грибов, собранных сельчанами. Одно 10-литровое ведро ягод стоит 2,5 тыс. руб., оптом — 2 тыс. руб. Одна женщина в 2016 г. за счет ягод заработала 190 тыс. руб.: она собирала ягоды с помощью детей, а муж возил на трассу.

Жители села похоронены на четырех кладбищах, действует два. Это связано, по-видимому, с расселением различных родов. Одно небольшое кладбище относится XV веку, его изучали археологи из Уфы (имена не помнит). Два других кладбища также небольшие и также

заброшенные.

Файзуллина (в девичестве Гарипова) *Ляйля Гиниятулловна* (1936 г.р.), бывший комсомольский работник:

— Красная свадьба — это комсомольская свадьба, которая состоялась в 1972 г. в сельском клубе у меня и моего мужа Юсупова Гайнислама. Гайнислам — секретарь комсомольской организации села. Я — комсомолка-активистка. Оба культработника: Ганислам — в центральной усадьбе — Абзаново, я — в Урге Ирныкшы. Оба с нетерпением ждали этот день, потому что давно и хорошо знали друг друга по комсомольской работе.

Был холодный зимний день, буран. Несмотря на это, в клубе на свадебное торжество собралось человек 70. Много молодежи, друзья и подруги, конечно, наши родственники, подъезжавшие к клубу на повозках лошадей, украшенных красными флагами и цветами, под хрустальные звуки колокольчиков. Нас встретили аплодисментами. Я была в белоснежном платье и фате, Гайнислам — в европейском костюме. Вначале молодую семью с бракосочетанием поздравил секретарь парткома колхоза имени Свердлова Сулейман Абдельганиевич Акбаев. С поздравительной речью выступил председатель колхоза Г.Г. Кильмухаметов. Много было представителей от школы — директор Х.З. Искандеров, учителя М.Ф. Кормашев и Ф.М. Назарова. От отдела культуры района — Р.А. Кызларова, от райкома ВЛКСМ — Р.М. Кутлыгульдин. В своих речах они желали молодой семье долгой счастливой жизни и успехов. Сообщалось, что свадьба Юнусовых — это первая комсомольская свадьба в селе, и потому этот день навсегда останется в памяти и молодых, и всех присутствующих, останется в истории села и района. Затем последовали родственники, друзья, гости, все дарили подарки. После поздравительных речей состоялся небольшой концерт. Потом началось застолье. По сложившимся представлениям, богатство стола свидетельствует о благополучии сельчан. А стол был действительно богатым. Помимо национальных блюд — корот, мед, баурсак, был даже винегрет. Алкоголя не было, пили чай. Как только заиграла гармошка, никто не смог усидеть на месте и пустился в пляс. Первый танец — конечно молодых. Вначале выходит Гайнислам, за ним Ляйля. В глазах счастье. В этот вечер в клубе долго не затихали звуки песен. Никто не хотел возвращаться домой. Потом многие долго и с большим удовольствием вспоминали о первой комсомольской свадьбе в деревне Абзаново.

Помимо комсомольской (красной) свадьбы, состоялась и традиционная свадьба, вначале на стороне невесты, потом — жениха. Первый день все собираются и гуляют в *топ йор* — в доме родителей невесты. На второй день делятся по домам родственников и гуляют, угощаются по отдельности. Баню после молодоженов посещают гости, прежде всего родители жениха. Случалось, что жених припрятывал деньги основательно, но пока энгэ, готовившая баню, не находила деньги, другие туда идти не могли. Нередко в баню шуткой заталкивали гостей, а когда они

разденутся, могли зайти под крики и шум. К краже невесты обращались в случаях, когда родители невесты, будучи сами состоятельными, не желали брака с бедняком.

Раньше в д. Абзаново было так: мулла читал заупокойные молитвы, а повитуха давала имя новорожденному. Потом узнали, что имя, данное повитухой (женщиной) недействительно, стали приглашать муллу. Имя меняют, если ребенок долго болеет в Гафурийском районе, откуда родом Л.Г. Файзуллина.

25 июня 2017 г. Юсупова Масия Хамидулловна (1949 г.р.):

— На свадьбе, когда приезжала в дом жениха килен, стреляли. Приезд новых родственников в село сопровождался объездом вокруг села по часовой линии, лишь потом повозки лошадей торжественно въезжали в ворота села. Здесь с давних времен до 1980-х гг. было принято огораживать село забором от скота. (Вероятно, была и сакральная причина — ограждение мира людей от остального мира. — *Ф.Г.*) Вплоть до 1960-х гг. официально регистрировали брак в загсе только после рождения детей, когда стоял выбор фамилии ребенка, иногда после рождения 2–3 детей. Приданое невесты складывается в сундук. Мастера, делающие их, имеются и сейчас. В Абзаново это Юсупов Минислам. В наши дни приданое готовит и невеста, и жених: две подушки (обязательно парное), постельные принадлежности, скот. В 12 км от Абзаново — в д. Кумерле левират фиксировался даже в 1960-х гг. Говорят, что это было не принуждение, а взаимная договоренность, связанная с необходимостью воспитать малолетних детей в полной семье.

Кинзягулова Раиля Сагитовна (1936 г.р.), работала ветврачом:

— На свадьбе практикуется ритуал продажи сундука. Он есть и в Ишимбайском районе. Сенгляу раньше практиковалось в Ишимбайском районе, в Архангельском районе такого не было. Показ источника для невестки осуществляла сестренка мужа, надев узорный фартук — подарок от молодой жены. (Вышитые фартуки готовились всем родственникам-женщинам.) Невеста бросает в источник монету. Последний раз стрельба из ружья на свадьбе при приезде килен в д. Абзаново была в 1978 г., потом стали запрещать власти. Кража невест была нередкой. Мать Р.С. Кинзягуловой украл ее отец, потому что его семья была бедной, родители матери не соглашались на такой брак. Со временем для всех родственников матери он стал лучшим зятем.

Вода для мытья покойника должна быть «живой». Ее используют после подогрева до комнатной температуры. Мыть и шить саван могут люди, которые совершили полный тахарат. Некоторые это правило нарушают и стараются сделать хотя бы два стежка при пошиве савана, веря, что это как-то искупит грехи. Когда моют тело, надо хвалить человека, например, за то, что он заблаговременно подготовил все необходимое. Саван готовят заранее — это традиция, сохранившаяся со времен дефицита в стране, который имел место и в начале 1990-х гг. На могилу ставить железный памятник нельзя: будет давить, а дерево сгниет. Душа

умершего превращается в птичку и через 40 дней возвращается домой повидать близких. Для нее над входной дверью крепят деревянную дощечку. В д. Абзаново ткань для савана не стирают. На вопрос о месте захоронения людей вне кладбища: самоубийц, пьяниц, утопленников и других людей, умерших неестественной смертью, стали хоронить на общем кладбище в годы советской власти. В случаях летовок скорее всего тело везли на родное кладбище. Существует поверье: нельзя тело перевозить через реку. В годы гражданской войны больных тифом хоронили там, где человек умер, не обмывая его, только ноги почвой обтирали.

26 июня 2017 г., с. Тереклы (Тирэкле). В 2010 г. проживало 520 чел. (в 2009 г. — 602 чел.). Бакалдинский сельсовет. До р.д. Архангельское 14 км.

Фазылов Хабир Агзамович (1933 г.р.), род. в с. Тирякле, 12 лет служил священнослужителем в местной мечети:

— Комсомольская свадьба в Тереклы была в 1936 г., женились председатель сельсовета Абдрахман Мухамадьяров и комсомолка Самига. Приданое принято собирать накануне торжества. К этому процессу подключаются все родственники, распределив нагрузку и обговорив, кто что принесет. Это не исключает подарков молодым во время никаха и туя.

Было несколько причин прекращения традиции ставить сруб в Архангельском районе: 1) Запрет местных леспромхозов в связи с истреблением лесов. 2) Ухудшение качества древесины. Срубы раньше ставили из дуба, долго-прочного материала, который сгнивал лишь за 50–60 лет. В связи с изменением экологии, бревна из дуба приходят в негодность за 15–20 лет, поэтому утерян смысл в таких срубках. 3) Усиление роли ислама: По исламской традиции на могилу умершему должны ставить камень, а не сруб. Количество венцов у сруба всегда нечетное. Нечетным должно быть количество метров для пошива савана (7 м для детей, 9 или 11 м для взрослых, в зависимости от комплекции человека), количество людей, участвующих в омовении покойника (5 или 7), количество досок, которыми закрывают могильную нишу (7 или 9, или 11). Происхождение обычая охраны покойного (*мэйетте һаклау*) связано с необходимостью охраны тела, над которым могут надругаться враги, съесть и покусать звери; кроме того, обычай предусмотрен нормами шариата. К источнику идут две пожилые женщины (даже если предстоит обмывать мужчину), имеющие детей. Когда хоронят малышней, не получившего при жизни имени, мулла во время похорон читает вначале *азан* — молитву, которая звучит при наречении имени, потом *йыназа*, как и для взрослых. Раньше хайер давали только мулле за чтение молитв; копать могилу, делать нишу, мыть покойного — богоугодные дела, не требующие финансового вознаграждения

Х.А. Фазылов сообщил просьбу положить в могилу рядом с его телом посох. В этом он не видит ничего удивительного и приводит в пример лесорубов, которых хоронили на местном кладбище вместе с их топорами.

27 июня 2017 г. отъезд в Уфу.

Общие выводы. Уменьшение численности населения изученных сел происходило за счет оттока молодежи в города, оно привело к старению сельского населения. Причины отъезда — закрытие предприятий по обработке леса, благодаря которому население в селе жило в достатке; неблагоприятные условия для сельского хозяйства (даже картофель в подтопленных грунтовыми водами огородах не вырастает); отсутствие газоснабжения (печи в домах топят дровами, лишь в некоторых домах отопление электрическое). Люди трудятся на железной дороге, на ферме (где таковая есть), школе. Пытаются использовать дары природы (продажа ягод и грибов), сельского хозяйства (кумыс) и ремесленное искусство (связанные крючком изделия). Трактора давно без дела стоят на обочинах улиц. Много заброшенных домов и запущенных земельных участков. Общесельского стада нет, по селу и в окрестностях свободно пасутся немногочисленные коровы и овцы. Впрочем, всё необходимое продается в магазине, включая молоко и яйца. Сёла оживают летом, когда на каникулы горожане привозят к своим родителям детей. Вместе с местными ребятами они играют в прятки, мальчишки — в школьном дворе в футбол, летом купаются в Инзере, ловят рыбу. Интернетом пользуются все, включая пожилых людей. На вопрос, что нужно сделать, чтобы села возродилось, говорят: возобновить обработку леса. Не одно поколение этим занималось, они знают толк в деле. В селах есть мечети, которые население посещает в основном по праздникам и при проведении семейных ритуалов. Несмотря на социально-экономические проблемы, население доброжелательное и отзывчивое. В антропологическом типе жителей сел доминируют черты европеоидности; у мужчин часто голубые глаза.

Вместе с тем, старение населения привело к сохранению семейно-обрядовых традиций, таких, как обычай готовить приданое невесты в сундук, показывать источник во главе с сестренкой жениха, использовать воду для мытья покойного из реки, зачерпнув ведра против течения реки, давать ребенку не одно, а два имени, и другие. В отличие от некоторых других районов, религиозные обряды здесь сохранялись всегда. К ним обращались даже партийные работники, хотя понимали, что рискуют за это карьерой и работой. В XX веке произошло сокращение сроков проведения свадебного обряда, заимствование традиций устраивать салют, флэш-моб, готовить салаты, приглашать тамаду и пр. На кладбище можно найти традиционные для этих мест трех-венцовые прямоугольной формы срубы с бревном-перекладиной сверху. В ряде случаев перекадина отсутствует, внутри сруба установлен металлический памятник и камень-памятник. Традиция делать срубы прекратилась около 25—30 лет назад. Последний случай зафиксирован в с. Абзано. Пожилой человек дал наказ поставить на его могиле не камень, а сруб, ибо камень будет давить на грудь, и сам подготовил сруб. На во-

прос, почему делали срубы, информаторы отвечают: 1) бура (сруб) — дом для души; 2) защита от скота; 3) метка, которая показывает, чтобы не похоронить сюда еще одного человека, в таком случае души «схватятся» и будут бороться друг с другом. Во всех изученных селениях жители говорят, что женщинам нельзя заходить на кладбище во время похорон (у них слабая психика), а потом можно, но надев семь штанов, чтобы половые органы стали невидимыми для лежащих в земле покойников.

Зафиксирована информация о проведении комсомольской свадьбы. Однако проведение советского ритуала не исключило традиционных свадебных обрядов. Они проводились после советского ритуала и в среднем длились четыре дня: два дня на стороне невесты и столько же у жениха. В последние годы свадьба продолжается в общей сложности три дня на стороне жениха и невесты, иногда проводится только на одной стороне в кафе. Некоторые проводят только никах. Ярким воспоминанием является обычай стрелять из ружей во время приезда молодой жены в дом мужа. Это также обычай в Аскинском и Ишимбайском районах, откуда родом некоторые жители сел Архангельского района. Информаторы рассказали о случаях, когда после брачной ночи женихом выяснялась нечестность невесты. В таком случае свадьба расстраивалась. В одном случае опозоренная девушка уехала в город Иваново, где растворилась в новой среде. Она уехала, а ее родители очень переживали. Жених был из Узбекистана. Так как на его родине за невесту надо платить большой калым, он решил найти невесту в Башкирии, но, разочаровавшись, вернулся. Случаев многоженства население не помнят.

Роды проходили дома (до открытия роддомов). Пуповину сушили, заворачивали в марлю и прятали в укромное место. Некоторые вешали на шею как оберег. Плаценту повитуха зарывала в укромное место на глубину, чтобы не смогла вырыть собака. После родов повитуха роженницу и ребенка обмывала дома. Ребенка заворачивали в рубаху отца, чтобы был сильным, как отец. Повитуху впоследствии называли эсэй (мама). Повитух в изученных селах в живых уже нет. Колыбели делали прямоугольной формы с деревянным каркасом и нижней частью из ткани. В колыбели ребенок обычно находился до года (пока не пойдет ножками), поэтому размеры колыбели были достаточно большими. Ребенка привязывали ремнями, чтобы он не упал. Сверху накрывали накидкой от насекомых и от взгляда людей. Колыбели в селениях не сохранились. В семье, где ждали первенца, их делали после рождения ребенка (заранее нельзя), а потом передавали от ребенка к ребенку.

Причиной сохранения семейно-обрядовых традиций в башкирских селах Архангельского района вплоть до настоящего времени является также природно-географическая изолированность от центров урбанизации, способствовавшая воспроизводству этнических традиций.

**МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ РУССКИХ, СОБРАННЫЕ
в 2013 г. в МЕЧЕТЛИНСКОМ РАЙОНЕ БАШКОРТОСТАНА:
праздники, обычаи, обряды, поверья, приметы,
музыкальный фольклор**

Целью экспедиций по русским селам северо-восточных районов Башкортостана, осуществленных в 2011–2014 гг при поддержке грантов РГНФ¹, было исследование материальной культуры русского населения Дуванского, Белокатайского и Мечетлинского районов РБ. Собранные автором по теме грантов материалы были опубликованы в ряде статей и обобщены в монографии «Материальная культура русского населения северо-восточных районов Башкортостана»². Однако в указанных публикациях широкой публике были представлены не все материалы экспедиций. Описания не относящихся к материальной сфере явлений в культуре русских северо-восточных районов РБ остались большей своей частью только в виде рукописей. Обрядовая, праздничная культура, приметы, поверья, фольклор не являлись объектом исследования автора, материалы по этим сферам не собирались целенаправленно, однако записанные сведения, хотя они и фрагментарны, все же могут представлять интерес для специалистов в области обрядовой культуры, традиционного календаря и фольклора. Расшифровки своих бесед с информаторами по темам, не освещенным в статьях и в монографии, считаю необходимым публиковать ради пополнения корпуса источников по этнографии русского населения Башкортостана. По этой причине мной уже были опубликованы некоторые записки быличек, рассказов о колхозах, сделанные в Дуванском районе³, записки песен с. Карлыханово Белокатайского района РБ⁴. В настоящий сборник

¹ Грант 2011–2012 гг. «Проблемы адаптации русских переселенцев к природному и этнокультурному ландшафту Южного Урала (на примере материальной культуры русского населения Айско-Юрюзаньского бассейна)» (№ 11-11-02006 а/У); грант 2013 г. «Комплексные полевые исследования русского населения в низовьях р. Ай» (№ 13-01-18074е).

² Нечвалода Е.Е. Материальная культура русского населения северо-восточных районов Башкортостана. М.: «Старый сад», 2016.

³ Былички [публикация Новиковой О.В. и Нечвалоды Е.Е.] // Русские айско-юрюзаньского междуречья (история, антропология, культура): историко-этнографические очерки. 2-е изд. Уфа, 2012. С. 352–353; Рассказы о колхозах [публикация Нечвалоды Е.Е.] // Там же. С. 337–338.

⁴ Нечвалода Е.Е. Материалы по песенному фольклору русских Белокатайского района Республики Башкортостан // Документы и материалы по исто-

вошли расшифровки полевых записей, сделанных в Мечетлинском районе РБ в 2013 г. В данной публикации собраны сведения о праздниках, поверьях, приметах, обрядах, а также тексты песен.

ОБЩЕЕ О ПРАЗДНИКАХ

«Самые главные праздники — Пасха, Рождество, Вознесение, Троица — вот эти праздники».

«Рождество, Троица — три дня пировали. Отдыхали, одевались хорошо, выпивали и гуляли хорошо, весело гуляли» (*Андрюкова М.С., 1913 г.р., с. Малоустыкинское*).

«У нас старинные праздники были в почете — Троица, Маленница, Крещение, Рождество. После длительного поста готовились к празднику, готовили кутью, готовили звары разные — это уже к Пасхе ближе. Тут мясо, пельмени» (*Берсенева В.Т. 1937 г.р., с. Малоустыкинское*).

Престольные праздники

«Престольные праздники — у нас была Казанская... это 4 ноября и Троица весной. Троица-то не живет в число-то, а Казанская-то в числе. Вот два престольных праздника. Праздник осенний и весенний» (*Максимов С.Е., 1925 г.р., с. Малоустыкинское*).

«Сначала молились в церкви, а потом съезжались со всей округи в эту деревню в гости. К родственникам. Со всех сел, какие есть родственники к нам приезжали в эту Троицу или в Казанскую. Ближайшие...» (*Максимова Г.Г., 1948 г.р., с. Малоустыкинское*).

«Престольные праздники — Троица в Бобино, здесь (в Малоустыкинском. — *Е.Н.*) — Вознесение» (*Фольклорный коллектив «Рябиничка» р.ц. Большеустыкинское*).

Рождество. Святки

«В Рождество сходят в церкву, раньше в Рождество держали пост, 6 недель, ну, настряпают, на стол хорошо сделают. *Горбушки* сряжались, после Рождества бегали — У..! Было весело, мы сами бегали. Раньше выйдешь вечером, ночью на улицу в *святки* — раньше ведь *святки* называли — так вереница народу-то. Дожили, говорю, — везде тишина, везде тишина. А то выйдешь — раз праздник, везде гармошки, песни везде. *Горбушки* бегали, ворожили, валенки бросали через ворота, овец имали, ворожили овецками, куриц даже имали. Овецки были белые и черные, какая попадет овецка — белая, дак мужик попадет белый, а черная — так чернй. Возьмешь петуха с курицей и кружишься с ней, и отпустишь, и вот которая заговорит вперед — курица или петух» (*Андрюкова М.С., 1913 г.р., с. Малоустыкинское*).

рии и этнографии народов Южного Урала. Вып. 1 / сост. и ответ. ред. Ф.Г. Галиева. Уфа, 2017. С. 81—112.

«Рождество пели, ходили, нас даже в стенгазету нарисовали. (Нельзя было славить. — Е.Н.). Мы, наверное, пели из-за голода: кто-то что-то нам даст, денег-то, конечно, мало — копейки. Колядовать — как только Рождество. Уже вечером идет молодежь колядовать. Тыкву вырежут: звезду в тыкве, а туда факел приделают и идут, и кажется, как звезда, когда колядки идут, особенно, вечером, когда идут. На Рождество пост — это все запрещено было. Этого ничего нельзя было. Пост рождественский 6 недель. А после этого — уже баловство. Тыкву несли высоко, приделают, мальчики делали. В тыкве вырежут, и не только звезду, кто человека: рот, голову.... Да еще занавесок не было в домах, придут и к окну вот-так такое страшное... и детей пугали этим вот, что подойдут и покажут вот это. Маски мало делали, — мазались и сажей мазались из-под печи и все — вот как черти, а маски не делали, я не помню. Я помню, отец все говорил: «Пугали все... в бане, например, — в баню возьмем, а раньше ведь кальсоны носили, в баню все сходят, а мы кальсоны , которые грязные, снимаем и куда-нибудь развешиваем — кажется как человек, а последний, кто пойдет в баню, он дверь откроет, покажутся как — кричат — говорит — плачут... а мы... нас след простыл, мы уже убежали...» Так шутками» (Бачурина Л.В., 1936 г.р., с. Малоустыкинское).

«На Рождество кто как наряжались, заходят, пляшут, мы еще боялись. Ходили ряженые. Лица — кто намажется — закрывали, чтобы не узнали. Хозяйева должны что-то подать, и они уходят — *горбушки, горбушцы*. После того как закончат, их как-то крестят, чтобы снять с них это всё. Крестики над дверьми — у нас не было этого» (Фольклорный коллектив «Рябицушка» р.ц. Большеустыкинское).

«Желают успеха семье, дому этому, процветания в стихах. У нас даже клубные работники... когда вот это все организовано, хорошо у них получается, заходят в дом, такие слова говорят, а хозяин в благодарность угощает сладостями. Кто не хочет — закроет ворота: «У, *горбушки идут...*» — пройдут дальше... ничего такого не сделают. Может быть раньше это было».

«От Рождества до Крещения — *горбушки*, в дом зайдут, пляшут... у кого балалайка. У кого гармонь, им что-нибудь поесть, а где и выпить подадут. Если хозяйева скупые, всякое бывает, напакостят, то дров набросают... Теперь сидим на запоре, а раньше сроду не закрывались...». (Кудрявцева Р.А., 1932 г.р., р.ц. Большеустыкинское)

«Колядовали, ходили *горбушками* из дома в дом. Семьями дружили, ходили по гостям, пировали. *Горбушками* — одевались, бывали и маски, которые просто так: выворотят шапку, шубу, и песни пели, колядовали. Если хозяин скупой? — Тут уж говорили, что ничто не вырастет, не получится у тебя того, другое. Все равно, чем-нибудь да угощали, кто колядует. Рождество прошло, до Крещения идут Святки. Тут уж девушки гадают — кто замуж выйдет. По-всякому гадали. Приносили курицу, петуха, колечко бросали в воду и смотрели в зеркало — кто покажется.

Петуха приносили, насыпали пшеницу, ставили воду и третье... забыла... — куда подойдет петух. Если к воде подойдет — пьяница, если к зерну — то хлебобоб будет, а вот третье — забыла чё, а если к третьему — богатый будет. Это было до войны, сестра 25-го года была. Они гадали, а я на полатях сидела, отец с матерью в гости ушли. В подпол спускались — гадали. Не знаю — меня туда не пускали» (*Берсенева В.Т., 1937 г.р., с. Малоустыжтинское*).

«На Рождество — *горбушки*. Рождество-то отмечали здорово, горбушки бегали, да и сейчас бегают маленькие ребятишки, кто нарядится — конфетки, всё бегают... кто деньги дает, кто конфетки. Бегают, у нас ребятишки наряжаются (Н. Бобино. — *Е.Н.*)... всегда. Иногда поленицу рассыпают, перетаскивают — всяко бывало. Мы раньше возьмем... раньше на лошадке ездили, ... кто-нибудь оставит лошадку, распрягём лошадь, к забору подведем, оглобли-то туда засунем, а лошадь там запрегём в этом... Они приедут в гости, пируют, пьяные выйдут, садятся: «Но!» и вместе с забором... Оглобли вот так протаскивают... Сани здесь, а лошадь сюда запрягём» (*Русинов В.Г. 1955 г.р., с. Ниж. Бобино*).

«Вот еще помню, от Рождества до Крещения гадали — *Святки* назывались. В это время мы, бобинские, к Мише Крашенинникову придем, в подпол спускались, там че-то делали — это назывались *Святки*. Пословица даже такая: «За ворота башмачок, сняв с ноги бросала...» — *девицы* это делали. И ходили, наряжались в разную одежду, приходили скоморохи или *горбушки* — все равно одинаково назывались. Кому не лень еще в эти годы ходят. Молодежь ходят» (*Максимова Г.Г., 1948 г.р., с. Малоустыжтинское*).

«Еще зеркало поставят и еду поставят: кто будет пить, кто пьяницей будет..., если в зеркало — дак, модник какой» (*Новоселова З.И., 1938 г.р., с. Ниж. Бобино*).

«Гадание на Святках — проползти под дугой, если — да, то выйдет замуж» (*Булатова А.И., 1980 г.р., Ниж. Бобино*).

Крещение

«На Крещение служба пройдет, выходили на улице Богу молились. И на Крещение батюшка по всей деревне ходил, святил, так с иконой ходил, с крестом».

«В купель не окунались на Крещение. Раньше скотину кололи, так говорят овечьи головы надо жарить в этот день — в Крещение. Крестики над дверями ставили вечером в субботу, делали накануне» (*Андрюкова М.С., 1913 г.р., с. Малоустыжтинское*).

«На Крещение ходили в церковь, священную крещенскую приносили святую воду, опрыскивали весь дом, и подворье, и баню, и все, все, все. И ставили вот эти крестики,...что дом освященный... — это от дурного глаза, от бывает такое, что покойники приходят в дом, ну ... во сне».

«У нас крестики ставят и вербочки. В вербное воскресенье вербочки набираем. Идем в храм, освящаем. Веточки стоят весь год. И к ико-

нам я ставлю» (Берсенева В.Т. 1937 г.р., с. Малоустыкинское).

«Батюшка всех святил, подряд ходил» (Новоселова З.И., 1938 г.р., с. Ншж. Бобино).

«На Крещение все ходили на ключик, на источник, туда ходили в 12 часов ночи. Раньше было под запретом, сейчас стали вспоминать и возобновлять... В Крещение ставят над дверью маленький крестик, чтобы злые духи, нечистая сила не проникла в дом. Везде и на бане и над дверями ставят. Утром можно после службы. А это мы поставили крестики, когда маму похоронили, чтоб не беспокоила» (Максимова Г.Г., 1948 г.р., с. Малоустыкинское).

«В церкви святую воду брали на Крещение. На Крещение ставили над дверьми крестики. Это делали утром в Крещение» (Кудрявцева Р.А., 1932 г.р., р.ц. Большеустыкинское).

Масленица

«При мне массовые гулянья не проводились. А мама рассказывала тоже: на *Масленку*, говорит, — все же единолично жили, и у всех были лошади, — как *Масленка*, каждый хозяин запрягает лошадь, наряжают, у кого красивее..., садит своих..., девчат..., с горы, по улицам. А уж мы вот это не застали, у нас вот этого уже не было. Конный двор был, дадут нам лошадь какую-нибудь, мы все сядем на нее. Масленицу не жгли. Только вот это гулянье. И там специально, уже когда Масленицу ждут, у нас вот тут гора сейчас вся заросла лесом, а она вообще голая была. Мама все говорила: «Эту гору специально уделывают, чтобы Там народу, — говорит, — ужас... кто на заднице, — говорит, — кто на дощечке, — все взрослые, катаются ... если не на лошадях, обязательно на этих катались ... дети... Городок строили, но только дети. Такое, не очень крепкое было. Одни построят, там компания ребят, девчат, а другие ночью придут да все разбомбят. Взятие снежного городка не проводилось. Сейчас в Устыкинске проводится уже, а тогда этого не было. ... Мы придем — мокрые все, а у нас-то подолы вот до сюда были.... Она, говорит, там очередь стояла, чтобы... там много катушек уделано было. Даже очередь скатиться». В гости ходили только к родным. Без блинов не бывает Масленицы. Блины — это первое, пригом, если теща еще только дочь свою отдашь, то как же без блинов? Зять уже требует. К тещам на блины идут зятевья. Масленица не неделю проводилась, даже больше, потому что, как пост пройдет, людям так уже надоест это все: постная пища, не празднично, нельзя было петь, ни плясать, а тут уж воля была. Вообще-то положено, как неделя масленая. Понедельник — встреча, а вот в пятницу зять идет к теще на блины. Прощенное воскресенье проводилось обязательно. Как запретили церкви — все стали в воскресенье — тут прощенное воскресенье и как все в один день? Сейчас снова с понедельника, до воскресения. А как масленка кончится — чистый понедельник — мама говорит: «Все! Ложки, чашки, блюда — все вычистить, начинается пост, и чтобы нигде ничего никакой жиринки не было». Це-

лый день моешь посуду. Мама 90 лет прожила». (*Бачурина Л.В., 1936 г.р., с. Малоустыкинское*).

«Катались на санках. Катались с Малоустыкинской горы сверху — книзу. Ребята выгашат сани какие-нибудь, а мы наведем, да айда, да то перевернемся, то не перевернемся, всяко было... Бывало, когда *Масленка* и на своих санках катались и место искали чтобы не мешался никто» (*Редькина Е.Ф., 1929 г.р., р.ц. Большеустыкинское*).

«На Масленицу — блины, каждый день — то к золовке, то теща к зятю на блины. А в последний день гуляют все. А в Прощенное воскресенье друг у друга ходят просят прощения. После Масленицы начинается Великий пост. Этот пост перед Пасхой. Очень строгий пост. Я не могу держать — у меня печень болит, но я стараюсь — первую неделю и последнюю. На исповедование к батюшке ходила. Он мне говорит: а это не запрещается все. Без мяса я проживу, я буду жить, но без молока я не могу. Он сказал, что даже в Писании сказано, что если человек болеет, это не считается грехом. Родители пост не держали строго» (*Берсенева В.Т., 1937 г.р., с. Малоустыкинское*).

«Масленица — всю неделю стряпали блины да оладьи стряпали. Катюшки были (горки), целый день катались. На конях катались и катушки были. И на конях катались. Катались на санках. Там народу — туго, на катушке-то. А на конях только все ёрницы катались. Молодые были, вот как только поженятся в *промежговенье*. Свадьба всегда была зимой в *промежговенье* после Рождества. А молодых-то много было, они катаются тоже по деревне на конях, бывают такие нарядные все. Бывало улицу запрет народом-то» (*Андрюкова М.С., 1913 г.р., с. Малоустыкинское*).

«На Масленицу катание и семечки лузгали, и вот эти санки маленькие и *кошовки* самодельные в миниатюре повторяли большие — *кошевы* были, *кошовочки*, тоже расписывали их, красивые же они были, а эти поменьше делали и катались с гор, и рассказывали, мама-стара рассказывала, что, говорит: «Наберем семечек-то и весь день кушать не хочется, они сытные, и вот целый день на семечках и катаются с горы. В основном молодежь, милюзга» (*Максимова Г.Г., 1948 г.р., с. Малоустыкинское*).

«Масленку — катались на санках, раньше — на лошадях, богатые те возили ребятёшек на санях. На горке кому не лень выходили кататься — молодежь-то. Ребята катались на коньках, привяжут и приморозят их специально к валенкам. — макни в воду и все» (*Кудрявцева Р.А., 1932 г.р., р.ц. Большеустыкинское*).

Пасха

«На Пасху строгий пост, последняя неделя особенно, но в четверг уже разрешали что-то готовить, постряпушки и яйца красить, а кушать — нет. Нести в церковь, все это осветят, а только кушать начинают в Воскресение. А в субботу считается самый строгий, и вообще положено

не кушать весь день. Сыр в виде пирамидки делали. Я сколько делала, у меня никогда не получался этот сыр. Мы корову 55 лет держали. Творог — это *пасха*. На Пасху в основном-то делали куличи» (*Бачурина Л.В., 1936 г.р., с. Малоустыкинского*).

Начало работ на земле

«Начало сельских работ — это посевная делалась, все время мама говорила: «У кого какие чудачки были, говорит, такие чудачки — хозяин, он снимает штаны, садится на землю. Если задница не замерзла, значит, можно сеять...». А другие смотрят: «Ага, раз Ефим пошел сеять, значит уже все нормально», все уже начинают сеять...» (*Бачурина Л.В., 1936 г.р., с. Малоустыкинского*).

«Старики садились на землю, садились. Если... все теплая... сядет задницей — теплая, все ... сеять можно... Это было раньше так, потом не стали, агрономия пошла... тогда старики держали правильно ... держали они это все... порядок был... порядок был у стариков» (*Русинов В.Г., 1955 г.р., с. Ниж. Борбино*).

«Праздник плуга был... и перед сенокосом тоже собирались люди, праздновали» (*Берсенева В.Т. 1937 г.р., с. Малоустыкинского*).

Благовещение. 7 апреля

«Нельзя делать — Благовещенье — это самый такой день. Нынче Благовещенье было, оно бывает 7 апреля — это Благовещенье было в Воскресение — было очень хорошо, а то бывает, в этот день никакую работу нельзя начинать. Говорят, когда Благовещение: «*Птичка гнездышка даже не вьет, а девица косу не плетет*». И в это день, какую-либо работу большую... если ты вчера поделал что-то то и сегодня можно будет... но начинать... ни в коем случае нельзя в Благовещение» (*Бачурина Л.В., 1936 г.р., с. Малоустыкинского*).

Троица. Семик

«Троица — первым делом ходили в церкву. Тут у нас был праздник — свой приезжали. Это престол у нас был. И вот приезжали в гости. Ну че, пообедаем, выпивали, гуляли. Батюшка ходили с иконами. По всей деревне ходили. На березах венки заплетали — Семик ведь. Четверг перед Троицей Семик назывался. Ходили мы девчонками, веселились пойдем венки заплетать с песнями, в лес ходили. На второй день в Троицу опять с песнями ходили за венками. Завьет — оставит на березе. А в понедельник пойдешь, слюмишь и на реку с ними» (*Андрюкова М.С., 1913 г.р., с. Малоустыкинского*).

«Потом бросали их в воду. Если утонет ...» (*Новоселова З.И., 1938 г.р., с. Ниж. Бобино*).

«И мальчики с нами, чё одним делать-то? Пойдем на гулянье в воскресенье. На лугу ведь играли, в лес ходили. И пошли по деревне. Девки, ребята стесняли. Как обед все домой идут, опять все стесняли

ходили. Как раньше. Песни всякие пели» (Андрюкова М.С., 1913 г.р., с. Малоустыжинское).

«Мы сами в четверг Семик... Вознесение и Семик. В Семик обязательно стряпают шанги. Я творожные шанги стряпала. Обязательно. А потом идут на гору и влетают какие-то ленточки, тряпки в венки, и вот 10 дней это до Троицы с Вознесения. Как он будет этот веночек — если он повянет где-то, значит невеста плачет: «Я, наверное, не выйду замуж или я утону или что». Потом в Троицу идут, эти все венки поломают и идут на речку. Вот когда идут на речку, больше-то все молодежь..., сами ходили, поешь песни и кидаем эти венки. Песни не помню. Всякие да школьные, советские мы пели. А ребята, когда мы девчонки все идем табуном, завивать. Они уже за нами следят, выследят и там подлюмят у некоторых веночек-то. Придешь, смотришь, а он уже весь повял — вот тогда горе! Прямо такое горе, что... В веночек и цветы полевые влетали. Дней через десять они, конечно, все посохнут, больше старались материал — тряпочки, ленточки там были, резали кусочками. Березу брали и ленточки, в основном-то ленточки, потому что там длинное — букетиком сделаешь, бантиком, всегда разукрашивались. Цветы делали, но они теряли... потому что 10 дней, без воды... И траву влетали и цветы и все. Там, когда его влетают — очень он красивый. Через 10 дней он конечно... Но лишь бы листочки были зеленые, лишь бы сами эти веточки были зеленые».

«До Троицы хоть того жарче день нельзя купаться. Как только Троица пройдет — все, все купаются» (Бачурина Л.В., 1936 г.р., с. Малоустыжинское).

«Завтра Вознесение — девки идут в лес венки плетут — в Вознесение из березы венки плетут. А в Троицу этот веночек идут, бросают в воду. Заплетут — на березе оставят. В Троицу понесут в воду, бросают в речку и смотрят: утонет или не утонет, утонет, так — умрешь. Я этого никогда не делала. В Троицу девки ходили в лес, на луга. В Троицу ездили в лес за пиканами. В Троицу — за пиканами. Пучка-то — ее чистят и все. У нас в садке растет, вон варятся пиканы. Пиканы со сметаной, Пиканы в крошку».

«До Троицы нельзя купаться. На другой день будет Духов день — земля, вода — именинница» (Кудрявцева Р.А., 1932 г.р., р.ц. Большеустыжинское).

Духов день

«Духов день — не стирать, ничего не делать. Мама увидит — оттерёшкат, если расчёсываются — мама ругала» (Ваганова Ф.И., 1928 г.р., д. Буртаковка).

«Следующий день после Троицы — Духов день — землю нельзя трогать. Духов день — земля, трава, вода — именинники. В Благовещенье — девица косы не плетет — 7 апреля — это число. Говорят, что такой великий праздник, что «птица гнезда не вьет, девица косы не плетет».

Сейчас не соблюдается уже» (Максимова Г.Г., 1948 г.р., с. Малоустыкинского).

«Понедельник после Троицы — Духов день. Нельзя работать. Именниницы: лес, земля, вода. У нас говорят: «Именниница земля»» (Бачурина Л.В., 1936 г.р., с. Малоустыкинского).

Егорьев день. 6 мая

«Ходили на гору... Это Егорьев день. *Волков пугать* — не пугать... *Егорьев день*, да, ходили... кто берданку возьмет, выстрелит там на горе... Мы ходили на гору в Бобино. Костры шипко не жгли, так это... Это в Верхнем Бобино... От церкви есть левая гора, от церкви сначала лес, а потом гора, вот на эту гору... больше все тут.. больше на этой горе ходили, против церкви. Ее называли *Пронина гора*, ее и сейчас... (Так зовут. — Е.Н.). У нас был Прокопий — вот... *Пронина гора*» (Русинов Г.А., 1927 г.р., с. Ниж. Бобино).

«А вечером 6 мая — это Егорьев день, «*волков пугали*» — все, молодежь вообще, все на гору, а там костры жгли — «*волков пугать*» и через этот костер все прыгали» (Бачурина Л.В., 1936 г.р., с. Малоустыкинского).

«Здесь на горе как из камня крест был. Мы на это место всегда ходили костер жгли — молодежь. На земле выложенный камнями. Сейчас все заросло. Ходили *волков пугать*. Костер жгли, прыгали через него, что мол вот попрыгаем, покричим, волки же боятся огня... то это «*пугать волков*», чтобы овцы были целые. На поляне был из камня выложен крест большой. — А какой праздник все ходили на гору сюда молились? Крестик выложили на горе. Я только не знаю — Преображение или какой другой праздник. Вот весной — идут, идут по дорожке» (Фольклорный коллектив «Рябинушка», р.ц. Большеустыкинского).

«Вот здесь — на *Каменной горе* был крест выложен, кто *Каменная* называет, кто *Лысая*. Бобинские гору нашу зовут *Каменная*. («На Вознесение на другую гору шли?» — Е.Н.) — *Пастухова гора* здесь была. На *Пастухову гору*. Пастухов на ней жил. Ходили молиться, особенно если дождя нет долго, засуха... молились, ходили. Но я не помню этого, это по рассказам. А тут был каменный крест на верхушке на самой. Сейчас-то, конечно, все разрушено. («Волков пугали»? — Е.Н.) — Это было, ну, теперь уж это все забыли. Помню, как в детстве еще это было» (Максимова Г.Г., 1948 г.р., с. Малоустыкинского).

Иванов день

«В Иванов день ходили на гору ждали когда зацветет папоротник, говорили цветет недолго, сидели, ждали — в какое он время — может в 12 часов..., скинется и всё... Желание загадать и ждать, всю ночь сидеть надо» (Паначева Е.В., 1925 г.р., с. Ниж. Бобино).

«На Иванов день ходили на гору, там садились в *капорот*. Он, вообще-то очень ядовитый, и говорят, этот *капорот* цветет один раз в год.

Обязательно надо угодить в тот день, когда он цветет, чтобы приворожить себе милого или, например, у тебя отбили, чтобы наказать соперницу, вот это у нас ходили. Я даже помню, женщины ходили. Женщины, мужья ушли... вот они говорят, что мы, ходили, но ничего не получилось, не вернули мужей. Потому что на нас было сделано уже... Кто-то сделал, увел мужей, а мы уже обратно не могли. Садилась и ждала, когда он зацветет. Я спрашиваю: «Вы видели цвет-то?» Они говорят: «Очень быстро, цвет какой-то фиолетовый и вроде — раз! — распустился и уже нет...» «Так вы же не вернули...» — «На нас сделано было...». Она идет со своим желанием, чтобы своего суженного вернуть или наказать соперницу. Поодинке не ходили — боялись, все равно уж 2–3 человека ходили, потому что у нас папоротник высоко на ровном месте в лесу».

«Через костер прыгали. Мы вот сюда ходили, она (гора. — *Е.Н.*) вся была голая. Ни одного дерева не было. Эта называлась *Голая гора*, а эта — *Каменная гора*. Но молиться ходили только на *Каменную гору*».

«Это все ночью, после 12 часов. Как 12 часов пробьет, так идут» (*Бачурина Л.В., 1936 г.р., с. Малоустыкинское*).

Петров день. 12 июля

«Мама рассказывала, вот если сейчас будет Петров день, он 12 июля, — все, говорит, мы в поле. Если Петров день подходит, все с поля приезжают. Этот Петров день празднуют уже как самый большой праздник. Потом снова в поле. А чтобы там остался кто-то — ни один человек не оставался. Все приезжают, соблюдали очень эти праздники».

«Говорят до Петрова дня 12 июля собирать все лекарственные растения только до этого... — самое сильное они дают до Петрова дня, а там уже целебные свойства они теряют» (*Бачурина Л.В., 1936 г.р., с. Малоустыкинское*).

«А летние-то праздники мы ведь сейчас не соблюдаем, на работе, выходные, а раньше — строго, если какой-нибудь праздник — никто не работал. А не работают — значит все выходят на улицы и где-то гулянье, где-то пляски, игры — днем-то игры, а вечером — эти гармонисты развлекают, танцы. Вот тут вот на берегу реки были пятачок, туда ходила молодежь. Утром будет все выгаптано там, как пол» (*Максимова Г.Г., 1948 г.р., с. Малоустыкинское*).

Ильин день. 2 августа

«До Троицы нельзя купаться и после Ильина дня. Ильин день будет — тоже нельзя купаться — «Гуси воду запаганят...» . У нас там недалеко мельница была, она подпруживала, поглубже было, а теперь чё... Все реки обмелели — подруды не стало... Тут мельница подпруживала эту сторону, а там в Малоустыкинске тоже мельница была — она там подпруживала. Тонули немало тоже» (*Паначева Е.В., 1925 г.р., с. Ниж. Бобино*).

«Купались с Троицы до Ильина дня (2 августа)» (Максимов С.Е., 1925 г.р., с. Малоустыкинское).

«Говорили: «Троица не прошла — какое купание?». Троица в этом году поздно, наверное, и тепла, поэтому еще не видели. Ильин день прошел — конец купанию» (Максимова Г.Г., 1948 г.р., с. Малоустыкинское).

«А запрещаются купанья после Ильина дня, это уже 2 августа. Все говорят: «Густь в воду нассал...»» (Бачурина Л.В., 1936 г.р., с. Малоустыкинское).

Преображение. 19 августа

«У нас главный здесь престольный праздник был Преображение, ходили на гору. Вот было раньше так: один праздник здесь празднуют все, другой — в Устыкинске, все опять туда едут. В Малоустыкинске праздник — Преображение было — это 19 августа. Вот, все тогда ходили на гору, на эту гору поднимались вместе с бабюшкой, молились. Бабюшка там, стол поставят, кто приходил, что-нибудь оставляли на столе. Это кто бабушки у него молятся, все забирал специальный человек, в церковь нес, а на горе уже никто ничего. После праздника там все уберут. Долго праздновали».

«Первый Спас — Медовый Спас — это 19 августа, а следующий Спас — Преображение, Второй Спас — это Яблочный Спас, их вроде и собирать нельзя и кушать нельзя, а потом насобираешь полно. Мама говорила, погода была теплая у нас, у всех яблони были, а вот сейчас, мы сколько не пробовали — только вырастим и заморозит. После Спаса яблочного, освятят — корзины принесут немного в церковь, их осветит бабюшка, а там дома они перемешиваются со всеми, и их можно кушать. Это уже второй Спас — это Преображение. А третий Спас — это Сдвиженье. Уже 26—27 августа. «Жди сдвиженья — режь репу...». Там уже все, все овощи, все несут, их тоже несут, их святят — всё, можно кушать. Накануне собрат, чтобы в праздник уже отнести немного, там приносят корзины. Это делают и сейчас, мёд в баночках принесут...» (Бачурина Л.В., 1936 г.р., с. Малоустыкинское).

Богатый овин — окончание работ

«Когда жили одиночно, отмолотятся — тогда справляли «Богатый овин» — выпивают, называется «Богатый овин», выпивают тогда» (Андрюкова М.С., 1913 г.р., с. Малоустыкинское).

Топтать жабрей

Окончание полевых работ, танцевали на этом сорняке (Фольклорный коллектив «Рябинушка» р.ц. Большеустыкинское).

ПОВЕРЬЯ **Домовой**

«Домовой косички лошадям заплетал, и у людей это было. Вот у нас у старушки, которая ткала со мной, у ней в затылке здесь выстрегут эту косичку ей, через немного время — опять наплетёт, не плетет, а просто *смузгат* все волосы в пучку да и все, и она не расчесывается, пришлось выстрегать, как ее расплетешь — она вся *замузганная*. Говорили, что домовый — *соседко*: «Ой, да соседко..., надо подать соседко-то». Если у кого к лошадям пойдут — денежку ли, какой кусок хлеба ли... в конюшню, куда-то наверх бросали: «Соседушко, братанушко, любимую скотинушку води домой, не занимайся плетением косы — как-то у нее складно было, но я это уже не помню... Денежку в 4 угла бросят по копейке — и хватит ему... Если заплетает, всё говорили — «Ой, соседко любит»» (*Паначева Е.В., 1925 г.р., с. Ниж. Бобино*).

«Если в новый дом заходишь, сразу кошку заносишь, и говоришь — подпол вон там открывается. На колени встанешь и говорят сразу: «Соседушко, матушка, люби нашу скотинушку, люби нас, над нами не ругайся». Это приговаривают. На ночь оставляли, когда готовились, придут, стоит, но все равно приносили. Соседка косички заплетал и даже у меня у сестре так заплел косички, и мы едва-едва расплели, за одну ночь, даже плохо похоже на косички, какие-то соски. Не можем ничего сделать, нормальные волосы были. Говорят: «Соседушко, ты его обидела чем-то». Коням тоже заплетал. Вот будет праздник... забыла какой, туда святую воду брызжут. Опять соседушку,... пишу ставят. Сестра говорила: «Мне грудь давило, он мне все грудь давил ... Я говорю «Господи, благослови», и его не будет... а утром встали, ничего не можем сделать — всё соски, соски. Как будто клеим их кто склеил. Говорят — лохматый» (*Бачурина Л.В., 1936 г.р., с. Малоустыкинское*).

Огородница

«В огород не пускали, пугали *огородницами*, чтоб ничё не рвали, пока не вырастет. Она сама наряжалась, пугала нас. Волосы длинные были, распустила, шубу вывернула, а мы с братом пошли в огород, там колодец у нас был, давай оттуда... выскочила из грядок, а мы на четвереньках» (*Ковина Е.Н., 1928 г.р., с. Ниж. Бобино*).

«У нас *огородница* была такая: соседка наредится в чего, да сядет в борозду, там зашевелится — так убежишь сразу» (*Редькина Е.Ф., 1929 г.р., р.ц. Большеустыкинское*).

«*Полудница* — У нас не огородница, *полудница*, чтобы мы не ходили, гряды не трогали, что там *полудница* сидит, бывало, шубу выворотят, положат. Нам пакостить — сорвать чё-нибудь надо...» (*Ваганова Ф.И., 1928 г.р., д. Буртаковка*).

Чертовка

«Купаться, чтоб одни не ходили, *чертовкой* пугали: «Чертовка в воде сидит, с длинными волосами, она выходит и имат ребят» — так пугали, чтоб не ходили одни. Длинные волосы, черные, страшные. Никакой чертовки нет, просто пугали» (*Ковина Е.Н., 1928 г.р., с. Ниж. Бобино*).

«Говорят, после Троицы купаются, до Троицы купаться нельзя, вот если будешь купаться — *русалка* утащит в воде. Пугали нас такими... или скажут: «Там водяной сидит», а в огороде — *огородница* сидит, чтоб мы не лазили» (*Берсенева В.Т., 1937 г.р., с. Малоустыкинское*).

«Мама все время говорила: «Утащат чертовки-то», чтобы в воду не лазили. «Лохматая, черная, утащит и все», — говорит... У нас берег крутой, и там поворот, и там — как за ноги тянет, говорили: «Чертовка тянет». Нам было интересно, мы подплывали. А то, бывало, и утянет» (*Ваганова Ф.И., 1928 г.р., д. Буртаковка*).

Оборотни

«Слышала, что в той деревне одна какая-то женщина была, толи много знала, то ли чё — свиной... ее истыкали, избили, видимо, на другой день эта женщина лежит, хворает... Может это и не она ходила, кто-то другой представился, а на нее приходила хворь — рассказывала старуха стогодовалая» (*Паначева Е.В., 1925 г.р., с. Ниж. Бобино*).

Сглаз

«Глаз есть нехороший. У нас был поросенок — я его кормила в ограде — уже здоровый поросенок и пришел тут сосед и все — ушел и у нас поросенок слег. Корову я доила под крышей, пришла соседка, а молока было тоже — полное ведро, хоть молоко было жидкое, но ведро полное давала. И тоже... на другой день стакан не могла надоить молока»

«Пчелы тоже прикостливые. Прикостливые, значит не любят лица него взгляда» (*Топычканова Л.А., 1937 г.р., р.ц. Большеустыкинское*).

Чертополох

(Над дверью за косяк укреплен чертополох. — *Е.Н.*) «Чертополох, оберегает, по старинке так. Всё говорят: всякие люди бывают. Которые добром, которые ... всяко... Это как предохраняют. Портили-то людей немало. Раньше было много таких людей. Дак и теперь, поди, тоже есть. От испугов детям это тоже ложат под подушки чертополох, чтобы спокойно спали. От испугов, когда вздрагивает ночами. Некоторые пугаются ночью» (*Ковина Е.Н., 1928 г.р., с. Ниж. Бобино*).

«Я не клала (детям под подушку — НЕЕ), а его знала, что вроде урочатся от него. Говорят: «огляделся человек, что-то сделалось, он изурочился» (*Редькина Е.Ф., 1929 г.р., р.ц. Большеустыкинское*).

«А чертополох — это от сглаза. Чертополох разный бывает — есть детский чертополох, есть взрослый. Детский — тоже от сглаза, его про-

сто держат в доме» (*Берсенева В.Т., 1937 г.р., с. Малоустыкинское*).

Покойники

«Бывает такое, что покойники приходят в дом, ну ... во сне. Вот заходит... даже со мной было такое... сплю, слышу — дверь скрипнула, слышу шаги и проснуться не могу, сплю и слышу — ходит по комнате, а проснуться не могу, не знаю как — начинаю молитвы читать, читаю где молитвы, где не знаю что... слышу — тише, тише, тише дверь скрипнула и все, ушел. После этого на каждое Крещение смываю и снова крестики ставлю. А то бывает такое, что я сплю, у меня муж умер 25 лет тому назад... сплю — слышу меня толкают в бок и чувствую... он никогда не спал в одежде... в одних плавках, в одних трусах... чувствую, что его тело ко мне уже идет... Вот тут уж я не молитвы, а начинаю ругаться, говорят так нужно — не в слух ... все исчезли. Ездил в Ярославку его отпевать, его отпела и сама крестилась. Это было в 1987 г. — так меня в райком вызвали, сначала в райсовет, потом в райком. Тогда я еще молодая была — активистка» (*Берсенева В.Т., 1937 г.р., с. Малоустыкинское*).

ПРИМЕТЫ

Пчелы

«Считать улья нельзя, а то переведутся».

«Если чужой мед украсть, то умрешь» (*Чистяков Л.А., 1939 г.р., р.ц.*)

Кукушка

«Кукушка кукует на голый лес — так урожай плохой будет, если лес уже в листьях, так хороший урожай. Спрашивали у кукушки сколько лет жить» (*Ковина Е.Н., 1928 г.р., с. Ниж. Бобино*).

«Если идешь — кукушка в лицо куковала, говорят, будешь реветь весь год, в затылок куковала — умрешь, в правое ухо — всегда будешь не виноватый, в левое — будешь всегда виноватый». Вороны каркают — к дождю. Сухорос — к дождю» (*Новоселова З.И., 1938 г.р., с. Ниж. Бобино*).

Соловьи

«Соловьи — до 20 числа (июня. — Е.Н.). Вечером соловьи поют по лесу, мы называем *арема* — больше черемухи, все бело... черемуха зацветет и начнутся соловьи, пенье соловей, как 20 число, как кто выключит. Как черемуха начинает цвести, вот в то время они прилетают» (*Бачурин Л.В., 1936 г.р., с. Малоустыкинское*).

Быговые

«Садитесь немного посидите, чтобы деньги-те велися у меня».

«Шибко на порог от не садися, а то баба-то тебя когда-нибудь наколотит...» (*Редькина Е.Ф., 1929 г.р., р.ц. Большеустыкинское*).

«Если рубашку повешать, да рукава болтаются, бабушка говорила: «Чё, хочешь, чтобы у мужика руки как плети болтались?». Надо повесить — будто перегибается человек, а рукава — их поднимаешь и вот так накладываешь, чтобы они не болтались внизу» (Топычканова Л.А., 1937 г.р., р.ц. Большеустьикинское).

ПОГОВОРКИ. ПРИСКАЗКИ

О превратностях жизни: «Все это, знаешь: «Живешь — выгадываешь, в одну дыру залезешь, в другую выглядываешь».

О ткачестве: «... надо как-то считать ведь, все равно ведь: «*Без счету да без весу живет одна повеса*»...

Супружеской паре: «Это ваш муж? Ну, дай Бог вам прожить добром, чередом».

О говорливости: «...еще наговорю чего-нибудь «*четвергов с неделю*», так... Я ведь вам наговорила «*четвергов с неделю*».

Разрешение положить вещь: «Ну, положи, раз милость есть...» (Редькина Е.Ф., 1929 г.р., р.ц. Большеустьикинское).

«Мама много знала поговорок, что-то кому-то сказать у нее без поговорки не получается. Много она присказулек этих знала. «*Не обухом рожь молотят*». «*Не в коня овес травить...*». Где мама такого все набралась?» (Топычканова Л.А., 1937 г.р., р.ц. Большеустьикинское).

ФОЛЬКЛОР

«Про корчагу стихотворение (от бабушки слыхала я):

Упала же мача с печи у печи,
Подите-ка, дети, в торги-маёрги,
Купите-ка, дети, зилы — мазины,
Смажьте-ка дети лени-колени

Я еще буду три века вам служить (Топычканова Л.А., 1937 г.р., р.ц. Большеустьикинское).

«Песни были и старинные проголосьные, были и длинные старинные... старушки пели раньше. Забыл все...» (Русинов Г.А., 1927 г.р., с. Ниж.Бобино).

«Все было (старые проголосьные песни). Я проголосьные песни пела, любила. И пели песни, и старухи пели, и молодые подлаживались ко старухам, только ушло время это» (Редькина Е.Ф., 1929 г.р., р.ц. Большеустьикинское).

«Ты опять, мотаня, запил,
Ты опеть запировал,
А посередь широкой да улицы
Сандали те потерял.

Мотаня — значит любимый. Это «долгие» называются частушки.

Не просто четверостишия. И мотив другой, и между ними **оконье** идет. И еще делятся, слова переносятся, не допеваешь слово, а следующую строчку начинаешь, допеваешь. Старинные песни — песни-рассказы:

Бедная пта-а-а-а-шецкя
Сидит в горенке, ох, одна.
Сидит в горенке-т одна,
Не вьет, не вьет теплое гнездышко...
Песня о разлучнице:
Ой, не спосохнёт, да толькё не споблёткнёт,
Ой, да мелкая травка в поле без дожджа...
Ой, когда дожджъ идет, травку примоцит,
Ой, да со востока дуёт ветерок.
Ой, со востока да только ветер дуёт,
Ой, да сказал: «Милая моя, прошшай!»
Ой, милый, да за реченикю¹, шельма, уехал,
Ой, да знать-то другую, шельма, полюбил.
Ой, знать-то другую, да толькё любезною,
Ой, да знать-то подруженькю, шельма, мою.
Ох, и шо цем же она меня полуцше?
Ой, да носит *тамбурны* она цюлки.
Ой, носит *тамбурны* она цюлоцки,
Ой, да все в обтяжку, шельма, башмацки.
Ой, все в обтяжку, да только с медной пряжкой,
Ой, да гулять во саду, шельма, пошла.

Тамбурны — это значит ажурные.

Из колодца воду церпала,
Уронила в воду зеркала (о),
Уронила, не расшиблося,
Полюбила, не ошиблася.
— «Ой ты, Шутиха-Машугиха моя,
Да полюбила ты лоскутника меня!
Да лоскуточки трепещутся,
На ветерочке торошутся!»
Парнишка молоденький,
Кафтунишко коротенький!
Ты почто, парень, не женишься?
На кого же ты надеешься?
— «Ой, мать моя, мамонька!
Ты скатай мне валенки
Не велички, не маленьки,
Ходить по вецёроцкам,
По молоденьким девцёнотьям,

¹ Реченьку. — Е.Н.

Чтобы девки любили меня,
Да по вецёркам водили меня,
Да чтобы девки любили меня,
А они чуть не погубили меня!» (Сизова В.М., 1955 г.р., р.ц. Большеустьикинское).

«У нас еще дети поют. Частушки и эти русские песни. Поют, бозонят воеую. Бозонить — это значит кричать, петь крикливо. Он поют:

По деревне мы шагаем,
Все посторонись!
Чьи такие рьжие,
Отколь они взялись» (Берсенева Е.М., 1934 г.р., р.ц. Большеустьикинское).

«Зачем я тебя полюбила
И душу тебе отдала?
На свете я все позабыла
И счастья с тобой не нашла.
Зачем же ты топчешь ногами
Безвинную душу мою?
Будь же ты проклят с богатством,
Злодей, за измену твою!»
Не шейте мне белое платье,
Оно мне совсем не к лицу...
Сшейте мне белого цвета,
Я с мылом в разлуке живу.
Сижу я, играю на гитаре,
Сама я себя веселю,
Сегодня у нас воскресенье,
А милый ко мне не пришел...

Мамашенька бранится,
Зачем дочка грустна?
Сама ж про то я знаю,
В кого ж я влюблена.
Люблю дружка смертельно,
Люблю я всей душой,
А он такой коварный,
Смеется надо мной!
Не смейся злой, коварный,
Не смейся надо мной!
Тебя Господь накажет,
Несчастною судьбой!
Несчастною, злосчастной,
Коварною женой...
Не в поле ветер дует,
Осенний гром гремит,

Никто так не страдает,
Как милый обо мне.
Он пулей не боялся,
Все думал обо мне.
Пришло письмо печально,
Что милый мой убит!
Убит, убит мой милый,
Под кустиком лежит,
Шинель его, фуражка
На кустике висит.
Свернулась бы я пташкой,
Слетала бы к нему.
Все косточки собрала,
Во гробик соклала...
На том прекрасном месте
Построю монастырь.
Построю, изукрашу,
В монашки жить пойду.
В монашках жить возможно,
Во пташках никогда,
Дружка любить возможно,
Бросать его нельзя» (Новоселова З.И., 1938 г.р., с. Ниж. Бобино).

«Помню все мама пела:
«Зачем я тебя полюбила,
Зачем тебе душу отдала?
На свете я все позабыла,
А счастья с тобой не нашла.
Не шейте мне белое платье,
Оно мне совсем не к лицу,
А шейте мне желтого цвету,
Я с милым в разлуке живу» (Фольклорный коллектив «Рябинушка»
р.ц. Большеустьикинское).

«В Метелях были балалайки. Старше нас уже ходили с балалайка-ми по улице, частушки пели. Магазинные были, красивые».

«Все жизненные пели частушки. Шла война, про войну пели, колхоз начал восстанавливаться — про колхоз. Мирное время — другие частушки пошли, хорошие. Она у меня болела — все частушки пела, сама лежит на койке, столько частушек поет.

Я любила, любить буду
И любовью распишусь,
Если ты мене изменишь,
Свету белого лишусь!

Мама баню затопила,
Галечки захлопали,
Кавалеры заиграли,
Барышни затопали.

Мама баню затопила,
Дым кудрявый повалил, ...

Ты, подгорна, ты, подгорна,
Широк~~ая~~ улица,
По тебе никто не ходит,
Ни петух, ни курица.
Если курица пройдет,
то петух с ума сойдет.

Частушка она частушкой, *подгорная* — она с натяжкой поется,
другая быстро поется, раз частушка так...

Я подгорную, подгорную
Задам, задам, задам,
Как посреди широкой улицы
Проходу я не дам...
- Как-то так, на растяжку поется, как гармошка играет.

Частушки:
С горки на горку гоняла
Бурого теленочка,
Я такой травы искала
Отравить милёночка.

Ты черемуха, черемуха,
Черемуха — не лес,
Хорошо в колхозе робить
У кого миленок есть.

Гармониста я любила,
Гармониста тешила,
Гармонисту на плечо
Сама гармошку вешала»

«Были гармошки, баянов не было в то время. У нас у папки таль-
янка была» (*Топычканова Л.А., 1937 г.р., р.ц. Большеустыкинское*).

«Вот те пряха, вот те лен,
Вот те сорок веретен,
Ты сиди, попрядывай,
На меня поглядывай...»

«Были все гармонисты, все до **едного**.... Балалайку друг у друга вырывали» (*Русинов В.Г., 1955 г.р., с. Ниж. Бобино*).

ТОПОНИМИКА

«У нас есть там лесок, куст лесу, вот прозвали *Русинов садок*, там жили Русиновы — мой дядя, они там жили, там дома были, там пасека у них была ...Ее называли *Пронина гора*, ее и сейчас... У нас был Прокопий — вот, ... *Пронина гора*.

Вот здесь — на *Каменной горе* был крест выложен, кто *Каменная* называет, кто *Лысая*. Бобинские гору нашу зовут *Каменная. Пастухова* гора здесь была. На *Пастухову гору*. Пастухов на ней жил» (*Русинов Г.А., 1927 г.р., с. Ниж. Бобино*).

**К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ НАДМОГИЛЬНЫХ
ПАМЯТНИКОВ НЕКРЕЩЕННЫХ ЧУВАШЕЙ
ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ**
(по материалам экспедиций 2014 г.)

В настоящее время из более 40 селений некрещенных чувашей и их потомков, проживающих в Урало-Поволжье, 5 селений находятся на территории Республики Башкортостан. Это — д. Юльтимировка и с. Ахманово в Бакалинском, с. Мраково в Гафурийском, п. Дубровка в Миякинском, Зириклы в Бижбулякском районах. По приблизительным подсчетам, численность некрещенных чувашей составляет около 5 тыс. чел., из которых 1 тыс. проживают в Самарском Заволжье, около 3,4 тыс. — в закамских районах Республики Татарстан, более 500 чел. — в Башкортостане, остальные в Ульяновской области и Чувашской Республике¹. По сравнению с закамскими и заволжскими ареалами в Южном Приуралье селения некрещенных чувашей структурно не оформлены в «кусты селений», в пределах которых исторически сформировались единообразные формы культуры, складывались сравнительно одинаковые хозяйственные и социокультурные взаимоотношения. Тем не менее, в этих селениях сохранилась самобытная культура, осознанное этническое самосознание, которые позволяют их выделить в особую этноконфессиональную общность некрещенных чувашей или чувашей-«язычников».

Одним из выразительных признаков «язычества» являются надмогильные памятники. Именно с целью их изучения автором данной статьи на средства гранта РГНФ (в настоящее время РФФИ) в 2014 г. был предпринят проект с целью выявления, фиксации и изучения этих памятников на территории Западного Башкортостана. Согласно разработанному плану и маршруту были осуществлены целенаправленные полевые экспедиционные исследования некрещенных чувашей и их потомков, проживающих на территории Южного Приуралья, Закамья и Заволжья. На территории Южного Приуралья экспедиционными исследованиями были охвачены селения некрещенных чувашей, чувашей-мусульман и чувашей-христиан, локализованные в пределах Икского бассейна (Западного

¹ Ягафова Е.А. Этноконфессиональные меньшинства в Урало-Поволжье: история и современность // Вестник Самарского государственного педагогического университета. Теория и история культуры. Самара, 2006. С. 176–177; Ягафова Е.А. Чувашское «язычество» в XVIII–начале XXI века. Самара, 2007. С. 59; Ягафова Е.А., Данилко Е.С., Корнишина Г.А., Молотова Т.Л., Садиков Р.Р. Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья. Самара, 2010. С. 41–42.

Башкортостана), на территории Закамья — селения т.н. «суркинского» ареала (по названию с. Старое Суркино), в Заволжье — «афонькинского» ареала (по названию с. Старое Афонькино) и два селения присокского бассейна в междуречье р. Сок и Большая Кинель. Выбор исламизированных групп чувашей и чувашей-христиан в Икском бассейне Южного Приуралья было обусловлено тем, что в прошлом они были некрещеными и в своей культуре сохранили многие элементы своей старой веры, в том числе в такой области, как надгробные памятники.

В июле, августе и октябре 2014 г. всего были проведены две экспедиции и один экспедиционный выезд продолжительностью 40 дней. На территории РБ исследования были проведены в Бакалинском (с. Ахманово, д. Юльtimiровка), Шаранском (с. Базгиево, с. Наратасты), Бижбулякском (д. Малый Менеуз, д. Малый Седяк, д. Такмаккаран, д. Ибрайкино, с. Зириклы), Миякинском районах (д. Дубровка), а в Оренбургской области в с. Артемьевка Абдулинского района. В РТ экспедиционные исследования охватили Альметьевский (с. Старое Суркино, д. Новое Суркино, д. Клементейкино), Черемшанский (с. Новое Ильмово) районы, в Самарской области Шенталинский (с. Старое Афонькино) и Похвистневский (с. Старое Ганькино, с. Старое Рысайкино) районы¹. Исходя из основной цели проекта, населенные пункты РБ и Оренбургской области были выбраны в качестве базовых или основных населенных пунктов для сбора и анализа эмпирической информации, а селения РТ и Самарской области - в качестве дополнительных точек для сравнительно-сопоставительных исследований.

Кроме этого были совершены кратковременные экспедиционные поездки с целью разведки и накопления дополнительной информации. Так, в Лениногорском районе РТ была исследована д. Новое Серезкино, в Нурлатском районе - д. Ерепкино и с. Аксумла, в Челно-Вершинском районе Самарской области - д. Чувашское Урметьево, в Похвистневском районе - пос. Илингино, пос. Сирмабось, пос. Новое Рысайкино. Таким образом, в результате экспедиций было исследовано 17 населенных пунктов некрещеных чувашей в 9 районах РБ, РТ, Оренбургской и Самарской областей.

В данной статье представлены некоторые предварительные итоги полученные автором на основе комплексного исследования надмогильных памятников в Башкирском Приуралье. Актуальность затронутой темы объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, она еще не стала объектом специального исследования. Во-вторых,

¹ В экспедиции в Республику Татарстан и Самарскую область принял участие и оказал большую помощь и содействие канд. ист. наук В.В. Медведев, за что автор настоящей статьи приносит ему свою благодарность.

аутентичные памятники, выполненные в традиционном стиле, в настоящее время представляют большую редкость и в скором времени могут полностью исчезнуть.

Цель настоящей работы — показать основные типы надмогильных памятников, а также выявить их характерные особенности и параллели с аналогичными памятниками на соседних с РБ территориях.

Одним из интересных для научных исследований анклавов чувашского «язычества» в Башкортостане являются два чувашских селения, расположенные на самой западной границе республики в Бакалинском районе. Это — д. Юльtimiровка и с. Ахманово. Первый населенный пункт является преимущественно гомогенным, как по национальному, так и конфессиональному составу, так как в нем в основном проживают чуваша, считающие себя некрещеными (*чукнйман чăвашсем*). В с. Ахманово некрещеные чуваша представляют сравнительно небольшую общину, так как в нем численно преобладают крещеные или православные чуваша (*чуккйннй чăвашсем*) и крещеные татары.

Как показали экспедиционные исследования, основным материалом для изготовления надмогильных памятников в Ахманово и Юльtimiровке до первой половины XX столетия были камень и дерево. Изготовление надгробных памятников из камня, по мнению А.А. Трофимова, является одним из отличительных и характерных признаков камнерезного искусства чувашей Приуралья и Закамья¹. Этому во многом способствовал местный ландшафт и доступность камня в качестве сырья. Для изготовления памятников использовался камень-плитняк (*хăма чул*) или песчаник (*кйм чул, хййър чул*). Местные жители добывали их на местных карьерах, разрабатываемых на склонах холмов Белебеевско-Бутульминской возвышенности. В сыром виде песчаник отличался своей податливостью и удобством для последующей обработки и шлифовки. Особым предпочтением пользовались камни с желтовато-белым оттенком. Блоки для памятников добывались весной, а после обработки сушились в тени, в сараях (хотя это не всегда и везде соблюдалось)². Однако из-за насыщенности влагой и недостаточной прочности с течением времени такие камни постепенно выветривались и разрушались, особенно в зимние морозы. Это и послужило одной из причин их плохой сохранности.

Основная часть изученных в ходе экспедиции каменных надгробий датируется концом XIX—серединой XX в., более ранние аналоги не сохранились. Верхний хронологический рубеж таких памятников охватывает 50–60-е гг. XX в. После этого в Ахманово и в Юльtimiровке практика производства надгробий из камня прекратилась полностью и

¹ Трофимов А.А. Чувашская народная культовая скульптура. Чебоксары, 1993. С. 167–189.

² Там же. С. 167.

дальнейшего развития не получила. Вместо них на захоронениях стали устанавливаться памятники из металла, а позже из бетона, мрамора и др. материалов.

подавляющее большинство памятников, изготовленных из камня, не обработаны совсем или обработаны незначительно. Это дает основание считать, что с начала XX в. часть каменных плит на захоронениях местные жители стали устанавливать без всякой дополнительной обработки. По своей форме они представляют большое разнообразие, встречаются многоугольные, прямоугольные (с ровным или овальным верхом), трапециевидные, треугольные и т.д. Средняя высота памятников составляет от 60 до 80-100 см., толщина — от 5 до 15-20 см. Однако самая главная особенность каменных надгробий в Юльгимировке и, особенно, в Ахманово, заключается в полном отсутствии на них антропоморфных признаков. В отличие от классических аутентичных каменных памятников чувашей-«язычников», в них не присутствуют признаки головы, плеч, торса, женских украшений и других деталей костюма. На камнях имеются только надписи с именами и датами жизни усопших на русском языке, нанесенные с помощью острого резца или стамески (рис. 1-6).

Тем не менее три «классических» антропоморфных памятника из камня и дерева, изготовленных с соблюдением древних канонов чувашской народной культовой скульптуры, нами были обнаружены на территории кладбища д. Юльгимировка. Первый из них представляет собой почти не обработанный блок продолговатого по форме камня со стесанной поверхностью с фронтальной стороны. Знак лица расположен спереди и выполнен в форме неглубокой четырехугольной ниши. На макушке памятника сделано также неглубокое углубление для «небесной» или дождевой воды (рис. 7). Примечательно, что точно такой же надгробный памятник с четырехугольной нишей был обнаружен на мусульманском кладбище *Анаткас масарё* в с. Зириклы Бижбулякского района в 1987 г. чувашскими этнографами из Чувашского НИИ языка, литературы, истории и экономики. Памятники такого же типа, но с фигурными нишами встречаются также в с. Старое Афонькино Шенталинского р-на Самарской области. По мнению А.А. Трофимова, в эту нишу во время поминок чуваша для умершего клали угощения¹.

Другой надгробный камень имеет более выраженные антропоморфные признаки. На нем четко просматривается круглая голова, небольшие прямые плечи и прямоугольный вытянутый торс. Лик фигуры показан без глаз, носа и рта (рис. 8).

В такой же технике выполнен небольшой надгробный памятник, изготовленный из дерева. На нем можно разглядеть небольшую голову округлой формы и немного скошенные плечи. На фронтальной части также видны вырезанные резцом буквы, указывающие на фамилию,

¹ Трофимов А.А. Указ. соч. С. 168.

имя, отчество и годы жизни умершего (рис. 9).

Своей формой и композицией оба последних памятника идентичны аналогичным артефактам, изученных нами в Альметьевском районе РТ (с. Старое Суркино, Новое Суркино, Клементейкино). Такие же по форме памятники встречаются и в других ареалах расселения некрещеных чувашей в Заволжье и в Закамье. Вместе с тем, в Юльtimiрoвкe традиция изготовления антропоморфных надмогильных памятников из камня со временем пришла в упадок, однако каноны его изготовления и внешнего оформления перешли на памятники из дерева.

Другим типом надмогильного памятника, бытующим среди чувашей-«язычников» указанных селений, является дощечка «калак». В разных регионах РФ от Среднего Поволжья до Урала, где проживают чуваше-«язычники», эти памятники называются по-разному: «салам калакё» (дощечка приветствия), «салам юпи» (столбик приветствия), «чёре калакё» (лопатка сердца), «пуç хушакё», «пуç вёсё» (столбик, стоящий у головы), «юпа умё» (стоящий перед столбом) и т.д. Следует отметить, что изготовление и установка на могиле данного памятника является одним из канонизированных явлений в погребальном ритуале некрещеных чувашей. Он устанавливается на могиле сразу после погребения и считается временным. Осенью, в месяце юпа (октябрь), когда луна убывала и начинались ежегодные осенние поминки (юпа), рядом с ним водружался другой более основательный памятник (юпа), выступавший, по народным представлениям, постоянным или вечным. В Закамье, Заволжье и на Среднем Поволжье некрещеные чуваше в качестве такового ставили деревянный столб из дуба или липы (на мужских из дуба, на женских из липы) или памятники разного типа, вырезанные из камня. В Юльtimiрoвкe и Ахманово данный канон оказался деформированным, а потом и вовсе забытым. Потому что рядом с деревянной дощечкой «калак» в день осенних поминок или на 40-й день после смерти усопшего традиционные памятники «юпа» из дерева или камня уже не устанавливаются. Теперь вместо них на могилах водружаются современные надмогильные сооружения (рис. 10).

Тем не менее есть основания полагать, что в прошлом (в XVIII — начале XX в.) традиция водружения постоянного надгробия в виде деревянного столба «юпа» у юльtimiрoвцeв и ахмановцeв все же существовала. Об этом свидетельствует сохранившийся среди населения обряд под названием «юпа касма» (резать столб)¹, который проводится на больших поминках «юпа» с обязательной поездкой в близлежащий лес. Правда, из леса они теперь привозят не столб «юпа», как все остальные чуваше-«язычники», а только другие необходимые для проводов покойника в

¹ ПМА. 2014 г. РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiрoвкa. Петрова Анисия Ульdivановна (1925 г.р.), Петров Артемий Ситрукович (1925 г.р.).

иной мир принадлежности: стол (*сётел*), стул (*тенкел*) и мост (*кёпер*) в виде небольших обрубков липы. Как следствие, здесь нет обычая торжественного внесения столба в дом и его «проводов» на кладбище. В данном ареале не сохранился также обряд сооружения моста и установки одноногого стола со стулом для умершего на окраине деревни, как среди остальных некрещеных чувашей. Кроме этого, стол, стул и мостик юльтимировцы и ахмановцы, как правило, оставляют не на окраине деревни по пути на кладбище, а около его ограды.

Всего нами зафиксировано четыре типа «*калак*». Первый тип представляют небольшие дощечки, вырезанные в верхней части в форме луковицы или воинского боевого шлема (рис. 11). Второй тип составляют памятники, сделанные из обычного столба с округлой или стесанной с двух или четырех сторон вершиной. Иногда памятники такого типа делаются из прямоугольного бруса с треугольным двускатным верхом. Третий тип представляют памятники, изготовленные из доски или бруса, которые в верхней части имеют форму вытянутого ромба. И, наконец, четвертый тип составляют памятники в виде вытянутого прямоугольника со скошенными углами, а также с прямым или округлым верхом (рис. 10). С 50–60 гг. XX в. «*калак*» стали изготавливать из металла, которые в общих чертах повторяют формы деревянных аналогов (рис. 12). Высота памятников составляет от 50 до 140 см., ширина верхней части 10–20 см., толщина 2–4 см. Примечательно, что такую же форму и высоту имеют дощечки «*калак*» в с. Клементейкино Альметьевского района РТ.

Таким образом, в настоящее время основными видами надгробных памятников в Юльтимировке и Ахманово являются деревянные «*калак*», которые устанавливаются рядом со стандартными или типовыми памятниками из бетона или мрамора промышленного производства (рис. 10). Если деревянный «*калак*» по традиции устанавливается сразу после погребения, то постоянный памятник — в день больших поминок «*юпа*», который ныне проводится не осенью, а на 40-й день после смерти умершего или даже позже в зависимости от возможностей близких родственников.

В русле таких же традиций развивалось камнерезное искусство в с. Базгиево и с. Наратасты Шаранского района РБ. В первом живут православные чувашы с родным татарским языком, а также крещеные татары, во втором — татары-мусульмане и чувашы-христиане, но проживающие на разных улицах. Каменные надгробия здесь в основном имеют прямоугольную форму. Различает их только способ оформления верхней части. Они имеют ровную, двускатную или овальную поверхность.

Хотя и немного, но встречаются также памятники, в которых просматриваются ярко выраженные признаки фигуры человека: голова, плечи, торс и т.п. Несмотря на то, что жители этих селений были окрещены и приняли православную веру, прежние «языческие» верования и традиции у них одновременно не исчезли и еще какой-то период

времени продолжали бытовать. Об этом свидетельствует антропоморфный каменный памятник конца XIX в., установленный на территории Базгиевского кладбища. Он выполнен из большого блока белого известняка с желтоватым оттенком. Имеет остроконечную голову, шея и плечи скульптуры отмечены с двух сторон клинообразными вырезами, туловище книзу утолщено (рис. 13). В той же технике и из того же материала выполнен надгробный памятник, стоящий рядом. Он изготовлен из такого же массивного блока камня-песчаника, голова остроконечная, туловище к низу расширено, плечи отсутствуют (рис. 14). В двух памятниках угадывается рука одного и того же мастера. Это подтверждается материалом, формой и размерами надгробных памятников. Как видим, в них явно присутствуют каноны «языческого» в основе чувашской народной культовой скульптуры.

Два других каменных памятника, стоящие посередине кладбища, демонстрируют своего рода «языческо»-христианский синкретизм. С одной стороны, мы видим устойчивую приверженность мастера привычному материалу, т.е. камню и изготовлению надгробий в форме стел с овальным верхом. С другой, в оформлении внешней стороны памятников появляется новая и очень выразительная деталь — изображение креста, главного символа православной веры (рис. 16).

Такой же синтез демонстрируют некоторые каменные надгробные памятники, обнаруженные на кладбище с. Наратасты. Здесь наряду с обычными и никак не оформленными камнями (прямоугольными, трапециевидными, продолговатыми и т.д.) присутствуют несколько каменных надгробий, на лицевой стороне которых, как на Базгиевских памятниках, глубоким вырезом нанесены знаки православного креста (рис. 17-18). Другим характерным элементом этих памятников, которые присутствуют на каменных и деревянных надгробиях некрещеных чувашей, является наличие такого элемента, как лунка для «небесной» или дождевой воды¹. Они представляют собой небольшое углубление для установки зажженной свечи и накопления дождевой воды, которой покойник «утоляет» жажду.

Надгробные памятники чувашей-язычников в прошлом, а ныне чувашей-мусульман, исследованные нами в юго-западных районах Башкортостана (с. Зириклы, д. Такмаккаран, д. Ибрайкино, пос. Дубровка) и на пограничье РБ и Оренбургской области (с. Артемьевка), демонстрируют синтез традиций совершенно другого порядка, а именно — ислама и язычества. Особенно показательны в этом отношении надмогильные памятники в с. Зириклы Бижбулякского р-на РБ. По рассказам информаторов и историческим источникам, жители села до конца XIX — начала XX в. были православными, но с сохранением в верованиях значительного «языческого» компонента. Размежевание по

¹ Трофимов А. А. Указ. соч. С. 107

религиозному признаку здесь произошло в начале XX в., когда одна часть жителей перешла в ислам, а другая сохранила приверженность православной вере. После этого христианская и мусульманская общины здесь стали существовать автономно, занимая разные концы села. Первая располагалась на улице *Тукас*, *Турикас*, а вторая — на улице *Анаткас*. С этого времени у них вошло в практику захоронение умерших на отдельных кладбищах. Чуваши-христиане продолжили хоронить своих сородичей на своем кладбище *Турикас масарё*, *Чъваши масарё* (Кладбище верхней улицы, Чувашское кладбище), а исламизированные группы — на территории *Анаткас масарё*, *Тутар масарё* (Кладбище нижней улицы, Татарское кладбище). Однако, благодаря территориальной близости, а также продолжающимся соседским и семейно-родственным связям между этими общинами происходило сближение и формирование мусульманско-«языческого» синкретизма. С одной стороны — активное внедрение в быт чувашей мусульманской обрядности (пятикратная молитва *намаз*, соблюдение поста *Ураза* и празднование главных исламских праздников *Ураза-байрам*, *Курбан-байрам*, похоронно-поминальная обрядность с соблюдением исламских канон и т.д.), а с другой — сохранение в быту некоторых чувашских обрядов календарного (*мункун*, *шимёк*, *кёр сáри*) и поминального (поминки по четвергам *эрнекас асáнни*) циклов¹.

Существование этих традиций с постепенным угасанием элементов «язычества» сказалось и в надгробных памятниках зириклинцев. Даже с переходом в ислам и началом захоронения единоверцев на отдельных кладбище надгробные памятники местными мастерами-камнерезами продолжали изготавливаться с соблюдением «языческих» элементов. Убедительным тому свидетельством является надгробный памятник, который в 1987 г. был обнаружен экспедицией Чувашского НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров ЧАССР (ЧНИИ ЯЛИЭ) на кладбище чувашей-мусульман². Памятник датирован 1861 г., представляет собой продолговатый блок камня-известняка со стесанной фронтальной поверхностью и слегка закругленным верхом. На передней стороне памятника глубоким вырезом в виде половины «лодочки» отмечено лицо человека. На макушке головы памятника высверлены пять небольших ямочек для установки свеч и дождевой воды³. То есть памятник относился к группе памятников с вырезом лица человека в виде фигурной ниши. Видно, что по сво-

¹ Ягафова Е.А. Чувашское «язычество» в XVIII–начале XXI века. С. 82.

² Трофимов А.А. Свод памятников, выявленных Комплексной экспедицией Научно-исследовательского института ЯЛИЭ при Совете Министров ЧАССР 1–30 июня 1987 г. // НА ЧГИГН. Отд. III. Инв. № 786. Ед. хр. 6784. Л. 2; Он же. Рисунки произведений каменной, деревянной скульптуры и надмогильных сооружений // НА ЧГИГН. Отд. III. Инв. № 876. Ед. хр. 6785. Л. 3.

³ Трофимов А.А. Чувашская народная культовая скульптура. С. 77, 167–168.

ей стилистике он ничем не выделяется от аналогичных памятников закамско-заволжского ареала и имеет очень близкие параллели с камнем с нишей, описанным нами на кладбище в Юльгимировке (рис. 7). Каменные надгробия ставились на могилах чувашей-мусульман и в дальнейшем, но на них, под влиянием новой религии, такая важная деталь, как антропоморфизм, оказался под запретом. В результате на их смену пришли каменные памятники, не отмеченные никакими дополнительными деталями или отметинами (рис. 19). Тем не менее, есть основания считать, что традиции «язычества» продолжали бытовать и вполне мирно уживались с новой религией. Это видно из того, что часть зириклинских чувашей-мусульман наряду с каменными надгробиями по инерции с прошлым продолжала хоронить своих умерших под деревянными столбами «юпа» (рис. 20). Своей формой, размерами они практически полностью соответствуют «языческим» аналогам. Но на них не присутствуют обязательные для столбов некрещеных чувашей знаки деталей лица в виде небольшой выемки в форме треугольника, элементы женских украшений и т.д. Не соблюдается также такой канон, как установка столба корневищем верх и отделка его верхней части согласно полу усопшего. Потому что у некрещеных чувашей на аутентичных мужских столбах верх столба, как правило, ровный или прямой, а на женских — округлый или овальный.

Определенный интерес в этом отношении представляют деревянные столбы со стесанной поверхностью прямоугольной формы на лицевой части, на котором вырезаются или пишутся ф.и.о. и годы жизни усопшего (рис. 21). Хотя на них отсутствует знак лица человека, характерный «языческим» памятникам чувашей, такие столбы можно считать следствием продолжения или развития именно данной традиции. Тем более аналогичного вида памятники нам удалось зафиксировать в с. Клементейкино Альметьевского района РТ, где «языческие» элементы народной культовой скульптуры хорошо сохранились и бытуют до настоящего времени.

Схожие процессы деформации прежних традиций, способствовавшие синтезу мусульманских и «языческих» элементов, шли в с. Артемьевка Абдулинского района Оренбургской области. Как, и в с. Зириклы, возникновению этого явления способствовал религиозный фактор. В конце XIX — начале XX в. одна часть чувашей осталась в лоне христианства, а другая перешла в ислам. Чуваша, перешедшие в мусульманство, постепенно начали говорить на татарском языке и соблюдать исламские традиции. С утверждением среди жителей села двух религий в народной культовой скульптуре появился мусульманско-«языческий» синкретизм. Наряду с надгробными памятниками с надписями на русском языке появились памятники с арабской графикой (рис. 22). С одной стороны, это было обусловлено активизацией пропаганды новой религии, а с другой — с появлением мастеров, владеющих татарским языком и арабской письменностью. В настоящее время на надмогиль-

ных памятниках арабографичные надписи почти отсутствуют, вместо них в основном присутствует главный знак исламской веры — полумесяц. Однако некоторые каноны «язычества» на этих памятниках, включая памятники с арабской графикой, продолжали соблюдаться. Это видно, прежде всего, в наличии на камнях ямок или углублений для «небесной» или дождевой воды (рис. 23). Аналогичные тенденции мусульманско-«языческого» синкретизма наблюдаются и в других областях, например, в обрядовом календаре. Как и в Зириклах, наряду с мусульманскими праздниками *Ураза-байрам*, *Курбан-байрам* чувашимусульмане здесь соблюдают и чувашские: новогодние (*сёнё сул*), Масленицу (*саварни*), Пасху (*манкун*), Троицу (*симёк*), осенние моления (*чйкелеме*) и годовичные поминальные обряды умерших (*ватписене асанни*), проводимые осенью¹.

Такой же синтез «языческих» и мусульманских элементов обнаруживают погребальные памятники в селениях, в которых чувашимусульмане жили отдельным кланом (д. Малый Менеуз) или живут самостоятельной общиной (д. Такмаккаран, д. Ибрайкино, пос. Дубровка). Для них характерны те же процессы, которые мы видели на примере зириклинских и артемьевских памятников: устойчивая приверженность к каменным надгробиям, деревянным столбам или их аналогам, бытование каменных надгробий с арабской графикой или исламской символикой (рис. 24–27).

Таким образом, изучение надгробных памятников некрещеных чувашей Западного Башкортостана в границах Икского бассейна Южного Приуралья позволяют сделать следующие выводы:

1. Традиции древней антропоморфной скульптуры в большей мере сохранились и продолжают бытовать среди некрещеной части чувашского населения или «язычников».

2. В процессе эволюции культовая скульптура некрещеных чувашей, равно как религиозные представления и обрядность подверглась определенной трансформации. В зависимости от интенсивности и глубины воздействия на некрещеных чувашей двух мировых религий (христианства и ислама) и соответствующей этнокультурной среды в народной культовой скульптуре возникли процессы их синтеза и синкретизма: «языческо»-христианского, «языческо»-мусульманского или мусульманско-«языческого».

3. В зависимости от упомянутых выше типов религиозности и религиозного синкретизма на территории Южного Приуралья сложились три комплекса или ареала бытования надмогильных памятников: 1) исконно чувашского или «языческого» (Юльтимировка, Ахманово); 2) «языческо»-христианского или «языческо»-православного (Базгиево, Нарата-

¹ Ягафова Е.А. Чувашимусульмане в XVIII — начале XXI в. Самара, 2009. С. 66.

сты); 3) «языческо»-мусульманского или мусульманско-«языческого» (Зирикльы, Такмаккаран, Ибрайкино, Дубровка). На территории Оренбургской области к третьему комплексу относится с. Артемьевка в Абдулинском районе.

4. Культурные традиции народной культовой скульптуры генерировались не только за счет контактов указанных ареалов друг с другом в пределах Южного Приуралья (брачных, родственных и т.д.), но и за счет контактов и взаимодействий с ареалами расселения некрещеных чувашей в Закамье и Заволжье. Так, первый комплекс обнаруживает определенные следы контактов и взаимодействий с чувашами «суркинского» куста (Новое Суркино, Старое Суркино, Клементейкино), а третий комплекс с чувашами сокского бассейна Заволжья (Старое Рысайкино). Однако эти связи и взаимодействия в настоящее время являются не столь прочными и интенсивными, каковыми они были в XVIII–XIX вв. Поэтому на нынешнем этапе селения некрещеных чувашей существуют в виде отдельных локусов, слабо контактирующих не только между собой, но и со своими единоверцами в Закамье и Заволжье.

5. На территории Южного Приуралья камнерезное искусство в традиционном, т.е. «языческом» стиле, по сравнению с Закамьем и Заволжьем, не получило значительного развития и поэтому не достигло профессионального уровня. Вероятно, это было обусловлено тем, что «языческие» ареалы в Южном Приуралье были сравнительно малочисленными и между ними не сложилось прочных и постоянных этнокультурных контактов и связей. В немалой степени это объясняется также тем, что камнерезное искусство по изготовлению надмогильных памятников в традиционном стиле в данном регионе не достигло уровня самостоятельного ремесла или кустарного промысла.

Надмогильные памятники некрещеных чувашей и чувашей-мусульман

Рис. 1. С. Ахманово Бакалинского р-на РБ.

Рис. 2. С. Ахманово Бакалинского р-на РБ.

Рис. 3. С. Ахманово Бакалинского р-на РБ.

Рис. 4. С. Юльтимировка Бакалинского р-на РБ.

Рис. 5. Юльтимировка Бакалинского р-на РБ.

Рис. 6. Юльтимировка Бакалинского р-на РБ.

Рис. 7. С. Юльтимировка Бакалинского р-на РБ.

Рис. 8. С. Юльтимировка Бакалинского р-на РБ.

Рис. 9. С. Юльтимировка Бакалинского р-на РБ.

Рис. 10. С. Ахманово Бакалинского р-на РБ.

Рис. 11. С. Юльтимировка Бакалинского р-на РБ.

Рис. 12. С. Юльтимировка Бакалинского р-на РБ.

Рис. 13. С. Базгиево Шаранского р-на РБ

Рис. 14. С. Базгиево Шаранского р-на РБ

Рис. 15. С. Наратасты Шаранского р-на РБ

Рис. 16. С. Базгиево Шаранского р-на РБ.

Рис. 17. С. Наратасты Шаранского р-на РБ.

Рис. 18. С. Наратасты Шаранского р-на РБ.

Рис. 19. С. Зириклы Бижбулякского р-на РБ.

Рис. 20. С. Зириклы Бижбулякского р-на РБ.

Рис. 21. С. Зириклы Бижбулякского р-на РБ.

Рис. 22. С. Артемьевка
Абдулинского р-на Орен-
бур. обл.

Рис. 23. Верхняя часть памят-
ника из камня с лункой для
«небесной» или дождевой
воды. С Артемьевка.

Рис. 24. Д. Малый Менеуз
Бижбулякского р-на РБ.

Рис. 25. Д. Такмаккаран
Бижбулякского р-на РБ.

Рис. 26. Д. Ибрайкино Бижбу-
лякского р-на РБ.

Рис. 27. П. Дубровка
Миякинского р-на РБ.

**СОВРЕМЕННЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ТРАДИЦИИ
ЗАКАМСКИХ УДМУРТОВ
(материалы экспедиционного исследования 2017 г.)**

Экспедиционное исследование современных религиозных традиций закамских удмуртов было осуществлено на основании соглашения о сотрудничестве Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН с Тартуским университетом (Эстония) в целях реализации проекта Тартуского университета «Современный финно-угорский анимизм: функции и социокультурный контекст» (2015–2018) в рамках гранта Эстонского научного фонда (PUT 590). Главной целью проекта является изучение финно-угорского анимизма (традиционных религий) как способа познания мира, его роли в адаптации к постсоветским социальным переменам. Руководителем научного проекта является профессор этнологии Тартуского университета Арт Лээтэ. Рабочая программа предполагает экспедиционные исследования среди удмуртов-«язычников», проживающих в основном на территории Республики Башкортостан, видео- и фотодокументирование религиозных обрядов, издание на основе полученных материалов научных и научно-популярных публикаций и создание этнографических фильмов. Участники проекта представляют результаты исследования на международных научных конференциях и публикуют статьи в международных научных журналах. Все это способствует повышению уровня знаний по финно-угорским этническим религиям, улучшает понимание многообразия мировоззрений, как у научной общественности, так и на популярном уровне. Также это содействует привнесению анализа финно-угорского опыта в активный оборот современных дискуссий о традиционных (этнических) религиях в международных научных кругах. Результаты исследования очень ценны также для местных изучаемых общин.

Исследования по данному проекту являются гармоничным продолжением предыдущих экспедиционных работ эстонских этнологов у удмуртов Республики Башкортостан, проводимых ежегодно с 2013 г. Основные результаты исследований опубликованы в виде статей в научных журналах¹.

¹ *Toulouze E.* La langue oudmourte dans la diaspora orientale: étude de cas // *Études finno-ougriennes.* 2013, N° 45. pp. 117–134; *Toulouze E., Niglas L.* Udmurt

В 2017 г. экспедиционное исследование проводилось в удмуртских населенных пунктах Татышлинского и Бураевского районов Республики Башкортостан. В работе экспедиции с 02 по 10 июня 2017 г. приняли участие антропологи Ева Тулуз и Лаур Валликиви (Тартуский университет), этнограф Ранус Садиков (ИЭИ УНЦ РАН) и фольклорист Николай Анисимов (Тартуский университет). Основной целью экспедиционной работы являлось изучение современного состояния культовой практики у удмуртов, сохранивших этническую религию¹. Были собраны также материалы по некоторым другим аспектам этнографии и фольклора закамских удмуртов (одежда, песенное исполнительство и т.д.). Главными методами работы являлись видео-, фото- и аудиофиксация ритуальных действий и обстановки священных мест, беседы с информантами, включенное наблюдение. Представляем ход работы экспедиции в хронологическом порядке и наиболее важные результаты.

04 июня 2017 г. — этнографическая работа в д. **Касиярово** Бураевского района. Участники экспедиции (Е. Тулуз, Р. Садиков, Н. Анисимов) и консультант экспедиции — жительница д. Уразгильды Татышлинского района Анна Байдуллина ознакомились с удмуртской деревней Касиярово и посетили старожилу деревни Давлетшину Атнафию Давлетовну (1935 г.р.). В ходе беседы она рассказала о религиозных традициях жителей деревни в прошлом и в настоящее время.

А.Д. Давлетшина: «Помощников жреца называют *партчась*, им был мой отец. В *керемет* давали жертву бесплатно. Некастрированного барана. Раньше, если кто приходил на моление в плохой одежде, то его изгоняли, например, в рабочей одежде. Сейчас молодежь даже в шортиках ходит, так нельзя.

На *Быдзынал* и родовые поминки ходили по гостям с родственни-

animistic ceremonies in Bashkortostan: fieldwork ethnography // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2014, № 1. pp. 111–120; *Toulouze E., Niglas L., Vallikivi L.* Bashkiirima udmurtide ohvripalvused ja ohvripapid // Soome-ugri sõlmed 2014. 2015. pp. 75–83; *Toulouze E., Niglas L.* Quelques cérémonies chez les Oudmourtes du Bachkortostan // Études finno-ougriennes. 2015, № 46. pp. 289–301; *Toulouze E., Vallikivi L.* The sacred places of the Bashkortostan udmurt // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016, № 3. С. 146–155; *Садиков Р.Р.* Современная культовая практика закамских удмуртов (материалы экспедиционного исследования 2016 г.) // Финно-угроведение. 2017, № 1–2. С. 92–104; *Садиков Р.Р., Тулуз Е.* Преемственность и ревитализация в обрядах общественных жертвоприношений у закамских удмуртов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017, № 4. С. 97–114; *Toulouze E., Niglas L.* La cérémonie appelée “keremet” (ou “lud”) chez les Oudmourtes du Bachkortostan // Études finno-ougriennes. 2017, № 48.

¹ О традиционной этнической религии удмуртов см.: Садиков Р.Р. Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). Уфа. 2008. 232 с.

ками по мужской линии (*Пиосмурт туганэн ветло Бидзыналэ но кисьтонэ*).

На кладбище в одиночку ходить нельзя, испугаешься, говорят (*Шай вылэ оген ветлыны уг косо — кәшкемалод шуо*).

Когда заходят на кладбище, некоторые разбрасывают крупу, некоторые кидают хлеб. Последний умерший на кладбище становится охранником, говорят, после смерти другого человека его заменяют (*Берлоез кулэм мурт — шай вылын саклась луэ шуо, мукет мурт кулиэ ке, сое воштэ*).

Если до чых-то сорочин кто-нибудь умрет, говорят, еще кто-либо умрет (*Нильдон уез дорозь кин ке кулиэ, нош ик кин ке кулоз шуо*).

На кладбище *Катканшай* обливают водой места могил во время обряда вызова дождя. Туда неизвестных умерших хоронили раньше.

Младенцев, умерших не успев получить имя, хоронили, нарекая имя. Мертворожденным двойняшкам один раз дали имена Вилы и Лопата. Я Габдрахман нарекла. Имена давних стариков давали (*Нимтэм нылтиослы ним поньса сого вал. Шөй вордйськем кыктоослы оепол Саньык но Кортки ним понйлям. Габдрахман понй. Азлы пересьслэсь нимзэс поно*).

На *кулэм потон* выходили сторожить умерших колдунов (*убьвр*). Поднимались на крышу сараев и навесов. Некоторые видели возвращающихся с кладбища убыров. Они в виде огня идут.

Гаршин Борис Осипович — Гарайшин Казинур — дядя по матери, он в Ваньш-Алпаутово¹ служил писарем во время войны с белыми. Он гадал при помощи зеркал (*Гаршин Борис Осипович — Гарейшин Казинур — чужморт, Ваньш-Алпаутын письр луэм тодьёсын жугиськон дьръя. Кызгын учкыса тодэ вал*)².

Кто родил двойню, они говорят «знающие» (Кыкто нылпиосты ваем муртэ, тодьсяськись шуо индэ).

Один видел [водяного] на берегу реки, когда нес воду с озера *Зангырчи*, сидел и расчесывал волосы. Иногда слышат, как будто бык кричит. Говорят, река Танып так воеет. После этого, кто-нибудь тонет (*Зангырчи палась ву вайыкыз зардурын, зьрсиэз сынаса, пе, кылле. Ош луса кесяськем кылийське. Танып кесяське шуо. Собре мурт усьыса, пе, кулэ*).

¹ Волостной центр.

² В 1919–1920-е гг. Б.О. Гаршин являлся сначала секретарем, затем — ведущим Вотского подотдела Отдела по делам национальностей Уфимского губернского исполнительного комитета (Губвотподотнац), делегат Всероссийской конференции коммунистов-вотяков (г. Сарапул, 1920 г.) (Садиков Р.Р. Финно-угорские народы Республики Башкортостан (история, культура, демография). Уфа. 2016. С. 153–154).

Если не находят утопленника в реке Танып, то кладут на воду каравай хлеба. Говорят, хлеб не утонул, стоит над утопленником (*Таныпте усьыса кулэм мурт оз ке сыры, быдэс нянь поныса кельто. Нянь, пе, уг кошкы, со кулэм мурт вадьсын, пе, кылле*).

В керемете «входили в луд» (*Лудэ пыро вал кереметэ*). Два или три рода (*зин*) было: у Даккана, у Фалхана, у Шайхиура¹. В два дома относили муку и масло. Там пекли лепешки *куарнянь*. Приходили пить чай с лепешками. Утром пекли, после полудня шли в *керемет*. Режут барана. В *керемет* скотину бесплатно дают, например, если кто болеет, или что-то плохо. На обыкновенное моление покупают за деньги.

Был *керемет кышет* (платок керемета) — белая ткань с пришитой монеткой. Из обыкновенной ткани был. У нас находился. Когда умер Фалхан, принесли сюда. Когда я осталась одна, то отнесла к Рахиму. Говорят нельзя держать у одиноких (без пары) людей.

Гадали во время войны. Около печи на сковородке что-нибудь ставили и, погасив свет, поджигали. По тени от пламени гадали. Сковородку ставили на стул. Кто-то гадал, вертя на веретене, хлеб. Вернется или нет (*Тунасько вал война дыръя. Гур дуре табае мар ке поно но, тылэз кысыса, жуато вал. Со тыллэн вужереныз тунало. Табаез пуконэ пукто вал. Кудйиз черсэн нянь бергатыса туна вал. Бертоз-а, уз-а шуыса*).

Раньше на берегу Таныпа был *вось*. Так как там была безлесная местность, то перенесли в лесочек рядом с местом *керемета*. Но это современное моление не *керемет*, это — *вось*. В прошлом году там начали молиться».

Посетили учительницу удмуртского языка Новотазларовской средней школы Раянову Расиму Исламгалиевну, которая рассказала о проблемах в преподавании удмуртского языка и литературы. Побывали в деревенской школе. По словам учителя и бывшего заведующего филиалом (начальной школой) Давлетьянова Альберта Гафриятовича, основная (восьмилетняя) школа здесь была закрыта в 2008 г. Начальную школу закрыли в этом году 31 мая. Обучалось 4 ученика. Здание школы начали строить в 1967 г., а работать начала с 1969 г.

05 июня 2015 г. — работа в дд. **Старый Кызыльяр** и **Ивановка** Татышлинского района. Разговаривали с жрецом *восьясь* Хазимардановым Борисом Куснимардановичем, 1956 г.р., посетили место проведения деревенского моления — *гурт вось*.

Б.К. Хазимарданов: «Второго июня провели деревенское моление

¹ На самом деле было два рода “*зин*” в священной роще керемет: жители верховины собирались в доме у Даккана, жители низовины — у Шайхиура. После смерти последнего, стали собираться в доме у Фазылхана (Фалхана) (ПМА, 1995. РБ, Бураевский р-н, д. Касиярово. Нуриева З.М. (1905 г.р.).

гурт вӧсь. На нем участвуют жители Таныповки, Кызылъяра, Ивановки. Закололи одну овцу.

Я родом из Верхнебалтачево, с 1981 г. в этой деревне живу. Жена родом отсюда. Когда теща заболела, сюда переехали. Сначала помощником жреца был. Потом Фархулла (*организатор междеревенских молений группы удмуртских деревень Татышлинского района, из с. Нижнебалтачево — Р.С.*) попросил старшим жрецом быть.

У меня дед по матери Исламша Арманшин был *вӧсясь* (жрец). На *мӧр вӧсь* (жертвоприношение миром) он был старшим. Он еще молился тогда, когда *мӧр вӧсь* в Калмияре проводили. Жил в Нижнебалтачево. Мой младший брат Владимир (Владик) Хазимарданов является жрецом в Верхнебалтачево.

Я начал здесь молиться в 2015 г. Предыдущий жрец иногда не проводил моления, *мӧр вӧсь* пропускал. Фархулла сказал, что надо другого человека поставить.

Гурт вӧсь проводят на новом месте. Устраивают один раз в год. Место огородили.

Керемет есть здесь. В Верхбалтаче тоже *керемет* был. В Верхбалтаче святилища *куала* назывались именами цветов (*Верхбалтачын куалаоссэс сяьска нимен верало вал*).

На поминках за столом сидят в шапках и платках. Ноги тоже должны быть прикрыты. Кидают поминальную еду, у печи зажигают свечку. Еду, которую кидали умершим, выносят курицам, когда поедим горячий суп (*пӧсь шьӧд*).

Если кричит Танып, то говорят, кто-нибудь умрет (*Танып ке кесяськыз, кин ке но кулэ шуо*). Сом так кричит.

Здесь раньше были деревни русских староверов Гоготровка, Бердышка, Ивановка. Когда русские ушли, сюда переселились удмурты из Нового Кызылъяра. Сейчас все эти деревни называются Ивановка. Новый Кызылъяр объявили неперспективной деревней».

В д. **Ивановка** Татышлинского района взяли интервью у основателя и первого руководителя фольклорного ансамбля «*Марзан*» из д. Старый Кызылъяр Садреевой Лилии Шариповны, 1963 г.р.

Л.Ш. Садреева: «Ансамбль *Марзан* был основан в 1995 г. Я сама основала. В 2013 г. дали звание «народный». Поют такие песни: мелодия сплава плотов из бревен (*пур келян күй*) — кызылъяровская, так пели, когда сплавливали по реке бревна; мелодия Великого дня (*Будзынал күй*) — из Ильмета (*исчезнувшая удмуртская деревня Чернушинского р-на Пермского края — Р.С.*); мелодия проводов масленицы (*вӧй келян күй*); мелодия проводов в солдаты (*салдат келян күй*) — так пели, когда шли по улице, провожая солдат до полевых ворот; мелодия отбеливания холста (*дэра гужатон*) — холсты отбеливали на снежном насте, охраняли, чтобы вороны или другие птицы не испачкали; мелодия валяния

сукна (*урдэг лёгон*).

Когда сидят у покойного ночью, тоже поют грустные песни. На гармошке играют (*Уй пукыкы но кързало зожгес кързангёсты. Мызканэн но шыдо*).

Утром не пой, заплачешь — говорят (*Шукна ен кърза, бёрдод шуо*).

В скотном хлеву нельзя петь, говорят (*Гидын уг зара шуо кързаны*).

На поминках плясать нельзя, говорят (*Кисьтон дыръя ектыны уг зара шуо*).

Когда кто-то перенимает мелодию у других исполнителей, то говорят «украсть мелодию» (*күйез лушкало шуо*).

Пересь күй — так называют старинные мелодии».

06 июнь 2017 г. — работа в с. **Верхние Татышлы** (райцентр) и с. **Вязовка** Татышлинского района. В райцентре посетили администрацию района, где разговаривали с директором муниципального клуба детей, подростков и молодежи «Батыр» Зиятдиновым Ринатом Тимербаевичем и секретарем совета района Рахимовым Радиком Галимзяновичем.

Они сообщили, что на совещании при Национально-культурном центре удмуртов РБ было решено создать Ассоциацию удмуртских жрецов РБ. Р.Т. Зиятдинова назначили представителем от НКЦ для координации проведения молений. В 2017 г. хотят созвать всех жрецов, провести организационное собрание и официально создать Ассоциацию. Первоначально она будет действовать при НКЦ.

18 июня будут отмечать 10-летие постройки молитвенного дома в Альге — деревне, где проводят окружное моление *мёр вёсь*.

В одном из магазинов райцентра видели ящик для сбора пожертвований для строительства православной церкви (*впервые такие ящики участники экспедиции видели в с. Новые Татышлы и с. Нижбалтач в 2016 г. — Р.С.*). Для ее постройки уже вырыли котлован рядом с удмуртским кладбищем Верхних Татышлов. Видимо, православные деятели видят в удмуртах района своих потенциальных прихожан. Как нам сообщили местные жители, в татарских деревнях таких ящиков для пожертвований не ставят.

Встретились также с председателем Национально-культурного центра удмуртов РБ, главным редактором удмуртской республиканской газеты «Ошмес» Гарифуллиным Салимгьяном Гарифулловичем. Он рассказал о работе общественной организации и подписке на газету.

Вечером поехали в с. Вязовку, встретились с исполнительницей народных песен Аленой Тимерхановой и жрецом из Вязовки Шаймардановым Филаритом. Он показал жреческую одежду. Была произведена фотосъёмка.

07 июнь 2017 г. — посещение деревенского моления *гуртэн вёсь* в

с. **Вязовка** Татышлинского района. Произведена фото- и видеосъемка (Р. Садигов, Л. Валликиви) религиозного мероприятия.

Деревенское моление провели в конце деревни на склоне холма, поросшего липами. Раньше там росли ели, от которых остались пни. Внизу есть родник, чуть дальше протекает ручей *Сиртуошур* (Вязовая речка). С родника берут воду во время обряда. Место огорожено, есть небольшой навес. Хотят поставить молитвенный дом из досок на сваях (последние уже забиты).

Моление началось утром в 8 часов. На минитракторе привезли одну овцу. В небольшом котле сварили кашу. Провели моление *сизиськон* с кашей (обещание жертвы). Молились вдвоем, жрец и его помощник.

Первое моление собственно для *гурт вӧсь* провели перед закланием овцы. Жрец молился с караваем хлеба, принесенным от жителя деревни, у которого купили овцу. Он произносил молитву, читая из вырезок удмуртской республиканской газеты «Ошмес», которые специально хранит у себя.

Второе моление — с мясом. Жрец в чашу сложил кусочки сердца, грудины, переднего правого бедра, правого ребра, головы, шеи, печени, кишок.

Когда варили кашу, стал собираться народ. Прибыл председатель сельсовета (татарин), позддравил всех с праздником и обсудил некоторые насущные проблемы (уборка мусора, пастьба скота). Попросили выступить также Еву Тулуз.

Последний раз молились с пожертвованными участниками моления монетками — *зугесь*. Когда жрец молился, трое помощников три раза обошли костры по солнцу, березовыми ветками символически сметая пепел к центру. После молитвы пожертвования раздали помощникам. Им же раздали принесенные народом платки и полотенца.

Содержание беседы с жрецом (*вӧсясь*) Шаймардановым Филаритом Баймурзиновичем (1961 г.р.) и организатором моления (*вӧсь кузӧ*) Хусбутдиновым Дельми Зиевичем (1948 г.р.): «Это моление *гурт вӧсь* (жертвоприношение деревней) называется. Одну овцу колем. Раньше резали белую и черную овцу, гуся. Белая овца — для *Ин Кылчина* (Небесного ангела), черная — *Музьем Кылчина* (Земляного ангела), гусь — *Ву Кылчина* (Водному ангелу). В 1990-е гг. так еще резали. Когда я начал молиться, то стали резать только одну белую овцу. Это в 2003–2004 гг. было.

На деньги, которые собираем с населения, покупаем овцу. На окружное моление *мӧр вӧсь* несем только деньги.

В 90-е гг. здесь один приезжий человек снял моление на видеокамеру. Он приехал из Междуреченска¹.

¹ Видеозапись была осуществлена в 1998 г. Игорем Деминым, горняком,

Раньше варили в одном котле, сейчас кашу варим в трех котлах.

По 100 руб. собираем с населения. По 2 стакана крупы дают, масло дают.

Надо закалывать овцу, которая в этом году не ягнилась, чтобы ягненок сиротой не остался.

Прежний жрец, *Кабибзан агай*¹, умер в 2007 г. Хабибьян Туктакиев — предыдущий жрец, в 1927 году родился.

Порядок молитв такой: 1 молитва: *сизиськон* с кашей; 2 — когда колот овцу — с караваем хлеба, ее дает хозяин овцы, в серединку воткнута монетка; 3 — с мясом; 4 — с монетками *зугесь*, провожая моление (*вось келяса*).

Деньгами распоряжается *вось кузё* Дельми. Он записывает, сколько денег собрано и потрачено. *Вось дун* (цена жертвы) — собранные на моление деньги. Четыре человека собирают по деревне деньги, а также Дельми сам.

Раньше это место не было огорожено. Первый раз навес поставили тут в 1994–1995 гг. Огородили — в 1998–1999 гг. Новую ограду поставили в прошлом году.

Помощники — кто может прийти, те и помогают.

На сегодняшнем молении 1 *восья*, 1 *кузё*, 4 помощника (*пёрась*).

На месте произнесения молитвы спереди жреца и помощника втыкают ветки березы, под ноги тоже кладут по ветке.

Шортдэрэм (ритуальный кафтан) остался от матери Дельми. Она просила потом обратно, чтобы похоронить в нем, но так и остался у меня.

До пенсии работал трактористом (Ф.Б. Шаймарданов). Когда старый жрец умер, *Дельми агай* попросил меня молиться. *Кабибзан агай* просил у Дельми, чтобы он не дал прекратить проведение *гурт вось* (*Кабибзан агай гурт вóсез ен быдты шуиз Дельми агайль*).

Д.З. Хусбутдинов начал посещать моления еще в 8–9 лет. Работал механизатором, сварщиком. Как он сам говорит, «У меня и так много обязанностей, поэтому сам не молюсь».

На *сизиськон* молиться встают двое — жрец с кашей и помощник с хлебом на руках. Делают три поясных поклона. Помощник — Хатишов Рамиль Гимаевич, 1971 г.р. Четвертый год уже молится рядом с жрецом.

машинистом экскаватора разреза «Междуреченский» Кемеровской области, приехавшим летом в д. Вязовка Татышлинского района РБ к родителям своей супруги. Видеоматериал опубликован в интернете (*Летние моления закамских удмуртов // Культура.РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.culture.ru/objects/2801/letnie-moleniya-zakamskikh-udmurtov>* (дата обращения 23.05. 2018 г).

¹ Агай — в сочетании с именем собственным уважительное обращение к старшему по возрасту мужчине.

Перед закалыванием овцу «омывают» водой при помощи березовых веток. После того как заколют, берут одну ложку крови из первой струи. Только, когда овца испустит дух, эту кровь выливают в огонь. Колот во время произнесения молитвы. Молитву читают с тремя поклонами. Я читаю молитву из газеты «Ошмес», это молитва известного жреца в Татышлинском районе Назипа Садриева.

Когда молятся с мясом в чашу жреца кладут кусочки сердца, грудины, переднего правого бедра, 2–3 правого ребра, голову, шейный позвонок, куски печени и кишок. Ноги сжигаем, шкуру сдаем. Мясо с правой стороны варят в отдельном котле. Внутренности промыли трое женщин.

Во вторник и субботу нельзя проводить моления.

Это моление «*пересьёлэн кылем зылолзы*» — «обычай, оставшийся от стариков».

Жертвенные монетки *зугесь* раздают помощникам. Их жертвуют те, кто приходит на моление. Складывают в чашку на столе.

На это моление с жителей деревни собрали 13 600 руб. Овцу купили за 4000 руб., на окружное моление *мёр вось*, которое проведут в с. Новые Татышлы, отнесут тоже 4000 руб. Также отвезут туда крупу, собранную у жителей.

Моленное мясо из жреческой чаши едят только мужчины. После разделки мяса, кости раздают пришедшим, чтобы те съели оставшиеся кусочки мяса. Обглоданные кости собирают в ведро и в конце моления сжигают на костре».

После моления пригласили в гости. На двух женщинах были вязаные передники, с узорами, имитирующими узоры браного ткачества. Как нам объяснили, их стали вязать, так как ткацких станков не сохранилось, и нет тканей, похожих на старые образцы.

Вечером того же дня (07 июня 2017 г.) состоялась беседа с информатором Гараевой Лилией Зидияровной, 1953 г.р. в с. **Арибаш** Татышлинского района.

Л.З. Гараева: «Татышлинские удмуртки под рубахой спереди на уровне пояса пришивают две тесемки — *жуткаськон кал*, чтобы ими подтянуть перед подола. Концы завязывают сзади под рубахой на поясище.

Старушки носили рубахи с украшенным аппликацией грудным разрезом (*чебермам мырсазен*). Так как они украшений уже не носят, поэтому украшали свою одежду цветными полосками ткани.

Биту — если ребенок родился в рубашке, ее засушивали и зашивали в ткань, придав треугольную форму. Его носят через плечо, как чресплечное украшение *сильсюмыс* под одеждой.

Первые состриженные волосы у ребенка надо хранить. В первый раз надо стричь до сорока дней.

Были разные виды кафтанов: *тодь шортдэрем* — белый кафтан; *жыляк шортдэрем* — рабочая одежда, черного цвета, с синими полосками; *поньток* — из ткани с основой из хлопчатобумажных ниток, уток — черная шерсть; *зыбын* — из черной шерстяной ткани».

08 июня 2017 г. — работа в с. Старокалмиярово, д. Уразгильды и д. Бальзюга Татышлинского района. В с. Старокалмиярово в сельсовете встретились с 2 жрецами и 4 пожилыми женщинами. Провели опрос об организации в деревне жертвоприношений и некоторых похоронно-поминальных обрядах.

Содержание разговора с жрецами: Байрамшин Ефим Гильмуранович, 1953 г.р., Васильев Валентин Файзрахманович, 1961 г.р.: «Место проведения *мөр вöсь* поменяли. Камни из кострищ отсюда увезли. До середины 1970-х гг. здесь проводили это моление. Потом стали переворачивать котлы и перенесли в маленькую деревушку Альга. В 1980-е гг. старое место затопили, запрудили речку Калмиярку, сейчас там пруд, осталось под водой это место.

Когда нам по 7–8 лет было, мы туда еще ходили на *мөр вöсь*. Народу собиралось много. Было больше, чем на сабантуе.

Камни увезли в Альгу, чтобы никто там не видел, где молятся.

Гурт вöсь сейчас проводят на новом месте. Раньше тоже на месте *мөр вöсь* проводили. На этом месте наверно молятся с тех пор, как закрыли окружное моление в 1970-е гг.

С нового места тоже хотели перенести на другое, т.к. там, где сейчас молимся, «*зуч музейем*» — «русская земля», принадлежавшая раньше жителям русской деревни Петропавловка. Выбрали было новое место, построили там молитвенный дом. В 2008 г. там убили (?) женщину. Поэтому туда не стали переносить.

Огородили в 2010 г. Раньше до этого тоже была сельсоветская ограда, родник и большая площадь были огорожены. Есть план поставить там маленький молитвенный домик.

Собираем на жертвоприношение по 100 руб. со двора: 50 руб. на *гурт вöсь*, 50 руб. на *мөр вöсь*.

Три овцы на *гурт вöсь*, одну — на *мөр вöсь* покупаем. Три жреца молятся. Произносим молитву Назип агая Садриева. Надеваем кафтан, сшитый из современной ткани».

Содержание разговора с информаторами: Байрамшина Марзия Зиятдиновна, 1938 г.р., Шарафутдинова Федосья Гильмаевна, 1946 г.р., Фархутдинова Катира Нигаевна. 1932 г.р., Мухаярова Василия Шакировна, 1939 г.р, уроженка д. Утар-Елга, здесь с 1977 г.: «Раньше из других деревень сюда приходили молиться. Первый *мөр вöсь* проводят вильгуртские (в с. *Новые Татышлы* — Р.С), потом — мы (в д. *Альга* — Р.С.), затем — асавские (в д. *Асавка Балтачевского района*— Р.С.). По направлению течения реки вниз.

В 1976 г. окружное моление здесь еще провели, в 1977 г. — уже не было. Колхозный парторг Черенков с 2–3 людьми приходил и перевозил котлы. Не работаете, говорил. Перенесли в укромное место в Альгу.

Здесь молились также в *Керемете*. Там росла рябина. Молились с пресными лепешками *куарнянь*. Когда ветрено было, там молились, до *мөр вöсь*. Только мужчины. Старик по имени *Зедй* молился там.

Мөр вöсь проводили в тех местах, где сейчас амбар, где гараж и на верхнем поле (*вылийсь бусы*). Где была ржаная озимь, там устраивали это жертвоприношение. В июле устраивали, перед сенокосом.

Святынища *куала* были по родам (*породен*). Камень только имелся там. Огорожено было место в конце огорода.

На Ильин день молились с новым хлебом (*виль зүэн*).

На *мөр вöсь* место костров было в низине, место моления на вершине. Оттуда камни старик по имени *Гарибзан* увез. Говорят, что если из Альги сюда обратно перевезут, то надо жертвовать большую скотину. Тогда при переносе тоже так, наверно, делали.

Сюда тоже на новое место камни отнесли. Говорили, что на русской земле нельзя молиться (*зуч музъемын уг зара шуо вал курисъкыны*).

Сначала проводят деревенское моление, через неделю — *мөр вöсь*. Из 9 деревень собираются в Альгу на это жертвоприношение.

В Кызыльяре проводят еще междеревенский *багыш вöсь*, но мы туда не ходим.

Тол вöсь (зимнее жертвоприношение) проводят в декабре. Через неделю после него — зимний *мөр вöсь* в Альге. Три овцы режем, в Альгу одну везем.

Когда у семейной пары все дети женились (вышли замуж), то устраивали *кървон вöсь*. Завершали *кървон*, принеся в жертву пару гусей. Раньше жертвовали жеребенка, позже двух гусей, чтобы было по четыре ноги. Имелся *кървон кышет* — платок из домотканины. Его сжигали. Кости относили на место *лы келян*. Зятя не участвовали на этом обряде (*Кървон вöсь — нылти паръяскем бере, парен зазег вандыса кървонэз быдтыса кельтйзы*. *Азлы чуньен вал, собере пар зазеген, ниль куко карыса*. *Кървон кышет — дэра вал*. *Кышетэз жуато вал*. *Лы келянэ нуо вал лызэ*. *Кияуъёс уг ветло вал отчы*).

Младенцам, умершим до наречения имени, дают имя и хоронят на большом кладбище. Если не дают имя — то на *Нимтэм шай* (Безымянное кладбище). Туда мертворожденных хоронят в маленьком гробу, типа коробки (*Ним поныса бадъым шае вато*. *Ним ке өз понэ — нимтэм шае*. *Шой вордйськемзэ отчы*. *Коробка кадъ карыса вато*).

Ограду могильную называют *корос* (*Корос — шай кенер*).

Мертворожденным тоже дают человеческие имена. В 1995 г. туда еще похоронили (*Шой вордйськемлы но адямилэсь нимзэ поно*. 1995

арын но отчы ватйзы ай).

Башкирское кладбище (*Башкърт шай*) также было.

Сеп — место ловли *урта* (духа умершего). Туда яйцо и кусок треугольной ткани в землю закапывают, когда везут покойного на кладбище. Зимой — в снег. На обратном пути, если будешь искать, не находят. Так делают, чтобы умерший не испугался (*Сеп — урт кутонтий. Курегныз но басмалэз куинь сэргэ. Толалтэ лымые. Музьеме сого. Бертыкы утчад ке, уг жимы нй. Кулэм мурт медам, пе, кышка, соин озы каро*). (Когда похоронная процессия выходит из деревни в сторону кладбища, в одном месте закапывают одно яйцо и кусок ткани — Р.С.).

Чөке, старики! Пусть перед вами упадет! Осенние (весенние) поминки проводим! (*Чөке, пересьёс! Азяды мед усёз! Сйзьял (тулыс) кисьтон ортчыйтйськом!*) (Фархутдинова К.Н., 1932 г.р.) — так говорят, когда крошат поминальную еду у печи.

Здесь ориентация могил на кладбище восток-запад. Головы на западной стороне.

Корос (ограда) — в виде маленького сруба, сверху жердь. У некоторых родов только были. Ограду не советовали обновлять (*Корос — бугро, зылаз пуч. Куд затлэн гынэ вылэм. Коросэз вильдыны косйльмтэ*).

Ставят столик на могилу в изголовье (памятник в виде столбика с прибитой сверху доской — Р.С.). Туда крошим еду на поминках. Оставляем вино в чашке, монетки (зугесь) кладем (*Жөк пукто шай вылаз, зыр вадьсаз. Отчы куясыкыса кельтйськом. Чыкыре вина, уксё, зугесь, понйськом*).

Когда берут место (для похороненных на стороне — Р.С.), на землю кладут четыре жерди, как будто это корос (ограда) (Инты басьтыны ниль быртык пуч поныса кельто, корос кадь»).

Содержание беседы с информаторами Миндияровой Флорой Минкаировной, 1951 г.р. и Раяновой Зоей Минкаировной, 1964 г.р. (д. **Уразгильды**): «До осенних поминок, пусть не будет других поминок, говорят во время проведения весенних поминок. Осенью наоборот (*«Сйзьял кисьтонгёстэж, кисьтонгёс медам луэ» - шуо тулыс кисьтон дыръя. Сйзьял наоборот*).

Во время свадьбы, когда заходишь в дом, надо взглянуть на матицу, чтобы не сглазили, говорят (*Мумькоре учкыны косо сюанэ мыныкы корказы пьрем бере, сим усёнтэм*).

С семика можно купаться (Семькын ву пырыны кутскыны зара).

Под матицей сидеть нельзя (*Мумькор улын пукъны уг зара*).

Биту (оберек треугольной формы, куда зашивали «рубашку» новорожденного — Р.С.) прикрепляли к наконснику (Битузэс зышпынэгаз ошыса кельто вал).

Если в деревню забежит белка, говорили, что будет пожар (*Гуртэ*

коньы ке пыриз, пожар, пе, потэ).

Если залетит кукушка, то тоже плохо, говорят. Когда в первый раз услышат кукушку, говорят, чтобы было не к худу. Когда слышат в первый раз, говорят, чтобы были с деньгами (*Кикүез но алама шуо. Кикүез первой кылькы, аламалы медаз луы шуо. Первой кылькы уксёен мед кыллёмы шуо*).

Если проходящие вечером по улице мимо дома заметят, что погасили свет, то говорят, пусть у них умрет черная курица (*Тылыз ке кысйз укнозылэн, урамти ортчкыкы, съод кюрегез мед кулоз шуо*).

Когда видят в первый раз скворцов, говорят лучше увидеть двух, чтобы жить в паре (*Шырчикез адзкыкы кыкеныз адзоно, парен улыны*).

«Хранящая дом бабочка» — если дома видели бабочку, то старались не выпускать («*Корка возьмась бубыли*» — *коркан ке адзид, потыны ум тыршиське*).

Содержание беседы с жрецом Садриевым Назипом Садриевичем, 1930 г.р. (д. **Бальзюга**): «Во время похорон нельзя проводить жертвоприношение (*Кулэм муртэз согыкы уг зэра вёсез ортчтыны*).

На полнолуние нельзя проводить (*Тыр толзэз дырға уг зэра*).

09 июля 2017 г. — посещение моления *гуртэн вёсь* в с. **Верхние Татышлы** Татышлинского района. Произведена фотосъёмка и видеосъёмка моления (Р. Садиков).

В райцентре жертвоприношение проводят уже третий раз (первый раз в 2015 г.). Известно, что до 1930-х гг. окружное моление местных удмуртов устраивалось в этом селении. С образованием Татышлинского района и преобразованием населенного пункта в районный центр, место его проведения перенесли в с. Новые Татышлы, где его и проводят до сих пор¹. В прошлом году поставили молельный дом и огородили территорию. Участок земли выделил местный сельсовет. Вёсясем является Бадамшин Кабиок, организатором Адисанов Риф. В этом году Галямшин Рустам (сын бывшего руководителя Национально-культурного центра удмуртов РБ Рената Галямшина), усадьба которого находится рядом, и который организовал постройку молитвенного дома и огораживание участка, пригласил молиться жреца из Новых Татышлов Рафикова Раиса. Поэтому моление было устроено по порядку, принятому в этом селе. Так как в пятницу люди работают, поэтому раньше проводили в воскресенье. Но в этом году все же решили провести в пятницу. С удмуртских дворов села собрали по 150 руб. денег. В жертву принесли одну овцу. В связи с тем, что проведение моления было возрождено недавно, многие каноны нарушались участниками моления по незна-

¹ Садиков Р.Р., Тулуз Е. Преемственность и ревитализация в обрядах общественных жертвоприношений у закамских удмуртов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017, № 4. С. 101.

нию, например, женщины ходили без платков, дети бегали по священному месту, шумели т.д.

Участниками экспедиции был собран уникальный полевой материал, характеризующий современное состояние религиозных традиций закамских удмуртов. Полевые записи, фотографии и видеоматериалы объективно документируют процессы, происходящие в этой сфере на сегодняшний день. Они свидетельствуют о довольно удовлетворительной сохранности традиционной культовой практики и религиозных верований и представлений, об их значительной роли в жизни удмуртского населения Республики Башкортостан. В тех удмуртских селениях, где общественные обряды традиционной религии в советское время были приостановлены, происходит их возрождение, в них гармонично сочетаются как старинные традиции, так и современные реалии.

**ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ПО ЭТНОГРАФИИ МОРДВЫ
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
(экспедиционные записи 2017 г.)**

Публикуемый полевой материал, характеризующий календарную и семейную обрядность мордвы Башкирии, был собран в 2017 г. в с. Енгальшево Чишминского, с. Ильтеряково (Андреевка) Кармаскалинского, д. Наумкино Аургазинского, в селах Садовка и Кармаскалы Стерлитамакского, в селах Алешкино и Кузьминовка Федоровского, в с. Новые Сулли Ермакеевского районов Республики Башкортостан. Значительная часть сведений представляет культуру мордвы-эрзи, небольшая — мордвы-мокши (с. Кузьминовка). Записи этнографического материала были осуществлены с целью изучения традиционной обрядности приуральской мордвы.

Чишминский район, с. Енгальшево

Зимние праздники. Перед Рождеством в с. Енгальшево ходили колядовать. На эрзя-мордовском языке этот праздник называют *Коляда*. К нему, как и Рождеству, готовятся заранее. Неотъемлемыми атрибутами являются домашние пироги и курники. Колядовать ходили взрослые в светлое время суток. Специальных нарядов они не носили, одевали простою праздничную одежду. Собравшись вместе одной большой группой, колядовщики шли по улицам села и заходили в гости к своим односельчанам. Свое шествие они начинали у края села. Заходя в дом, поздравляли с началом Рождества и пели песню: «*С праздничком, с копеечками, открывайте сундуки, доставайте пятаки*». За поздравления хозяева одаривали колядовщиков деньгами или угощали пирожками, булочками и курниками. После того как обойдут все село, они собирались вместе в каком-нибудь доме и трапезничали с собранными угощениями.

Так ходили еще в советское время, ориентировочно до 1980-х гг. В настоящее время колядовать ходят дети в обыкновенной, но нарядной одежде. Ходят одной небольшой группой, обходят дома и поздравляют с Рождеством. Детям дарят угощения, реже — деньги. Пройдя все село от начала и до конца, они собираются вместе в одном доме, где проводят небольшую трапезу, хвастаясь между собой собранными угощениями.

На Рождество мордва сейчас ходят на церковную службу в свою церковь. Приходя домой после службы в круту семьи устраивают праздничную трапезу. Для праздничного стола готовят гуся и утку. Но в

советское время в церковь не ходили, поскольку она была разрушена. В период между Рождеством и Крещением проводили зимние Святки. На Святки ходили ряженые, обычно молодежь. Они одевались в красивые одежды, красили лицо красками или сажёй, а иногда надевали изготовленные из марли маски. Девушки пришивали к своим юбкам что-нибудь, что будет издавать гремящий звук во время их шествия по селу. Ходили ряжеными вечером. Когда ряженые заходили в дом односельчанина, они смотрели, как хозяйка их примет, в каком состоянии было их хозяйство. Они ругали и порицали хозяев, если те работали плохо. На период Святки существовала примета, что если хозяйка хорошо встретит ряженых, то год будет благополучным. После окончания Святки его участники должны были искупаться в проруби на Крещение, которое проходило 19 января. Сейчас Святки уже не отмечают, но местное население ходит на крещенские купания. Святки не проводятся в связи с уменьшением количества населения в селе. В последний раз их проводили в 1990-е гг.

Масленица — праздник, на котором провожали зиму. Она начиналась 7 недель до Пасхи и продолжалась целую неделю. Гуляния проводили в начале масленичной недели. Перед началом празднования перед школой устанавливали столы для всевозможных угощений и главного традиционного блюда масленичной недели — блинов. Собравшись вместе, трапезничали, после чего сжигали чучело. Его делали из соломы молодые люди. Сжигание чучела олицетворяло собой прощание с зимой. На Масленицу детей катали на лошадях. Так отмечали Масленицу в советское время и проводят сейчас.

Кульминацией всей масленичной недели было Прощеное воскресенье. В этот день дети приходили к своим дедушкам и бабушкам, становясь на колени, просили у них прощения. Также было принято просить прощения у своих соседей и просто у пожилых людей. Со слов информаторов, так они делали вместе со своими родителями. Сейчас ходят лишь к своим близким родственникам.

Весенне-летние праздники. Первым весенним праздником было Вербное воскресенье. Его отмечали за неделю до Пасхи, которая, таким образом, служила ориентиром для определения даты. Накануне в субботу люди собирали ветки вербы в лесу и приносили ее домой. Ставили ее в красном углу рядом с иконой. Так делали до революции, в советское время вербу ставили в углу в прихожей. Сейчас вербу ставят в красном углу и у входа в дом.

С собранной вербой связана примета: бросив ее в воду, можно было узнать о будущем годе, и как он сложится. Если верба тонула, считали это дурным знаком, если же нет, то считалось, что к счастью.

Утром на Вербное воскресенье хозяйки будили с отстоявшей ночью в доме вербой домочадцев. Ею «хлестали» спящих, желая им счастья и здоровья. Этой же вербой выгоняли в первый раз скотину на пастбище с

пожеланиями, чтобы она хорошо пила и ела траву. Старую вербу скармливали скотине. Сейчас, после открытия церкви в селе, стали освящать вербу.

Через неделю после Вербного воскресенья отмечается Пасха, день ее проведения означал конец Великого поста. В четверг, который называется Чистым, начинали приготовления к празднику. Этот день называют чистым, поскольку с этого дня начинают уборку дома, не отвлекаясь от житейской суеты. Тогда же красили яйца и пекли пироги. В советское время продолжали приготовления к Пасхе именно с четверга, однако сейчас обычно начинают готовиться позже, за день или два до праздника. Как правило, куличи сейчас покупают.

В день светлой Пасхи дети ходили по домам и поздравляли односельчан с праздником. Заходили в дом, поздравляли хозяев со словами: «Христос воскрес», а хозяева им отвечали: «Воистину воскрес». Детям за поздравления дарили сладости и конфеты, а также крашеные яйца. Последние обычно освящали в церкви, но бывало, что и нет. Приходившим детям помимо того что давали крашеные яйца, девочкам заплетали косички и мальчикам дарили платочки. После того как дети обойдут село, люди начинали ходить по гостям. Обычно это происходило ближе к полудню. Традиционным лакомством считается пасхальный кулич, который пекли сами. Существует обычай класть один кулич и два яйца к иконе. Этот кулич съедали позже, но яйца оставляли там. Если случался пожар, эти яйца кидали в огонь. Таким образом, считали, что брошенные яйца остановят пожар. В советское время продолжали праздновать Пасху. Дети также ходили по селу с поздравлениями. Однако под давлением советской власти крашеные яйца и куличи не освящали, потому как не было церкви и священника. В настоящее время хождение детей сохраняется, хотя и не так массово.

Через 50 дней после Пасхи отмечали Святую Троицу, отсюда и второе название — Пятидесятница. За один день, в субботу проводили поминки на кладбище, на которых устраивалась поминальная трапеза. В с. Енгальшево этот день называли родительским. В советское время поминальную трапезу на кладбище также продолжали проводить. Обычай сохраняется и в настоящее время.

В день же самой Троицы обязательно ходили на службу в свою церковь. А через неделю проводился большой праздник, на котором мордва провожали весну. Молодые люди приносили срубленную в этот день березку, а девушки украшали ее цветными лентами и тряпками. Украшенную березку устанавливали в центре села, и на этом месте проводились праздничная трапеза и народные гуляния, пели песни и устраивали хоровод. Традиционным блюдом на празднике был омлет, приготовленный на свежем воздухе. Первыми угощали детей, только потом взрослых. К концу праздника молодые девушки снимали все украшения с дерева и кидали березку в реку.

Кидание в реку березы считалось своеобразным гаданием на следующий год. Если она тонула, считали, что год будет плохим и неурожайным, если же нет, то наоборот, принимали за хороший знак. В последний раз так проводили Троицу в 1990-е гг.

После Троицы через некоторое время устраивали обряд, когда обращались с молитвой к *Пакся-ава* — богине-покровительнице полей, обеспечивавшей богатым урожаем. Он проводился не регулярно, только во время засухи. Называли этот праздник *Бабань-салма*. Обряд проводился за пределами села вблизи реки или другого водоема. Традиционно исполнителями ритуала были пожилые женщины и мужчины, которые готовили для праздничной трапезы *салму* — суп, приготовленный с картофелем, сметаной, мукой, яйцами и с маленькими завитушками из теста. Перед тем, как начать праздничную трапезу, ее участники молились *Пакся-аве*, чтобы она давала им дожди, особенно в засушливый период, и обеспечила хорошим богатым урожаем. Сейчас этот обряд не проводится, со слов информатора его проводили их бабушки.

Одним из главных общесельских праздников среди мордвы был *Велень-тия* (Деревенское пиво). Как видно из названия, главным напитком праздника было сваренное домашнее пиво. Праздник проводился обычно всем селом на одной из улиц, за установленными там столами. Если места не хватало, то его проводили на двух или более улицах. Праздник не проводится уже давно.

Поминальным днем среди мордвы был Петров день. В этот день односельчане ходили на кладбище и устраивали поминальную трапезу. Неотъемлемой частью трапезы были принесенные с собой освященные ягоды. Существует поверье, что матерям, чьи дети умерли, нельзя есть ягоды до этого дня, иначе на том свете ягоды им не достанутся. В советское время продолжали устраивать поминальные трапезы на кладбище, но ягоды не освящали. В настоящее время также проводят поминки, старшее поколение продолжает придерживаться запрета есть ягоды.

Осенние праздники. В осенний период, когда начинают убирать урожай, отмечали Яблочный, Медовый, Хлебный спасы и Ильин день. Медовый спас отмечают 1 августа, и он считается первым спасом. К этому дню готовили свежий мед, который освящали и могли угостить им своих соседей. На Яблочный спас, проводимый 19 августа, готовили новый урожай яблок и освящали их в церкви. Освященные яблоки могли подарить соседям, родственникам и своим близким. Хлебный спас празднуют 29 августа. В этот день пекут свежий хлеб из нового урожая. В советское время в спасы новый урожай яблок, меда и новоиспеченный хлеб не освящали в церкви, но в праздничные дни продолжали угощаться ими. В настоящее время традиция освящать новый урожай возобновилась. Те, у кого нет яблок и меда, покупают их и несут в церковь.

Свадебная обрядность. Непосредственно перед обрядом сватовства проходили предварительные переговоры о дате, когда придут

сватать невесту. Сваты приходили в дом родителей невесты и спрашивали согласия на сватовство. Невесту в этот момент не показывали сватам, да и сама невеста не знала об этом. Предварительные переговоры о дате сватовства проводили еще в первые десятилетия советской власти, однако позже перестали проводить. В настоящее время этот обычай полностью исчез.

После этого начинается второй этап сватовства. Сватать невесту в дом ее родителей приходят жених со своими родителями и *уредвом*, т.е. дружкой. Здесь и происходит процесс непосредственного сватовства молодой девушки. Сторона жениха приносит с собой пироги и угощения. Перед тем, как войти в дом родителей невесты, произносят по-русски: «*У вас товар, а у нас купец*», и просят войти в дом. В доме происходит стговор на дату свадьбы, обговаривают вопросы по поводу дарения сторонами подарков друг другу. Обсуждают, какие угощения готовить на свадьбу. Время между тем, как невесту сосватают, и до момента свадьбы бывает разным. Все зависит от приготовлений к свадьбе и благосостояния обеих сторон. В советское время обряд сватовства сохранялся в этой же форме. В настоящее время он изменился. Молодые сами стговариваются о свадьбе, а на сватовстве стороны договариваются о дне свадьбы и ее организации.

Приготовление девушки к свадьбе начиналось с 12 лет, когда она начинала шить и вышивать льняные рубашки и платки. Если она не успевала сшить достаточное количество, тогда она просила своих подруг помочь ей. Готовила в приданное также посуду и постельное белье.

За день до свадьбы невеста обязательно ходила в баню с подружками. Обычно свадьба шла один — два дня. Но еще раньше свадьба игралась намного дольше, примерно неделю.

Жених приезжал к невесте на запряженной тройке лошадей. Вместе с ним приезжали его родители, крестные, *уредв* и близкие члены семьи. Гости не могли сразу войти в дом невесты. Для этого отец жениха выкупал право войти за ворота и в дом. Дома, когда сторона родни невесты сидела за столом, он выкупал право сесть за стол, платя за каждый угол стола. К тому же отец жениха платил выкуп за приданое невесты. После того как родня жениха заходила в дом невесты, жених дарил особый пирог, имевший название «материно молоко», матери невесты. Этот свадебный пирог пекли родственницы жениха утром в день свадьбы. Пирог был многослойным, состоявшим из яиц, пшена и других продуктов. В этот момент обе стороны начинали дарить подарки. Отец невесты дарил своей дочери особый дар в виде сундука, куда она складывала свое приданое. Затем начинался свадебный пир.

После пира в доме невесты ехали в ЗАГС, но это не обязательно, могли расписаться еще перед свадьбой. После бракосочетания в ЗАГСе, молодые ехали в дом жениха. У порога дома молодых встречали родители жениха и его родня. Кое-кто из его родственников мог быть в обра-

зе медведя: одет в вывернутую шубу. Молодым выносили каравай и обсыпали их хмелем. Впуская гостей, дома их сажали за стол. Уже за столом жениху давали большой блин. Смотрели, как жених кусал, с краю или с середины блина, что показывало, честная невеста или нет. Наблюдали, какой хозяйкой будет невеста. Специально раскидывали солому в доме и смотрели, как она ее уберет. После окончания свадебного пира ее участники расходились по домам, чтобы на следующий день продолжить свадьбу.

На второй день с утра уже молодую жену искал *уредев* вместе с ее родственниками. Невесту прятал жених с его друзьями. После того как ее найдут, молодую вели в дом жениха, откуда она под присмотром его родни шла за водой к колодцу. Затем пекла блины. Только после того как она испекла блины, ее считали полноправной хозяйкой. На второй день свадьба завершалась, жених и невеста уже окончательно утверждались в качестве молодой семьи. Так проводили свадьбы в советское время. В настоящее время некоторые свадебные обряды сохраняются, но в игровой форме. Сватовство практически не проводится, происходит просто знакомство жениха с родителями невесты. Свадьба обычно длится один день. Сторона жениха приезжает к дому невесты на нескольких автомобилях. Обряд выкупа входа в дом невесты отцом жениха сохранился. Пирог «материно молоко», даримый женихом матери невесты, был заменен покупным тортом. Мордва в день свадьбы также ездят в ЗАГС. Возобновилось церковное венчание.

Родинные обряды. Беременным женщинам запрещалось ходить на кладбище. Новорожденных детей, принося домой, клали на рубашку отца, чтобы следующий ребенок был мальчиком. Данный обряд сохранился. Старались крестить сразу. На крестины (*стинат*) не приглашали, приходили те, кто был на свадьбе. Приходящие на крестины приносили с собой угощения, обычно это был курник. Мать невесты на крестины приносила кашу для ребенка. После того как все собралось, начинался обряд крещения ребенка. После его завершения устраивалась небольшая трапеза. Существует поверье, что самую старшую женщину необходимо проводить всем участникам крестин. В советское время на крестины не приглашали священника, а просто нарекали ребенка именем. В настоящее время приглашают священника.

Похоронные обряды. Хоронили покойника только на третий день. Умершему человеку было положено «ночевать» два-три дня в своем доме. Если умирал мужчина, то его обмывали мужчины, если умирала женщина или ребенок, то — женщины. После одевали в новую одежду. Старики обычно готовят для своих похорон вещи сами. Если умирал молодой человек, ему покупали новую одежду. При выносе гроба старались коснуться им верхнего косяка двери, это делалось для того чтобы защитить членов семьи от смерти. Сначала гроб ставили во дворе рядом с домом, где с покойником прощаются те, кто не может идти на

кладбище. Затем гроб несли на полотенцах до кладбища шесть мужчин. Их выбирали из членов семьи покойника. Обязательным условием было то, что ими не должны быть родные дети. В последний раз гроб ставили уже рядом с могилой, которую копали с утра в день похорон. Гроб на полотенцах опускали в могилу и зарывали землей. Присутствующие на кладбище кидали монеты и горсть земли. Затем участники похоронной процессии возвращались обратно в село в дом умершего. Там они мыли руки с мылом и водой, а после выпивали сладкую воду и заходили в дом.

Дома накрывался стол для поминальной трапезы. Место готовилось и для покойника. Поминальная трапеза шла до обеда. По ее окончании родным покойника раздавали его личные вещи. Всю оставшуюся еду складывали в одну тарелку и выкидывали снаружи к правому углу дома. Так проводили похороны еще в советское время. В настоящее время хоронят на следующий день. Гроб и новую одежду покупают в бюро ритуальных услуг. Если раньше гроб несли на кладбище, то сейчас гроб везут на автомобиле и уже перед кладбищем его несут, но не на полотенцах, а на веревках. Раньше на могилы ставили памятники, а сейчас ставят еще и кресты в день похорон. Оградку могут поставить уже после похорон.

Поминальные обряды. Поминки проводили на девять и сорок дней, через полгода, год, пять и десять лет. Поминки проходили в первую половину дня до обеда. До 12 часов дня собирались родственники. Сначала читали молитву за упокой души пожилые женщины, которые знали молитвы. Только после прочтения молитвы присутствующие приступали к поминальной трапезе.

Накануне поминок топят баню. К 5 часам баня должна быть истоплена. Первыми в баню идут мужчины. Они, находясь внутри, звали душу умершего помыться вместе с ними. После того как мужчины выйдут, следующими идут женщины. Выходящий из бани последним оставляет таз с водой с перевернутым ковшом и веником. После 11 часов вечера в баню никто уже не должен был заходить. К 12 часам ночи готовят полуночный обед, который называют *пелевень-корал*. Обряд поминок сохранился в той же форме.

Вопросы о различных божествах, отношение к религии. Представления о различных богах и духах сохраняются в памяти людей. Информаторы помнят, как их называли и какую стихию они представляли. Так, богиню воды называли *Ведь-ава*, ее видели в длинном платье. Богиню леса именовали *Вирь-ава* и представляли ее в зеленом платье. Существовала примета, что если путник заблудится в лесу, то стоит попросить у нее помощи, переобуть обувь с правой на левую, а левую на правую. Тогда путник непременно находил дорогу. Хранительница дома — *Кардаз сярко*. Существовала также богиня полей, отвечавшая за урожайность, ее звали *Пакся-ава*.

В советское время в церковь не ходили, но все церковные праздники старались отмечать. Сейчас же в церковь больше ходят старики, чем молодежь.

(Информаторы: Яковлева Елена Андреевна, 1977 г.р.; Яковлева Любовь Сергеевна, 1949 г.р.; Меркулова Любовь Дмитриевна, 1940 г.р.; Ермолаева Елена Васильевна, 1957 г.р.; Анисимова Людмила Александровна, 1960 г.р.)

Кармаскалинский район, с. Ильтеряково (Андреевка)

Зимние праздники. На Рождество с 6 по 7 января проводили *Коляду*. С утра мордва ходили в церковь, а еще до праздника причащались и исповедовались. К Рождеству начинали готовиться заранее, резали птицу и скотину для праздника, варили пиво, пекли хлеб, орешки из теста, называемые *пештня*, и лепешки — *секуро*. С утра взрослые заходили во дворы своих соседей, кидали зерно и поздравляли с Рождеством. Когда-то на Коляду пели песни на эрзянском языке, но их уже не помнят. За поздравления хозяева дома дарили детям всевозможные угощения. Но если хозяева не встречали детей, то они могли что-нибудь украсть. В советское время в церковь утром в Рождество не ходили, однако колядовать не прекращали. Колядовать ходили взрослые и дети. В настоящее время колядовать ходят дети, поздравляя с Рождеством.

На Святки, проходившие с Рождества до самого Крещения, ходили ряженые. Они делали жужжалки из кости свиньи. Ряженые ездили по селу на запряженной тройке лошадей. В период святок молодые девушки гадали на суженого. Заходили во двор к тем, у кого были овцы, и под покровом темноты дергали за шерсть. Если шерсть будет белая, то будущий муж будет со светлыми волосами. Если же темная шерсть — то с темными волосами. В советское время еще проводили Святки, сейчас их совсем не проводят.

На Крещение вставали утром и шли в церковь, освящать воду. Те, кто не мог пойти в церковь за водой, брали ее из колодца. Считалось, что вода из колодца на Крещение становилась освященной. В Крещение было принято ходить купаться в прорубь. В советское время в проруби на Крещение не купались, однако набирали в этот день воду, считая ее целебной. В настоящее время с утра ходят в церковь на службу и набирают воду, а также в ночь на Крещение купаются в проруби.

Масленица проводилась в течение одной недели, поэтому ее называли масленичной неделей. Всю неделю односельчане пекли блины, как традиционное масленичное блюдо, и ходили друг другу в гости. Для детей на праздник сооружали горку, с которой они скатывались. Кульминацией масленичной недели было Прощеное воскресенье. В этот день дети просили прощение у старших. Вечером этого дня сжигали чучело Масленицы с пожеланиями хорошего года. Через костер, в котором горело чучело, прыгала молодежь. После Масленицы начинался

Великий пост, который шел до самой Пасхи. Так же отмечали Масленицу и в советское время. Но в настоящее время произошли изменения в проведении праздника. Масленицу празднуют дома в кругу семьи за праздничным столом. Сохранилось Прощеное воскресенье, когда дети с родителями ходят к старшим членам семьи и просят у них прощения.

Весенне-летние праздники. За неделю до Пасхи отмечали Вербное воскресенье. Накануне в субботу ходили собирать вербу в лесу для праздника. С утра в воскресенье пол церкви застилали травой, где освящали вербу.

Освященной вербой хозяйка дома будила домашних, «хлестая» их вербой, и желая им здоровья и счастья. Новую вербу ставили у иконы. Также вербою в первый раз выгоняли скотину в поле, желая ей здоровья, и чтобы она обязательно вернулась обратно. Пастуху, который выгонял скотину, за труд давали два яйца. И, несмотря на пост, в этот день можно было употребить в пищу рыбу и выпить немного вина.

Следующей была Пасха. К ней начинали готовиться с *Чистого четверга*. В этот день начинали уборку и готовили дом к празднику. Так было еще в советское время. Сейчас к Пасхе начинают готовиться в субботу, красят яйца и покупают новую одежду. Проснувшись с утра, дети, должны были съесть одно яйцо. Собравшись вместе, начинали ходить по селу и поздравлять соседей с Пасхой. Заходили в дома, поздравляли с праздником и говорили: «*Христос воскрес*», на что хозяйка отвечала им: «*Воистину воскрес*». За поздравления и оказанное внимание дарили детям крашенные яйца. Для детей раньше ставили большие деревянные качели.

Через пятьдесят дней после Пасхи отмечали праздник Троицы. Накануне устраивали поминки на кладбище. Поминки называли *поминошной чи*, что в переводе на русский язык означает поминальный день. Трапезу проводили за установленным на кладбище столом. На могилы родственников клали яйца. В Троицу ходили в церковь на службу. В советское время в церковь не ходили, но сейчас эта традиция возрождена. В конце троицкой недели в воскресенье устраивали проводы весны. Молодые люди приносили срубленную в этот день березку, а девушки украшали ее лентами и тряпками. Украшенную березку устанавливали в центре села, и на этом месте устраивались праздничная трапеза и народные гуляния. Готовили оmlет. К концу праздника молодые девушки снимали все украшения с дерева, кидали ее в реку и гадали о будущем годе. Если она тонула, считали, что год будет плохим и не урожайным, если же нет, то наоборот, принимали за хороший знак. Так делали и в советские годы, но его не проводят уже давно.

После Троицы через некоторое время проводили обряд *Бабань-салма*, который должен был обеспечить село хорошим урожаем. Пожилые женщины у родника готовили для праздничной трапезы *салму*. Для нее использовали собранные у односельчан картофель, сметану,

муку и яйца. Перед тем как начать трапезу, женщины молились, чтобы уродился хороший урожай. Первыми угощали салмой детей, которые приходили вместе с ними, только после них сами приступали к трапезе. В последний раз проводили в советское время, сейчас не проводят.

Одним из основных праздников в селе был *Велень-пя*. Главным напитком на празднике являлось сваренное в посуде из липы домашнее пиво. Праздник проводился обычно всем селом, но каждая улица варила пиво самостоятельно. Со слов информаторов, этот праздник не проводился уже давно, последний раз отмечали в советское время.

На Петров день сельчане ходили на кладбище и устраивали поминальную трапезу. Неотъемлемой частью трапезы были принесенные с собой ягоды и свежая баранина. С этого дня можно уже было копать картошку.

Осенние праздники. На Медовый спас делали медовуху, пили ее сами и угощали ею своих соседей. 2 августа, на следующий день после Медового спаса, отмечали Ильин день. На Яблочный спас собирали новый урожай яблок и освещали их в церкви. Из свежих яблок варили компот и пекли пироги. Освященные яблоки могли подарить соседям, родственникам и своим близким. Ореховый спас, который праздновали 29 августа, считают днем, когда урождается хлеб. В этот день пекли свежий хлеб из нового урожая. В этот день девушки гадали на будущего мужа. Из хлеба делали «орешки» и кидали их на улице. В какую сторону они упадут, оттуда и ждать суженого.

Свадебная обрядность. Непосредственно перед сватовством в дом невесты приходили две женщины со стороны жениха, обычно близкие родственницы. Шел процесс предварительного сговора о дне, когда придут сватать невесту. Если женщин приглашали за стол с угощениями, то это значило согласие сосватать невесту. В этот день договаривались, когда придут свататься.

Сватать невесту в ее дом приходили родители жениха и сватья. На этом этапе договаривались, когда будет свадьба, какие и сколько подарков готовить, и сколько будет людей на свадьбе. Так проходили предсвадебные приготовления к свадьбе еще до революции. В советское время обычай сговора о дне, когда придут сватать невесту, сохранялся, однако позже перестал проводиться. Устраивали лишь само сватовство без предварительного сговора. В настоящее время обряд сватовства не проводится в той же форме, на нем стороны жениха и невесты обговаривают организационные моменты свадьбы.

Накануне свадьбы две девушки со стороны жениха объявляли о предстоящей свадьбе и звали помочь печь пироги. После того как испекут пироги, они снова выходили на улицу села и хвалили жениха с невестой.

Руководителями на свадьбе были *свах* и *дружка*, иногда его называли мордовским термином *уредев*, носившим полотенце через плечо.

В первый день свадьбы у дома жениха собиралась его родня, садились в свадебный поезд, запряженный лошадьми. Но перед тем как направиться к дому невесты, сваха освящала свадебный поезд, обходя с иконою. И только после этого свадебный поезд начинал движение к дому невесты. Приехав туда, сторона жениха не могла зайти в дом. У них просили спеть песни на их выбор, и только после этого они могли войти. Перед входом у всех мужчин со стороны жениха в шутливой форме отнимали головные уборы, которые они должны были выкупить у них. Также жених должен был выкупить приданое невесты. Перед тем как гости садились за стол, сторона жениха одаривала сторону невесты. Особенно это касалось матери невесты, ей дарили отдельный пирог «материно молоко», который пекла мать жениха и передавала через *уредва*. Существовал обряд, служивший защитой от нечистой силы жениха и невесты: крестный невесты делал отметину на матице деревянной саблей. После этого начинался свадебный пир. Во время пира крестный дарил невесте сундук для приданого — *парь*. После пира жених с невестой с гостями отправлялись в церковь венчаться, а после ехали в дом родителей жениха. Молодых встречали родители жениха и стороне невесты дарили подарки. Первую ночь невеста с женихом ночевала в амбаре или у соседей. А утром ее отправляли за водой и проверяли ее хозяйственные навыки. Она должна была испечь блины, и только поле этого ее считали хозяйкой в доме. Во второй день свадебный обряд продолжался. На третий день свадьбы молодые ехали к теще на блины. Существовал обычай, совершавшийся через неделю. Молодая жена могла приехать в гости к своим родителям. Назывался этот обычай — *мекейтатама*. После революции в советское время свадьба проводили также, но были изменения. В первый день свадьбы молодые ехали не в церковь, как было ранее, а в сельсовет в ЗАГС. В настоящее время свадьбу проводят одним днем. На свадьбу в дом невесты поезжане едут на автомобилях. *Уредев*, функцией которого стало как можно веселее провести свадьбу, нежели соблюдать обряды, матери невесты вместо пирога, дарит покупной пирог или торт.

Родинные обряды. Беременным женщинам запрещалось ходить на кладбище, можно было идти на кладбище только через год после родов. На крестинах детям выбирались их крестные родители. Люльку опускали чуть ниже уровня пола, чтобы его принял домовый и защищал нового члена семьи. Даже в советское время данные обряды и правила соблюдались. В настоящее время они соблюдаются старшим поколением.

Похоронные обряды. Хоронили покойника только на третий день. Одежду, в которой умер покойник, и постельное белье сжигали. Оставшуюся одежду раздавали между родственниками. Умершего обряжали в новую одежду. Старики обычно готовили для своих похорон венцы сами. Если умирал молодой человек, то ему покупали новую одежду. При выносе гроба старались коснуться им верхнего косяка двери, это делалось

для того что бы защитить членов семьи от смерти. Сначала гроб ставили во дворе рядом с домом, где с покойником прощаются те, кто не мог идти на кладбище. До кладбища гроб несли шесть мужчин на полотенцах. В последний раз гроб ставили уже рядом с могилой, которую рыли с утра в день похорон. Участники похоронной процессии возвращались обратно в село в дом покойника. У его дома они мыли руки с мылом и водой, а после выпивали сладкую воду и заходили в дом.

В доме накрывали стол для поминальной трапезы и звали священника для поминальной службы. В настоящее время в похоронных обрядах произошли изменения. Похороны проводят на следующий день после смерти. Если раньше гроб несли, то сейчас его везут на автомобиле, и только рядом с кладбищем его несут до могилы. Крест и оградку на могилу ставят сразу, однако есть мнение, что оградку на могилу ставить не положено.

Поминальные обряды. Поминки проводили на 3, 9, 20, 40 день, через полгода, год и три года. Поминки устраивают в первую половину дня до обеда. До 12 часов дня собираются родственники. Перед трапезой пожилые женщины читали молитву за упокой души. Накануне топят баню, куда приглашают попариться также умершего. В бане оставляют таз с водой с перевернутым ковшем и веником. К 12 часом ночи готовят полуночный обед. Так проводили поминки в советское время. Проведение поминок сохранилось в такой же форме и в настоящее время.

Строительные обряды. Во время строительства на место, где будет красный угол, клали монеты. По разным сторонам дома, под матицу клали шерсть, пятаки или кресты из веток березы, служившие защитными оберегами. Для защиты от нечистой силы под порог двери клали чертополох. Для того чтобы в доме жить было хорошо, первый, кто заходил в дом, был ребенок, ступивший в него правой ногой. Также для защиты нового дома, туда, из старого, приглашали домового. Клали подушку с хлебом у входа и звали пойти с ними в новый дом. Данные обряды соблюдались мордвой в советское время. В настоящее время при строительстве дома сохранился обряд вхождения в новый дом ребенка, ступающего в него с правой ноги.

(Информаторы: Юртова Елизавета Викторовна, 1929 г.р.; Акимкина Валентина Викторовна, 1963 г.р.; Михайлова Анисия Владимировна, 1964 г.р.; Кузьминова Вера Егоровна, 1935 г.р.; Чебаева Валентина Ильинична, 1952 г.р.; Горланова Татьяна Семеновна, 1955 г.р.; Кириллова Анастасия Пантелеевна, 1951 г.р.).

Стерлитамакский район, села Садовка и Кармаскалы

Зимние праздники. На Рождество с 6 января мордва в селах Садовка и Кармаскалы отмечают праздник *Коляда*. К празднику готовиться начинали заранее, пекли печенье — *секор*, курники, гуся и другие всевозможные угощения. С утра дети ходили колядовать, они заходили

к своим соседям и читали рождественские молитвы. За поздравления детей угощали пирогами, конфетами, а могли дать деньги. Так колядовали на Рождество и в советское время, однако вместо молитв просто поздравляли с праздником. В настоящее время дети также ходят колядовать, но их число незначительно.

На Святки ходили ряженые. Девушки, надевавшие юбки, назывались *кукла*. Главного среди ряженых называли *Харя*. Он одевал вывернутую мехом наружу шубу, принимая образ медведя. Ряженые заходили в дома к соседям, пели песни и плясали. Они смотрели, как хозяйка трудилась в течение года, хвалили за хороший труд, и ругались, если ленились, и в доме было грязно. В период Святкок молодые девушки гадали на суженого. Брали петуха и ставили перед ним воду и деньги. Если петух клевал деньги, то будущий муж будет богатым. Если пил воду, то быть мужу пьющим. Иногда девушки заходили во двор к тем, кто держал овец и дергали, не глядя на их, за шерсть. Если шерсть попадалась белая, то будущий муж будет со светлыми волосами. Если же темная шерсть — то с темными волосами. Также кидали валенки во двор к тем, у кого была собака, если собака лаяла, то выйти ей замуж в этом году. Существовал другой вариант этого гадания: кидали валенок через ворота, куда покажет его носок, оттуда и ждать будущего мужа. Так проводили Святки в советское время и еще в 1990-е гг. Однако в настоящее время ничего не устраивают.

Накануне на Крещение ходят на службу в церковь, а в ночь на 19 число было принято ходить купаться в проруби. Те, кто не мог купаться, брали воду из проруби. Обязательно в этот день должны были искупаться ряженые, дабы очиститься от того, что они принимали образ нечистой силой. Так проводили Крещение еще до революции, в советское время произошли изменения. Во время праздника в церковь не ходили, однако брали из колодца воду, считая ее целебной, и купались в проруби. В настоящее время на Крещение едут в церковь в Стерлитамак, где набирают святую воду икупаются в проруби.

На Масленицу гуляли в течение недели. В период всей недели пекли блины и ходили друг к другу в гости. Изготавливали соломенное чучело, олицетворяющее зиму. С ним катались на лошадях по всему селу. В конце чучело сжигали с пожеланиями о хорошем предстоящем годе. Через костер прыгала молодежь. Ранее вместо чучела делали большое колесо, которое поджигали и спускали с горы. Таким образом провожали зиму. В настоящее время праздник отмечают всю неделю, но без сжигания чучела и прыгания через костер. Сейчас мордва празднуют масленицу в кругу близких родственников за праздничным столом у себя дома.

Весенне-летние праздники. Первым весенним праздником было Вербное воскресенье — *Вербанть*. В субботу люди собирали вербу, а после несли ее в церковь на ночную службу, где ее освящали. Ставили

ее в красном углу рядом с иконой. Утром в воскресенье хозяйки будили вербой домочадцев. Ею «хлестали» спящих, желая им здоровья и всех благ. Вербой выгоняли в первый раз скотину на пастбище. Несмотря на пост, в этот день разрешалось есть рыбу. Так делают и в наше время.

На Пасху для детей в селе ставили большие качели. Дети ходили по домам и поздравляли односельчан с праздником. Ребенка, который первым заходил в дом, хозяева сажали на подушку. Детям дарят за поздравления сладости и конфеты, а также крашенные яйца, освященные в церкви. Только после того как дети обойдут дома, взрослые начинали ходить друг другу в гости. Родные собирались в одном доме для совместной трапезы. Как правило, это бывало уже в обед. Традиционным угощением на Пасху считался пасхальный кулич, который пекли сами. В годы советской власти праздник также продолжали отмечать, только не ходили в церковь и не освящали яйца. Сейчас Пасху празднуют в кругу семьи за праздничным столом.

В субботу перед Троицей проводили поминки на кладбище, на которых устраивали трапезу. Также в этот день хозяева собирали в лесу березовые ветки и украшали ими дворы, дома и ворота.

В день же самой Троицы обязательно ходили на службу в свою церковь. А через неделю проводили большой праздник, на котором мордва провожали весну. Молодые люди шли в лес за березкой, которая была центральным образом проводов весны — *Тундонь ильдямо*. Перед тем, как начать рубить дерево, у *Вирь-ава* просили прощения и давали дар в виде хлеба. Только после этого березку рубили. Принесенную в село березку девушки украшали лентами и цветными тряпками. Готовили омлет. Первыми угощали им детей. В конце праздника молодые девушки снимали все украшения с дерева и кидали ее в реку. Если она тонула, считали, что год будет плохим и не урожайным, если же нет, то, наоборот, принимали за хороший знак. В настоящее время на Троицу мордва вновь стали посещать церковную службу. А на проводах весны изменился состав участников: если раньше собиралась молодежь, то сейчас обряды проводят люди старшего поколения.

После Троицы через некоторое время проводили народный обряд, который назывался *Бабань-салма* или *Бабань-гаша/Бабань-каша*. Обряды проводились за пределами села вблизи реки или родника. Традиционно исполнителями ритуала были пожилые женщины, которые готовили для праздничной трапезы *салму* или кашу. Со слов информаторов, *Бабань-гашу* провели в последний раз в 1950 — 1960 гг.

Свадебная обрядность. Перед обрядом сватовства приходили крестные и родители жениха для стовора. Если им удавалась договориться, назначали дату, когда придут сватать девушку, после чего накрывали стол для гостей.

После удачного стовора, начинали готовиться ко дню, когда к ним придут свататься. Обычно проходило несколько дней. Сватать невесту

в дом ее родителей приходят сватья и родители жениха. Здесь и происходит процесс непосредственного сватовства молодой девушки. Стороны договариваются о дате свадьбы, решают, сколько придет гостей, о количестве подарков и другие организационные вопросы. При сватовстве стороны дарят друг другу подарки. Затем все присутствующие идут в дом жениха смотреть его хозяйство. Так сватали невест в советское время. В настоящее время церемония сватовства в традиционной форме не происходит. Жених и невеста сами договариваются о женитьбе, а на сватовстве стороны обговаривают организацию свадьбы.

Был распространен обычай купания невесты в бане до свадьбы. Если ее выдавали замуж насильно, невеста причитала. Родственники жениха наряжали маленьких девочек, давая им посохи для того, чтобы они созвали родственников жениха для помощи в приготовлении к свадьбе. Женщины приносили продукты для выпекания пирогов *луки*. Сваха отправлялась за водой для теста.

В первый день свадьбы свадебный поезд с женихом и его родственниками приезжал в дом невесты. Родителей жениха в свадебном поезде не было, их заменяли его крестные. Свадьбой руководил *уредев*. С собой они привозили угощения и выкуп за приданое невесты. У дома невесты у всех мужчин со стороны жениха отнимали головные уборы и мазали голову маслом. Позже они должны были свои головные уборы выкупить. Заходить в дом они могли только после того как заплатят выкуп за двор и дом. Затем дома стороны обменивались друг с другом хлебом. А жених дарил испеченный его матерью пирог *материно молоко* матери невесты. Внутри дома жених платил выкуп за приданое, стол, углы стола и косу невесты. Только после этого невеста выходила к гостям. Затем начиналась свадебная трапеза. После ее окончания молодые выходили на улицу, садились в свадебный поезд и ехали в дом жениха. Перед отправкой молодые обходили свадебный поезд три раза по часовой стрелке. Только после этого они отправлялись в путь. Молодых встречали родители жениха. Они давали жениху и невесте масло и мед с пожеланиями, чтобы их жизнь была легкой и сладкой. После небольшой трапезы молодые ехали в ЗАГС. Так проводили свадьбу в советское время.

Свадьба длилась три дня. На второй день молодую жену проверяли, как она справляется с ролью хозяйки. Ее отправляли за водой к колодцу или к реке с ведрами и коромыслом. Третий день свадьбы называли «*тушить пожар*». Название было связано с обрядом, главным действием которого были прыжки через костер. В настоящее время в проведении свадьбы произошли изменения. Так, свадьба вместо трех дней проводится один день. К свадьбе покупают пироги, торты и другие угощения, а не пекут сами. Вместо «материного молока» матери невесты дарят торт. Обычай выкупа входа и приданого невесты сохранился, однако его исполнение носит развлекательно-игровую форму. В первый день свадьбы после ЗАГСа молодые едут в церковь венчаться, иногда

жених и невеста сами венчаются до свадьбы.

Родинные обряды. Существовал обычай, обеспечивающий защиту рожденным и будущим детям, для этого новорожденному ребенку давали имя его отца. Для защиты от сглаза над кроватью, где спит ребенок, вешали ракушку, а также не показывали ребенка чужим людям до году. Имя ребенку давали повитухи.

Похоронные обряды. Хоронили покойника только на третий день. Когда человек умирал, тело обмывали, женщины мыли женщин и детей, а мужчин мыли мужчины. Вещи и постельное белье сжигали. Оставшуюся одежду раздавали родственникам. Обряжали в новую сшитую одежду, но ее сшивали так, чтобы швы были наружу. Старики обычно готовят для своих похорон вещи сами. Если умирал молодой человек, то ему покупали новую одежду. Присутствующие на похоронах одевали черную траурную одежду. Гроб для покойника раньше делали сами. В гроб укладывали траву, а под голову покойника подкладывали подушку с набитой травой. При выносе гроба старались коснуться им верхнего косяка двери, это делалось для того, чтобы умерший мог проститься со своим домом. Сначала гроб ставили во дворе рядом с домом, где с покойником прощаются те, кто не может идти на кладбище. Затем гроб несли на кладбище шесть мужчин на носилках. Их выбирали из членов семьи покойника. В последний раз гроб ставили уже рядом с могилой, которую копали с утра в день похорон. Впереди похоронной процессии шел человек с хлебом и отдавал его первому встречному. После завершения похорон участники возвращались обратно в дом умершего.

Дома накрывали стол для поминальной трапезы, которая длилась до обеда. Пришедшие с кладбища обязательно мыли руки перед тем, как войти в дом. Первыми за стол садились мужчины, после — женщины. Оставшуюся еду выкидывали снаружи красного угла. Крест и оградку на могилу ставят сразу, православные ставят крест возле ног, а староверам положено ставить на груди.

Существует ряд защитных обрядов и действий. На место, где стоял гроб, в момент, когда его выносят, втыкали нож между половиц пола. При этом молились *Юрт-аве* для защиты. Похоронные обряды остались практически неизменными, однако в настоящее время произошли перемены в проведении похорон. Одежду и гроб для покойника покупают в бюро ритуальных услуг. Существует обряд выкупа земли на кладбище у предков: для этого, до укладки гроба, кидают в могилу монеты. При прощании с покойником у могилы стараются притронуться к изголовью гроба и поцеловать икону. На эрзя-мордовском языке кладбище называют *Калмазыр*.

Поминальные обряды. Поминки проводили на 9, 40 день, через полгода и год. Традиционно за день до поминок топят поминальную баню. На 40 день на поминки приходили 40 человек и вешали новые вещи на крест на могиле. Поминки проходили в первую половину

дня до обеда. Сначала читали молитву за упокой души пожилые женщины, которые знают молитвы. Только после этого садились за стол. На поминках раздавали тарелки и ложки. Со слов информаторов проведение поминальных обрядов к нашему времени не изменилось.

Строительные обряды. Под запретом для строительства были деревья, в которые попала молния, и ели. По разным сторонам дома, под матицу клали шерсть и пятаки, служившие таким образом защитными оберегами. Устраивались помочи. Для помочан накрывали стол, обязательными блюдами были пироги с мясом и блины.

(Информаторы: Садовка: Артамонов Николай Ефимович, 1960 г.р.; Тихонова Елена Ивановна, 1970 г.р.; Почянина Нина Леонидовна, 1941 г.р.; Карпова Анна Васильевна, 1969 г.р.; Федорова Нина Егоровна, 1965 г.р.; Сидорова Татьяна Федоровна, 1941 г.р.; Трифонова Татьяна Григорьевна, 1947 г.р.; Жужалина Нина Николаевна, 1941 г.р.; Кармаскалы: Сараева Анна Николаевна, 1933 г.р.).

Федоровский район, с. Кузьминовка

Зимние праздники. На Рождество дети с утра ходили колядовать, они заходили к своим соседям и поздравляли с праздником. За поздравления детей угощали пирожками и конфетами, а могли дать еще деньги. Набрав угощения, они собирались в одном из домов для трапезы из того, что собрали. Сейчас дети также ходят колядовать.

На Святки ходили ряженые. Главного среди ряженых называли *Харя*, он одевал вывернутую наружу шубу. Рядились еще в начале 2000-х гг., но в настоящее время перестали.

В Крещение ходили и набирали святую воду в колодцах. Обязательно в этот день должны были искупаться ряженые, дабы очиститься от того, что они изображали нечистую силу. Сейчас также посещают церковь и купаются в проруби.

На Масленицу в течение всей недели мордва пекли блины, ходили друг к другу в гости и катались на запряженных лошадях. В последний день делали соломенное чучело. С ней катались на лошадях по всему селу. Вечером сжигали чучело возле сельского клуба. Через костер прыгали взрослые и дети.

Весенне-летние праздники. В субботу перед Вербным воскресеньем собирали в лесу вербу для предстоящего праздника. На следующий день утром матери «хлестали» своих детей вербой, желая здоровья. В первый раз этой вербой пастух выгонял скотину на пастбище. В настоящее время так делают только пожилые люди, молодежь перестала соблюдать эти обряды.

Приготовления к Пасхе начинались в субботу, когда люди пекли куличи и красили яйца луковой шелухой в желтый цвет. В день светлой Пасхи все с утра должны позавтракать одним яйцом, только после этого дети начинали ходить по домам и поздравлять односельчан с праздни-

ком. Заходя в дом, поздравляли хозяев со словами: «Христос воскрес», а хозяева им отвечали: «Воистину воскрес». За поздравления детям дарили сладости и конфеты, а также крашенные яйца. Первого ребенка, который зашел в дом, хозяева сажали на подушку как почетного гостя. После того как дети обойдут село, люди начинали ходить в гости. Обычно это происходило ближе к полудню. Пасха праздновалась целую неделю. В настоящее время Пасху стали праздновать в кругу семьи за праздничной трапезой.

За день до Троицы, в субботу, проводились поминки на кладбище, где устраивалась трапеза. В день же самой Троицы люди обязательно украшали дома и свой двор березовыми ветками. А через неделю проводили большой праздник, на котором мордва провожали весну. Молодые девушки с раннего утра направлялись в ближайший лес для сбора березовых веток. На одежду одной из девушек сплошь нашивали березовые ветки, чтобы под ними нельзя было узнать человека. А остальные девушки делали себе венки из березовых веток и травы. Девушку, которую носила такой костюм, называли «Березовая невеста» — *лекшамка*. Ее, олицетворявшую весну, водили по деревне. Так праздновали Троицу до 1970—1980-х гг. В настоящее время на Троицу лишь украшают березовыми ветками дома и дворы, которые освящают заранее в церкви.

Свадебная обрядность. Непосредственно перед обрядом сватовства проходили предварительные переговоры о дате, когда придут сватать невесту. Жених и две женщины, обычно его родственницы, приходили в дом родителей невесты и спрашивали согласия на сватовство. Сватать невесту в дом ее родителей приходили жених с родственниками. В доме происходил сговор о дате свадьбы, обговаривали также вопросы подарков.

За день до свадьбы невеста обязательно ходила в баню с подружками. Жених приезжал к невесте на свадебном поезде, запряженной лошадьми. Вместе с ним приезжали его родители, крестные, *уредев* и близкие члены семьи. Гости не могли сразу войти в дом невесты. Для этого жених выкупал право войти за ворота и в дом. Уже дома он выкупал право сесть за стол, платя за каждый угол стола, стол, а также выкупал косу невесты. В доме сторона жениха одаривала родственников невесты подарками, а сам жених дарил пирог «материно молоко». Отец невесты дарил своей дочери особый дар в виде сундука, изготовленного им или мастером. Туда она клала свое приданое, а сверх приданого клали сдобные лепешки — *чукернавка*. После начинался свадебный пир, который длился до вечера.

Затем ехали в дом жениха, где у порога молодых встречали родители жениха и его родня. Им кидали под ноги шубу и сыпали на них хмель. Здесь продолжался свадебный пир. На второй день с утра молодую искали ее родственники. После того как найдут, ее везли в дом жениха, откуда она под присмотром его родни шла за водой к колодцу, а

после пекла блины. Таким образом проверяли, какой она будет хозяйкой. В ЗАГС на регистрацию ездили обычно до свадьбы. Так проводили свадебные обряды в советское время, а в настоящее время произошли перемены. Свадьба длится всего один или два дня. Сохранился обычай выкупа входа в дом. Однако вместо «материного молока» дарят покупной пирог или торт. Помимо регистрации брака в ЗАГСе, ездят до свадьбы венчаться в церковь. Сразу после ЗАГСа участники свадьбы едут в кафе, чего не было раньше.

Похоронные обряды. Хоронили покойника только на третий день. В ночь перед похоронами, пожилая женщина, знающая молитвы, читала их всю ночь. Гроб для покойника раньше делали сами. Гроб несли на кладбище шесть мужчин на носилках. Дома накрывался стол для поминальной трапезы. Поминальная трапеза шла до обеда, для которой женщины пекли блины и варили кисель. Пришедшие с кладбища мыли руки, перед тем как войти в дом. Первыми за стол садились мужчины, после — женщины. Оставшуюся еду отдавали первому встречному. Крест и оградку на могилу ставят сразу, на кладбище их приносят зятья. Сейчас на похороны стали приглашать священника. Гробы покупают в ритуальном магазине.

Поминальные обряды. Поминки проводили на 3, 9, 40 день, через полгода и год. Традиционно за день до поминок топили поминальную баню, ставили свечку и читали псалтырь. Поминки проходили в первую половину дня до обеда. Сначала читали молитву за упокой души, затем трапезничали. На 3 день на поминках присутствующим раздают платки, на 9 день — чашки, на 40 день — тарелки и ложки.

(Информаторы: Никитин Леонтий Тимофеевич, 1936 г.р.; Евдокимова Анастасия Васильевна, 1938 г.р.; Митрофанова Татьяна Ивановна, 1962 г.р.; Николаевна Мария Ивановна, 1957 г.р.; Сайкина Валентина Николаевна, 1970 г.р.).

Федоровский район, с. Алешкино

Зимние праздники. Колядовать на Рождество ходили раньше взрослые, в настоящее время — дети. На Святки ходили ряженые. Они надевали шубы навыорот и изображали медведя и других животных.

В ночь на Крещение в советское время в церковь за святой водой не ходили, однако продолжали верить, что в этот день она становилась целебной. В настоящее время ходят в церковь и купаются в проруби. Те, кто не может пойти в церковь за водой, берут ее из колодца. Считается, что вода из колодца на Крещение также приобретает целебные свойства.

На масленичную неделю пекли блины и ходили друг другу в гости.

Весенне-летние праздники. За день до Вербного воскресенья в субботу люди ходили собирать вербу в лесу. Собранной вербой хозяйка дома будила домашних, «хлестая» их вербой и желая им здоровья и счастья и приговаривая при этом: «*Верба хлест бьет до слез, Верба*

белая бьет за дело».

На Пасху *Ине чи* дети с утра ходили по домам, поздравляли с праздником и говорили «*Христос воскрес*», на что хозяева отвечали им «*Воистину воскрес*». За поздравления и оказанное внимание хозяева дарили детям крашеные яйца. Первого вошедшего ребенка сажали на подушку. Последний день Пасхи называли *Ине чи проважи маги*, иначе *Красной горкой*. Название связано с игрой, когда дети катали с горки яйца, собранные в праздник.

В день Троицы люди обязательно украшали дома и свой двор березовыми ветками. В конце троицкой недели девушки с утра уходили в лес для сбора березовых веток. Из собранных веток они делали костюм, который скрывал личность человека, его одевшего. Девушку, которую носила такой костюм, называли «Березовая невеста» — *Каилеень одирьва*. Девушку, олицетворявшую весну, водили по всей деревне. Так отмечали Троицу в советское время и некоторое время в 1990-е гг. В настоящее время проводов весны не уже устраивают.

Одним из основных общесельских праздников был *Велень-пия* «Деревенское пиво». Главным напитком являлось домашнее пиво.

(Информаторы: Юртаева Татьяна Владимировна, 1975 г.р.; Камнова Елена Петровна, 1954 г.р.).

Ермекеевский район, с. Новые Суллы

Зимние праздники. На Рождество колядовали. С утра дети заходили во дворы своих соседей и поздравляли с Рождеством. За поздравления хозяева дома дарили детям пирожки. Но, если хозяева не встречали детей, то они могли что-нибудь украсть. Сейчас дети продолжают колядовать, однако вместе с поздравлениями они читают рождественские молитвы на русском языке.

Масленицу отмечали в течение недели. В период всей недели мордва пекли блины и ходили друг к другу в гости. Последним днем масленичной недели было Прощеное воскресенье. В этот день дети просили прощения у старших. Когда просили прощение друг у друга, говорили следующие слова: «*Прости мать, пожалуйста, может колыяк покурдитань обидитинь*». И именно вечером этого дня сжигали соломенное чучело, с пожеланиями хорошего года. Через огонь прыгала молодежь. В настоящее время так Масленицу давно не справляли. Сейчас на праздник родные и близкие собираются вместе за праздничным столом.

Весенне-летние праздники. В день Пасхи дети заходили в дом своих соседей и поздравляли с праздником, дети говорили «*Христос воскрес*», а отвечали им «*Воистину воскрес*». За поздравления дарили детям крашеные яйца. Однако сейчас Пасху отмечают лишь дома за трапезой в кругу семьи. Она стала семейным праздником.

На Троицу украшали дома и ворота ветками березы и рябины.

(Информатор: Сперина Нина Степановна, 1929 г.р.).

Аургазинский район, д. Наумкино

Зимние праздники. На Рождество дети колядовали. На Святки ходили ряженые, одетые в вывернутые шубы. Считалось, что таким образом выгоняют злых духов из дома. Заходя во дворы, раскидывали зерно, таким образом, даря счастье хозяевам. Сейчас на Святки молодежь продолжает рядиться, но уже не так массово, как ранее.

Отмечать Крещение в советское время, было не принято. Однако сейчас на Крещение ходят на службу в церковь.

Весенне-летние праздники. В четверг, который называли «чистым», готовились к Пасхе, пекли пироги и красили яйца. В день светлой Пасхи дети ходили по домам и поздравляли односельчан с праздником. Детям дарят крашеные яйца, освященные в церкви. Только после того как дети обойдут соседей, люди начинают ходить друг к другу в гости. Как правило, в гости начинают ходить в обед. Сейчас Пасху отмечают в кругу семьи за праздничным столом.

В субботу перед Троицей проводили поминки на кладбище. В Троицу дома украшала березовыми ветками. В следующее воскресенье провожали весну. Утром молодежь собиралась вместе и шла в лес. Здесь они находили березку, которую рубили и украшали лентами. А после несли ее в деревню. В центре деревни возле березки устраивали праздничную трапезу. После трапезы с березки снимали украшения и кидали ее в реку. В настоящее время обряд не проводится.

Свадебные обряды. После успешного сговора приходили сватать невесту. Сватать невесту в дом ее родителей приходили сватья во главе с *уредовом*. Гостей встречали хлебом с солью. В этот день стороны договаривались, когда будет свадьба. Сватьям дарили рубашки и платья. Жених приезжал к невесте на свадебном поезде, запряженной лошаадьми. Вместе с ним приезжали его родители, крестные, *уредов* и близкие члены семьи. Гости не могли сразу войти в дом невесты. Для этого они выкупали право войти за ворота и в дом. Уже в доме дружка выкупал стол и его углы, жених выкупал невесту, а отец выкупал ее приданное. После того как родня жениха заходила в дом невесты, жених дарил особый пирог, имевший название «*материно молоко*» — *ава ловцо*, матери невесты. Этот свадебный пирог пекли родственницы жениха утром в день свадьбы. Отец невесты дарил своей дочери особый дар в виде сундука, куда она складывала свое приданое, а поверх него — свежий испеченный хлеб. После чего начинался свадебный пир.

После трапезы в доме невесты молодые ехали в дом жениха. Но перед тем как они выезжали, сваха и *уредов* обходили свадебный поезд по часовой стрелке и только после этого выезжали. У порога дома молодых встречали родители жениха и его родня. Молодым под ноги кидали шубу и выносили хлеб с солью. После этого свадебный пир про-

должался. Через неделю после свадьбы невеста могла в первый раз поехать к своим родителям вместе с мужем.

Погребальные обряды. Хоронили покойника только на третий день. Гроб для покойника раньше делали сами. Когда гроб выносят из дома, то его ставят во дворе. Здесь с покойником прощаются в первый раз. Затем гроб несли на кладбище (*калмолокс*) восемь мужчин на полотенцах, которые затем разрезали на равные части и раздавали тем, кто нес гроб.

В доме накрывался стол для поминальной трапезы. Крест на могилу ставят сразу. По-другому обстоит дело с оградкой, которую ставят позже. Еду, оставшуюся после похоронной трапезы, выбрасывали снаружи красного угла дома, этот обряд называли *пазауголс*. Сейчас также стараются соблюдать многие похоронные обряды.

(Информаторы: Матвеева Оксана Витальевна, 1973 г.р.; Николаева Екатерина Никоновна, 1955 г.р.; Захарова Ольга Андреевна, 1936 г.р.; Матвеева Елена Федоровна, 1936 г.р.).

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

**ПОВЕРЬЯ И ОБРЯДЫ У ЧУВАШ
БЕЛЕБЕЕВСКОГО УЕЗДА**

(Заметка Действительного члена Уфимского Статистического комитета, Мирowego посредника 6 уч. Белебеевского уезда, князя Девлеткильдеева)

Характерной особенностью общероссийской историографии XIX–начала XX вв. является заметное оживление на окраинах России так называемой «провинциальной исторической науки, представленной в основном краеведами-любителями»¹. Активная публикационная деятельность неравнодушных к местной истории людей на страницах периодической печати имела место в Оренбургской и Уфимской губерниях. Свои материалы они в основном печатали в единственной газете нашего края — «Оренбургские губернские ведомости» (с 1838 г.), а с образованием Уфимской губернии (1865 г.) — в газете «Уфимские губернские ведомости». Несмотря на то, что в них в большей мере печатались сведения о текущей жизни в крае, на страницах газет время от времени публиковались этнографические материалы, знакомящие читателей с историей, культурой и бытом народов Южного Урала. Важно также отметить, что результаты научных изысканий или просто наблюдений историко-этнографического характера о народах края в газету предоставляли не только краеведы (Р.Г. Игнатьев, Н.А. Гурвич, В.В. Зефирова, В.С. Юматов, В.С. и М.В. Лосские, Н.В. Ремезов и др.), но и местные чиновники, которые служили на разных должностях административно-управленческого аппарата Уфимской губернии. Одним из таких корреспондентов газеты второй половины XIX в., который оставил весьма любопытные этнографические заметки о чувашах Уфимской губернии, был князь Девлеткильдеев. Его работа под названием «Поверья и обряды у чуваш Белебеевского уезда» увидела свет на страницах газеты в 1867 г. (№№ 44 и 46). На момент написания своего труда автор исполнял должность мирowego посредника² шестого участка Белебеевского уезда, был избран действительным членом Уфимского статистического комитета.

Благодаря исследованиям ученых и местных краеведов известно,

¹ Бердинских В.А. Уездные историки: русская провинциальная историография. М., 2003. Цит. по: Историко-краеведческие исследования на Южном Урале в XIX–начале XX вв. / составитель М.И. Роднов. Уфа, 2004. С. 168.

² Мировой посредник — чиновничья должность в Российской империи (с 1859 г.) для улаживания поземельных отношений между помещиками и крестьянами и надзора за крестьянскими учреждениями.

что автором названного труда был Сариаскар Сеидбаталович Девлеткильдеев — князь, потомственный дворянин, выходец из служилых татар. В конце XIX в. он владел именем площадью 280 десятин земли, которое распласталось в дер. Кугуль (Марыно тож) Новоселовской волости Уфимского уезда. В настоящее время это одноименное поселение, входящее в состав Благоварского района РБ. С.С. Девлеткильдеев скончался в 1894 г., оставив после себя большое семейство. 31 июля 1897 г. Уфимский окружной суд законными наследниками поместья признал его шестерых детей (Арасланбека, Рустембека, Салимгарея, Касимхана, Бибикутлузгаман (Котлазаман), Бахрильхает (Бахрамхаят), а также вдову — Бибимархадю Мухаметшарифовну или Мархабу Мухаметшарифовну³. Ценные сведения о роде князей Девлеткильдеевых содержатся также в изданиях, посвященных исследованиям татарских дворянских родов и фамилий⁴. Семья была известна своими культурными традициями и оставила глубокий след в истории местного края. Необходимо отметить, что выходцем из этой семьи является Касимхан Салиаскарович Девлеткильдеев (1887–1947) — известный художник, член Союза художников СССР, основоположник изобразительного искусства Республики Башкортостан⁵.

Как отмечает Девлеткильдеев в своем сочинении, с чувашами Белебеевского уезда ему удалось близко познакомиться, благодаря служебной деятельности. Будучи мировым посредником и улаживая межземельные вопросы и споры, он часто бывал в чувашских населенных пунктах.

В основу своих заметок он положил описания некоторых религиозных верований и обрядов, «характеризующих некоторые черты их религиозного мировоззрения». В их числе весенний обряд изгнания из деревни злых духов и болезней (сёрен), летний обряд вызывания дождя (сумър чўк), моление об урожае и всеобщем благополучии (учук), благодарственное моление Верховному богу в честь благополучного завершения земледельческих работ (сёнь тырӑ чўклени, чўклеме). В заключительной части своих заметок автор остановился на обрядах, связанных с поминовением усопших в Семик, и вступлением в брак.

В целом, этнографический труд Девлеткильдеева представляет большую ценность. Во-первых, он написан исключительно на оригинальном материале, который ему удалось собрать среди чувашей Белебеевского уезда. Во-вторых, чувашские обряды в заметках изложены доста-

³ Данные предоставлены уфимским ученым-историком, доктором исторических наук Родновым Михаилом Игоревичем, за что автор настоящей статьи приносит ему свою благодарность.

⁴ Думин С.В., Гребельский П.Х. Князья Девлеткильдеевы // Дворянские роды Российской империи. Т. 3. М., 1996. С. 135; Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006. С. 139–142 и др.

⁵ Оськина И.Н. Девлеткильдеев Касим Салиаскарович // Башкирская энциклопедия в 7 т. Т. 2: В–Ж. Уфа, 2006. С. 432–433; Бондаренко Л.В. Классик башкирской живописи // Ватандаш. 2002. № 9. С. 158–167.

точно подробно, Автор оставил не только описания некоторых календарных и семейных обычаев и обрядов, но и снабдил их аутентичными текстами на чувашском языке. Прежде всего это касается чувашских молитв. Точные и емкие наблюдения Девлеткильдеева позволяют сделать вывод о том, что религиозные верования и обряды чувашей Уфимской губернии во второй половине XIX в. все еще устойчиво сохраняли многие элементы «язычества». Причем это касалось не только некрещеных, но и крещеных чувашей.

Ниже приводим полный текст труда указанного автора с сохранением орфографии того времени. Кроме этого текст снабжен некоторыми комментариями публикатора данной работы в виде постраничных сносок на русском и чувашском языках.

И. Г. Петров

Заботой правительства и содействием образованных сословий, всеобщее распространение грамотности, в особенности в среде еще невежественного и заблужденного старинными предрасудками народа, — уже видимо указывает благотворную цель — поставить простолюдина на колею гражданственности и самопознания. Нечего говорить, что в настоящую время — эпоху великих реформ — народное образование есть неперемнная потребность, особенно ощутительная в здешнем крае, населенном различными племенами. Наконец и сам народ чувствует эту потребность и охотно посылает детей в училища.

Далеко не в таком положении однако большинство чуваш Белебеевского уезда, которых я узнал по служебной моей деятельности. Эти инородцы вообще, не исключая и крещеных, пребывают почти еще в первобытном состоянии и на долгу еще предстоит между просвещением их и окреплым невежеством и слепую привязанностью к старинному быту в отношении вещественном и духовно-нравственном.

В настоящей статье я намерен сообщить только о некоторых поверьях и обрядах, твердо чинимых и соблюдаемых сказанными Чувашами до настоящего времени характеризующих некоторые черты их религиозного мирозерцания. Вот главные из сказанных обрядов.

Сюрня (изгнание разных болезней и предохранение от них в течении года)⁶. Весною, по посуху, перед началом яровой пашни, собирают-

⁶ Автор имеет в виду чувашский весенний обряд изгнания злых духов и болезней. У низовых чувашей он бытовал под названием «сёрен», а у верховых и части средненизовых чувашей — «вирём». Проводился в четверг или субботу перед наступлением Пасхи (*Мянкун*) или в первый или второй день Пасхальной недели.

ся мальчики от 12 до 15 летнего возраста; берут в руки длинные палки⁷, а мальчики постарше навешивают на шею мешки, лукошки, челячки⁸ и проч.; затем идут на конец деревни; входят в крайнюю избу, начинают стучать палками по стенам, поластям, брусам и везде; это делают и на дворе. Если в избе есть большой, то и его бьют палками до такой степени, что он едва остается жив⁹, если не спрячется куда-нибудь на полати, на печи или в другое место. Это делается для того, чтобы больной поскорее выздоровел. Таким образом обходят всю деревню, где в каждом доме дают им крупы, масла, молока, яиц и т.п. Потом уходят из деревни к ближайшему оврагу, взяв с собою понемногу соломы и дров; раскладывают на берегу того оврага огонь и из собранного припаса варят кашу. Когда она будет готова, кладут солому в три кучки, зажигают их и каждый мальчик перепрыгивает через них, а потом уже едят кашу и яйца, а остатки сжигают. Лукошки, мешки, челячки и палки по окончании церемонии также сжигаются и все мальчики потом купаются в речке, не раздеваясь, и расходятся по домам.

Сюмыр-чюк (прошение дождя)¹⁰. Во время яровой пашни молодые парни от 15 до 25 летнего возраста (холостые и женатые), собравшись вместе, берут с собою мешки, челячки и чашки и обходят все дома, где им дают яйца, масло, крупу, соль, муку, печеный хлеб и т.п., а кто побогаче — то и барана; уходят за деревню в особо назначенное тайное место, преимущественно около речки; туда же приносят котлы, варят кашу, яичницу и проч. Затем приготовленное кушанье выкладывают в чашки и парни постарше берут в руки эти чашки, и оборотясь на восход солнца, говорят по чувашски: «*Пирин чюга сирлахтар, туры сюмыр пар, а бирь и дапырь сан-рань, пурь-а чазань-пала!*»¹¹, т.е. «Господи! Мы молодые люди просим тебя, дай нам дождя для хорошего урожая

⁷ В этой части автор не совсем прав, потому что участники обряда на самом деле вооружались не палками, а небольшими прутьями из рябины или шиповника, считавшихся оберегающими людей от «злых» сил предметами.

⁸ Челяк — долбленое деревянное ведро, сосуд со вставным дном.

⁹ Данное утверждение является авторским вымыслом, потому что больно-го лишь слегка похлестывали принесенными прутьями и жестокой экзекуции не подвергали.

¹⁰ Здесь речь идет о чувашском летнем обряде «*сумър чүкё / сумър чүк*» — общественном молении с жертвоприношениями духам природных стихий (дождя, ветра, засухи, града и т.п.) с просьбой о ниспослании благоприятной для ведения земледелия погоды. Чаще в обрядовой молитве чувашки ограничивались вызыванием дождя, что, вероятно, сказалось на его названии. Обычно проводился в период восхода зерновых культур или наступления аномальной засухи.

¹¹ Чувашский текст: «*Пирён чүка сьрлахтар, Турă сумър пар, эфир ы(й)тапър санран пур ачасампала!* [Помилуй наш чюк, Боже, дай дождя, мы просим тебя со всеми детьми].

хлеба!»). По окончании этого моления садятся вкрут, едят приготовленную пищу, а после того, не раздеваясь, купаются в речке и расходятся.

Учюк (моление о хорошем урожае, богатстве и здоровье)¹². После яровой пашни пожилые чуваша собираются к одному хорошо знающему обряды и уважаемому всеми старику (Юмся)¹³ для совещания о времени моления *Учюк*. Юмся назначает день Пятницу¹⁴, как праздничный по чувашскому обычаю, а также кому что именно следует взять с собой к месту собрания, как-то: телку двухлетнюю, барана, жеребенка рыжей масти (жеребенок назначается через 10 лет от каждого домохозяина по очереди), а кто не в состоянии этого сделать, то — муки, крупы, яиц, масла и т.п. В назначенный день одеваются в чистое белье все от старого до малаго и обоего пола, сходятся со скотиною и припасами в определенное для того тайное место, преимущественно в лесу или овраге. Здесь каждый домохозяин по очереди подводит к Юмсе свою скотину; он поставив ее к восходу солнца, окачивает из своих рук водою три раза вдоль спины, и если животное после окачивания стряхнется, то тут же закалывает его и отдает хозяину для сварения, в противном случае оно не закалывается, а возвращается хозяину до будущего года; мясо тут же варится в котлах, потом выкладывается в чашки, которые по очереди вручаются Юмсе для прочтения молитвы, заключающейся в прошении: хорошаго урожая хлеба, богатства и здоровья, молятся же так, что все скидают шапки, оборачиваются на восход солнца, читая молитву, кланяются в пояс, а в заключение моления кладут все по три земных поклона. Затем садятся в кружок, едят приготовленное кушанье; остатки де частию отдают тут же собакам и частию уносят домой, а посуда: чашки, чилияки, ложки оставляют на месте. Если собаки едят мирно, то моление услышано Богом. По окончании еды каждый домохозяин оставляет на месте несколько медных монет и никто не осмеливается брать их. Здесь нелишним нахожу заметить, что места, на которых сходятся чуваша для молений, считаются неприкосновенными и не употребляются для возделываний, т.е. никто не должен там ни распахать

¹² На чувашском языке обряд называется «*уй чүк / уй чүкё / уй чүк / учюк*» (букв. полевое моление, полевое жертвоприношение). Относился к числу общесельских молений с жертвоприношениями, адресованными Верховному Богу, его семейству и окружению. Проводился в определенном месте на окраине деревни около родника или леса и приурочивался ко времени летнего солнцестояния. Жертвенных животных покупали на общественные деньги.

¹³ От чувашского слова «*юмăс*», т.е. ворожей, знахарь, целитель, прорицатель.

¹⁴ По старинному календарю, днем отдыха у чувашей считалась пятница. Поэтому он назывался «*эрнекун*», т.е. «недельный день» или «день, завершающий неделю». С принятием христианства эти функции перешли на воскресенье «*вьрсарникун*», что в переводе означает «русская пятница» или «завершающий день русской недели».

землю, ни косить траву, ни рубить лес, от посторонних же лиц нечуваш эти священные и заветные места осторожно скрывают и охраняют.

Сини-тыры-чюклямы (моление нового хлеба)¹⁵. По уборке хлебов, т.е. осенью, смешав часть нового хлеба с оставшимся от прошлого года, смальывают его варят из него пиво, приготавливают разное кушанье. Затем домохозяйин посылает молодого односельчанина — сына, племянника или друга к соседям для приглашения на моление нового хлеба. Собираются чуваш в числе до 12 человек. В это время им подают по маленькой чашечке пива, а на стол кладется несколько короваев хлеба и сыр; хозяин и гости с чашечками пива встав на ноги, оборачиваются к двери немного растворенной. Из них пожилой чуваш читает вслух следующую молитву: *«Я писмиля туры сырлах; туры анбрахъ, санавидинянь, сан-ранъ идать, пур ачасам балан, выльы-гимъ пала кинъ курт-мя пар вылиги мя чирлягама исвмялих, симялих киясь сюла тада, туры паръ, ангардыня кырзан туп туллы тыры паръ, кардана кир-зьянь курза саванмалых, туптуллы вылихъ паръ, кияганъ каяганъ синна сюгуръ касмалыхъ туры паръ, узаль дан, хаяръ дан хударъ туры, вурьранъ, вутранъ, мивы ранъ пур семьямъ палан туры хударъ, чюк сырлах!»*¹⁶. В переводе на русский язык значит так: «Благослови меня Бог и не оставь! Тебя прошу со всем семейством моим и всем моим скотом! В углу дай, Бог, владеть сноху и дай здоровья всему семейству моему и скотине; когда пойду на гумно, то сподоби меня радости видеть

¹⁵ Автор пишет о чувашском обряде «сёне тырă чу́клены» или «чу́клеме». Являлся благодарственным молением Верховному богу *Турă* и добрым богествам в честь благополучного завершения годового цикла земледельческих работ и начала употребления нового хлеба. Время проведения обряда не имело строгой регламентации и зависело от наличия в семье хлебных запасов. Обряд мог совершаться сразу после молотбы, чаще в месяц жертвоприношений (в ноябре), зимой и даже весной на масленицу. Моление начиналось в доме самого старшего члена семейно-родственного коллектива, а потом продолжалось в домах других родственников. Главными обрядовыми блюдами на столе были каша, хлеб и пиво, приготовленные из нового урожая.

¹⁶ Чувашский текст: «Э, пёсмёлле, Турă, сырлах; Турă ан пăрах, сана витёнетпёр, санран ыйтатпăр ачасампалан выльăхăмпалан. Кин кўртме пар, выльăхăма-чёрлехёме ёсмелёх-симелёх килес сул тата, Турă, пар, анкартине кёрсен туп-тулли тырă пар, картана кёрсен, курса саванмалăх туп-тулли выльăх пар, килекен-кажан сынна сакăр касмалăх, Турă, пар, усалтан. хаярган хăтар, Турă, вăрăран, вутран, шывран пур семьямпелен хăтар, чу́к сырлах!» [Э, бисмиля, Боже, помилуй; Боже, не оставь нас, на тебя надеемся, от тебя просим со всем семейством и домашним скотом. Сноху привести дай, домашнему скоту на следующий год еды и питья дай, на гумне дай много хлеба, на скотном дворе на радость дай много скотины, дай, Боже, хлеба, чтобы нарезать и дать проходящим и уходящим странникам, Боже избавь семейство от вредных и злобных людей, от вора, от огня, от наводнений со всей семьей спаси, Боже, чюк, помилуй!].

много хлеба, чтобы я мог приять странников и накормить и напоить их; спаси и сохрани от злого человека и воров, от огня, от наводнения и ненавидящих меня!». Затем после моления все пьют по три чашечки пива. После сего хозяин подает всем по две чашечки пива называемыя: *Савыш-курки*¹⁷ и *Сюря-курки*¹⁸. Принимающему чашку, хозяин говорит: «*Тав сана, савыш-курки, савва исмялла-тять тюппи-бялан исмялла ягана сю малла мажа ховола гыньнь чибьърки сивчи пулдыър тять, агарди тюпи балангысмязасынь сичча дасичча курга исмялла тять*»¹⁹. По переводе слова эти означают следующее: «Здравствуй! Вот тебе подается любимая чашка пива, которую ты должен выпить до дна; а когда выедешь на пашню, сабан обмой; погоняльщик был бы исправен с хорошим кнутом. Если же ты не выпьешь всю чашку, то обязан будешь выпить 49 чашек безоговорочно». Таким образом подается и вторая чашка *Сюря курки*, при котором хозяин говорит: «*Тав сана, сюря-курки, сюря сгоряганьнь лажи самыр пулдыър, кисси хулым пулдыър, лаих сюрэгана хирли сьмарда, а лаих сюрамань сьмурт кукли*»²⁰. Это значит: «Здравствуй! Очередь пить тебе бороновую чашку. У бороновальщика лошадь была бы жирная, кошма толстая; кто хорошо будет бороновать, тот получит красное яйцо, а если нехорошо будет бороновать, тому розги». После всего этого пьют пиво в честь солнца, луны, звезд, земли, гор, морей, рек, зверей, птиц и других животных, а в особенности волка; потом едят салму и мясо и расходятся.

Поминование усопших. Торжественное поминование по усопшим бывает в семик (четверток перед Троицей)²¹. К этому времени варят пиво, мед, покупают вина, пекут блины, варят мясо и другие припасы. После обеда каждый домохозяин созывает к себе в дом своих родных; в избе к двери ставится стол, а на стол кладутся блины и другие припасы; на середину стола ставится пустая чашка и челяк или ведро, на краях коих чашки, челяка или ведра прилепляются маленькия восковыя свечки по числу усопших в доме; затем все присутствующия, отципнув

¹⁷ По-чувашки: «*Савыш курки*», т.е. заздравный ковш.

¹⁸ По-чувашки: «*Сюре курки*», т.е. бороны ковш.

¹⁹ Чувацкий текст: «Тав сана, савыш курки, савна ёсмелле, тет, тёппипелен, акана (акапусне) сумалла, лаша хавалаканан чяпъркки сивеч пултър тет, <?> тёппипелен ёсмесесён сиччэ те сиччэ курка ёсмелле, тет» [Приветствую тебя, заздравный ковш, говорят его следует выпить до дна, чтобы плуг обмыть, кнут погоняльщика лошади пусть будет острым, <?> если не выпить этот ковш до дна, семь да семь ковшей выпить следует, говорят].

²⁰ Чувацкий текст: «Тав сана, суре курки, суре сурекеннин лаши самър пултър, кёсси хулам пултър, лайах сурекене — хёрлэ сьмарта, а лайах суременине — сёмёрт кукли» [Приветствую тебя, бороны ковш, у бороновальщика лошадь пусть будет жирной, войлок пусть будет толстым; кто будет хорошо бороновать, тому красное яйцо, а тому, кто будет бороновать худо — рябиновые розги].

²¹ Четверток — то же, что и четверг.

по маленькому кусочку блина или другого припаса, кладут в пустую чашку, а в челяк или ведро вливают понемножку пива со словами, относящимися к покойнику «*Пагильту!*»²², т.е. благослови меня. Таким образом продолжается до того, когда все покойники будут помянуты. После того означенные припасы и пиво выбрасывают собакам и, если они при еде раздерутся, то чувашки полагают, что покойники в загробной жизни живут в блаженстве, а если напротив собаки едят смиренно, то жизнь на том свете покойников очень невесела. Некоторые из чуваш в это время ходят на кладбища, взяв туда также разные припасы: пива, вина, музыку: пузырь, волынку, скрипку, балалайку; едят, пьют; женщины плачут по покойникам; потом когда напьются, как мужчины, так женщины, поют уже песни, начинается музыка и пляска до поздней ночи, так что с кладбища без чувств пьяные уезжают на лошадях.

Чувашский семик²³ празднуется до трех дней и преимущественно в то же время у них играют свадьбы. Большею частью свадьбы устраиваются так, что задумавший жениться, пригласив родственников своих, увозит понравившуюся девушку врасплох с улицы или с работы насильно, тайком от родителей и родственников, даже часто и не спрашивая ее согласия²⁴. После кое-как соглашаются; невеста живет у жениха продолжительное время (конечно еще не венчаясь), потом делается с ее родителями мировая и начинается уже свадебное торжество, приносившая ко времени семика. В настоящее время, впрочем, весьма вредный обычай этот кражи невест, благодаря некоторому контролю административной и духовной властей и некоторому также сознанию того вреда самыми чувашами, понемногу начал выводиться.

²² По-чувашски: «*Пахил ту!*», т.е. «Благослови!»

²³ Имеется в виду летний обряд «*сѣмѣк*» (от русского семик, седьмой четверг после Пасхи) — летнее поминовение усопших с посещением кладбищ. До массового крещения чувашей обряд проводился в четверг до наступления Троицы. После принятия православия он стал приурочиваться к Троице. Часть чувашского населения «*сѣмѣк*» отмечают в установленную православной церковью Троицкую субботу, а другая — в день Троицы, т.е. в воскресенье. Некрещенные чувашки по традиции праздник отмечают в четверг.

²⁴ К сожалению, автор остановился лишь на браке путем похищения невесты (*хёр вёрлани*). Между тем, наряду с указанной формой брака существовала и другая, когда брак заключался по взаимной договоренности сторон. В прошлом он осуществлялся посредством предварительного стовора «*кѣлѣшѣ/кѣлѣшни*» и сватовства «*сѣрасу/сѣрасни*». Заключение брака по взаимной договоренности считалось у чувашей общепринятой нормой и поэтому такие браки являлись преобладающими.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	3
АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ	
Башкирские и русские селения Тамьян-Катайского кантона в 1925 г.: архивный документ из фондов Белорецкого краеведческого музея (публикация <i>З.Ф. Хасановой</i>)	7
Материалы по русскому горнозаводскому населению Башкирии в рукописи Р.А. Алферова «Свадебные обряды прошлого» (публикация <i>З.Ф. Хасановой</i>)	25
Свадебный обряд русских Башкортостана в материалах экспедиций МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством Э.В. Померанцевой (1948–1949 гг.) (публикация <i>Ф.Г. Галиевой</i>)	39
Село Большой Гондырь в первые десятилетия XX века: новый источник по истории и этнографии закамских удмуртов (публикация <i>Р.Р. Садикова</i>)	59
ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ	
<i>Галиева Ф.Г.</i> Семейная обрядность башкир Архангельского района Башкортостана (материалы экспедиционного выезда 21–26 июня 2017 г.)	77
<i>Нечвалода Е.Е.</i> Материалы по этнографии русских, собранные в 2013 г. в Мечетлинском районе Башкортостана: праздники, обычаи, обряды, поверья, приметы, музыкальный фольклор	89

<i>Петров И.Г.</i> К вопросу о типологии надмогильных памятников некрещеных чувашей Южного Приуралья (по материалам экспедиций 2014 г.)	109
<i>Садиков Р.Р.</i> Современные религиозные традиции закамских удмуртов (материалы экспедиционного исследования 2017 г.)	123
<i>Абдулхаликов Р.А.</i> Полевые материалы по этнографии мордвы Республики Башкортостан (экспедиционные записи 2017 г.)	137
ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ	
<i>Девлеткильдеев С.С.</i> Поверья и обряды у чуваш Белебеевского уезда (публикация <i>И. Г. Петрова</i>)	161

знак информационной **16+**
продукции согласно
Федеральному закону от
29.12.2010 №436-ФЗ

Научное издание

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА

Выпуск 2

Составитель и ответственный редактор *Ф.Г. Галиева*
Верстка *И.В. Кучумова*
Дизайн обложки *А.И. Нечвалоды*

Сдано в набор 01.11.2018. Подписано в печать 07.11.2018.
Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Georgia».
Печать ризографическая. Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 9,1.
Тираж 500 экз. Заказ № 1548. Цена договорная.

ООО «Первая типография»
450012, г. Уфа, ул. К. Маркса, 65; ufaprint.net@gmail.com;
ufaprint.net

Отпечатано в ООО «Первая типография» в полном соответствии
с предоставленными оригинал-макетами.
450012, г. Уфа, ул. К. Маркса, 65; ufaprint.net@gmail.com;
ufaprint.net

ДЛЯ ЗАМЕТОК